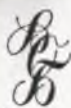

В. Б. Конасов

**СУДЕБНОЕ
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
НЕМЕЦКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ
В СССР**

**Москва
1998**

Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И.В.Бабушкина

Дар автор

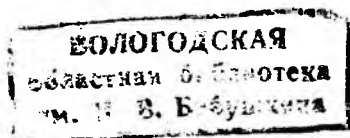

В. Б. Конасов

Судебное преследование
немецких военнопленных
в СССР. Внешнеполитический
аспект проблемы

K1273853

Москва
1998

ББК 63.3(2)622

К 64

Конасов В. Б.

К 64

Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы /Под общ. ред. доктора ист. наук, проф. В. А. Золотарева. — М.: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 1998. — 168 стр. — ISBN 5-87590-022-9.

Новая книга кандидата исторических наук В. Б. Конасова посвящена крайне актуальной в свете российско-германских отношений проблеме — судьбе осужденных немецких военнопленных в бывшем СССР. Впервые в отечественной литературе дается историография вопроса о репрессивной политике советского государства по отношению к обезоруженным солдатам и офицерам вражеской армии, анализируются практика судебного преследования немецких военнопленных и дискуссии по этой проблеме на международном уровне.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
В. Н. Вартанов,
доктор исторических наук, профессор
М. Е. Ерин.

ISBN 5-87590-022-9

© Институт военной истории
Министерства обороны РФ.
1998 г.

ВВЕДЕНИЕ

Более полувека прошло с тех пор, как отгремели последние залпы второй мировой войны. Невиданной трагедии в истории человечества посвящены тысячи книг, статей, документальных и художественных произведений. До настоящего времени ученые пытаются разобраться в причинах и характере минувшей войны, исследуют ее воздействие на судьбы народов, переосмысливают вроде бы уже хорошо известные факты и события.

К разряду дискуссионных, неоднозначно воспринимаемых германской и российской научной общественностью относится вопрос о судебном преследовании немецких военнопленных в СССР. На протяжении долгих лет эта проблема несла на себе отпечаток времен холодной войны и политического противостояния двух общественных систем. На качественно новый уровень ее исследования российским и зарубежным ученым в начале 90-х годов позволили выйти потепление климата в международных отношениях, снятие идеологических запретов, более свободный доступ к некогда строго секретным документам. При этом представители юридической и исторической наук по-разному формулируют (и это вполне оправданно) свои задачи. Юристы, к примеру, ставят цель "исследовать проблему теории и практики ответственности за военные преступления"*.

Задача же историка в первую очередь сводится к тому, чтобы воссоздать макси-

---

*Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). — Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997, с. 7.

мально объективную картину судебного преследования немецких солдат и офицеров, виновных в нарушении законов и обычаев войны.

В своей монографии автор рассматривает наиболее принципиальные и дискуссионные моменты проблемы. Крайне важно, к примеру, выявить причины и характер судебных процессов над военными преступниками. Первая волна репрессий прошла вскоре после капитуляции Германии, вторая — два года спустя, третья — на рубеже сороковых—пятидесятых годов. На всех этапах судебные разбирательства имели свои общие и отличительные черты.

Попытки объяснить репрессивную практику советского государства в отношении немецких военнопленных исключительно политическими амбициями Кремля не выдерживают серьезной критики. Хорошо известно, что у правительства СССР и его граждан были вполне обоснованные претензии к немецко-фашистским оккупантам. Для наказания военных преступников имелась правовая база, которая включала в себя документы республиканского, общесоюзного и международного уровней. Вместе с тем полностью игнорировать роль политического фактора в организации открытых и закрытых судебных процессов над немецкими военнопленными было бы ошибочным. Необходимо выяснить степень его влияния на принятие государственных решений на различных этапах репрессивной политики. При этом нельзя сбрасывать со счетов международную обстановку, отношение союзников к проблеме наказания участников зверств и злодеяний на оккупированных территориях.

В начале 50-х годов проблема военных преступников из области международноправового регулирования все отчетливее смещается в такие сферы, как пропаганда и дипломатия. О реакции правительства СССР на выпады идеологических противников можно судить по материалам прессы. В свою очередь знакомство с содержанием переговоров и перепиской СССР с бывшими союзниками, правительствами ФРГ и

ГДР, Организацией Объединенных Наций, Международным комитетом Красного Креста дает возможность сделать вывод об эффективности дипломатических демаршей сторон.

В последнее время появились интересные публикации о так называемой «хрущевской оттепели», которая, помимо прочего, сопровождалась амнистией осужденных иностранных граждан. Тогда, в 1953—1956 гг., смогли вернуться на родину и последние немецкие военнопленные. Каковы были при этом побудительные мотивы преемников И. В. Сталина? Какое место отводило проблеме освобождения военных преступников в своей внешней политике новое советское руководство? Попытка ответить на эти вопросы, волновавшие западных политиков более сорока лет назад, предпринята в настоящей книге.

Немаловажное значение имеет статистический аспект проблемы. Объективная оценка масштабов незаконного привлечения немецких военнопленных к уголовной ответственности может быть дана только после тщательного анализа количественных параметров. Необходимо установить общее число осужденных германских подданных, выяснить, сколько из них проходило по документам НКВД—МВД как "военные преступники", "реакционно и реваншистски настроенные лица", "контрреволюционный элемент". Сравнение этих цифр с количеством ныне реабилитированных Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры Российской Федерации позволит сделать предварительные выводы.

Источниковой базой для написания работы послужили документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), архиве Управления внутренних дел Вологодской области (архив УВД ВО). Среди них есть доклады на имя И. В. Сталина об организации и проведении судебных процессов, аналитические справки и служебные записки органов НКВД—МВД, дирек-

тивы и приказы по вопросам агентурно-оперативной работы, межправительственная переписка.

При написании монографии использованы сборники документов по истории второй мировой войны и внешней политике Советского Союза, зарубежная и отечественная литература. В ходе исследования автор обращался также к материалам периодической печати 40—50-х годов. Ценность этого вида источника заключается в том, что он, во-первых, выполняет информативную функцию, во-вторых, наглядно демонстрирует пропагандистский подход СССР и западных держав к проблеме военных преступников.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА О РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМЕЦКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

Летопись преступлений немецко-фашистских войск на территории СССР писалась, как известно, в годы Великой Отечественной войны. Документы, разоблачающие политику геноцида и зверства оккупантов (противоречащие нормам международного права приказы и распоряжения, фотографии замученных красноармейцев и мирных жителей), печатали "Правда", "Известия", "Красная звезда", фронтовые и армейские газеты. Одновременно в прессе появлялись публицистические очерки обвинительного характера. Набор журналистских приемов, изобразительных средств и литературных штампов, который использовали авторы, преследовал одну цель — возбудить ненависть к врагу, желание отомстить "кровавожадным бандитам", "гнусным двуногим зверям". Такие метафоры и эпитеты сопровождали материалы А. Н. Толстого, Н. С. Тихонова, И. Г. Эренбурга и других корреспондентов¹.

После победного салюта 9 мая 1945 года тема военных преступлений десятилетиями не сходила со страниц научной и художественной литературы. Но вот что интересно. В книгах преимущественно рассказывалось о Нюрнбергском процессе и бесславном конце главных военных преступников². О том, какое наказание понесли немецкие солдаты и офицеры, творившие беззаконие на советской земле, писать было не принято. Эта тема исчерпала себя уже в конце 1947 года, после того как в Гомеле завершился последний открытый судебный процесс над немецкими военнопленными. Проблема наказания военных преступников порождала слишком много нежелательных вопросов, откровенный и честный от-

вет на которые был невозможен. Именно этой теме, волнующей сегодня не только зарубежных, но и отечественных ученых, посвящен наш историографический обзор.

* * *

Проблема привлечения немецких военнопленных к уголовной ответственности стала предметом многочисленных дискуссий еще в годы второй мировой войны. В ноте наркома иностранных дел В. М. Молотова от 25 ноября 1941 года вся вина за нарушения международного права на театре военных действий возлагалась на "преступное гитлеровское правительство"³. В очередной ноте от 27 апреля 1942 года уже говорилось о том, что за чудовищные злодеяния на советской земле ответ должны держать "гитлеровские правители и их пособники"⁴.

14 октября 1942 года Москва высказала свое положительное отношение к так называемой Сент-Джемской Декларации. Этот документ, подписанный главами девяти эмигрантских правительств, впервые провозглашал судебную ответственность за преступления на территориях оккупированных стран⁵. Наконец, 30 октября 1943 года СССР, США и Великобритания по предложению У. Черчилля приняли в Москве свою "Декларацию", согласно которой после окончания войны немецкие солдаты и офицеры — организаторы и добровольные "участники зверств, убийств и казней" — подлежали суду в тех странах, где они совершили свои "отвратительные действия"⁶.

Нетрудно заметить, что круг потенциальных преступников постепенно расширялся. Однако международную общественность это не беспокоило. Наоборот, каждый новый документ, декларировавший необходимость суда над нацистскими преступниками, приветствовался. Ситуация изменилась после того, как в освобожденном от оккупантов Харькове прошел показательный судебный процесс над тремя немецкими военнослужащими и одним гражданином СССР. 18 де-

кабря 1943 года все четверо за убийства мирных жителей и пленных красноармейцев были приговорены к смертной казни через повешение*. Мировое сообщество отреагировало на подобного рода инициативу СССР неоднозначно. С одной стороны, всеми советскими (что естественно) и многими зарубежными деятелями состоявшийся суд и вынесенный приговор были квалифицированы как триумф международного права. С другой — в иностранной прессе, в частности британской, прозвучала мысль о том, что во избежание необъективности подобные суды следует проводить только после окончания войны. Ведь именно таким образом ставился вопрос в Московской декларации от 30 октября 1943 года. Обстановка обострилась, когда Международный комитет Красного Креста в своем "Обращении к правительствам воюющих стран" напомнил, что практика привлечения военнопленных к уголовной ответственности противоречит Гаагской и Женевской конвенциям¹.

От лица советской науки в полемику вступил профессор А. Н. Трайнин, который в защиту позиции правительства СССР привел три основных довода. Во-первых, отсрочка в совершении правосудия над "насильниками и убийцами" не отвечает "интересам борьбы с гитлеровской Германией". Во-вторых, исполнение преступного приказа не может служить оправданием противоправных действий. Наконец, статья 29-я Женевской конвенции дает возможность советскому правительству употребить в отношении нарушителей законов и обычаев войны карательные санкции. Одной из таких санкций, по заключению автора, является применение к военным преступникам Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года "О мерах наказания немецко-

---

* По приговору Военного трибунала 4-го Украинского фронта были казнены капитан военной контрразведки В. Лангхельд, унтер-штурмбан-фюрер СС Г. Рид, чиновник тайной полевой полиции Р. Рецлав и водитель комендатуры гестапо М. С. Вуланов.

фашистских злодеев". Что же касается обращения МККК, то этому документу, защищающему военных преступников, только одно место — "мусорный ящик истории"⁸.

Этот же автор определил две категории лиц, которые, по его мнению, должны быть привлечены к уголовной ответственности: соучастники и исполнители. Группу соучастников ученый подразделил на несколько подгрупп: члены правительства Германии, руководство фашистской партии, армейское командование и гитлеровские эмиссары на оккупированной советской территории. К исполнителям были отнесены рядовые гитлеровцы, творившие беззакония по собственной или чужой воле. Беспрекословное выполнение любого приказа, по словам Трайнина, является "трусливой попыткой грязной бумажкой прикрыть горы истерзанных жертв"⁹.

Советского ученого поддержали коллеги. Так, Д. Б. Левин заявил, что хотя в Гаагской конвенции и отсутствует статья об уголовном преследовании военнопленных, но все ее содержание проникнуто идеей положительного решения названного вопроса¹⁰. Теоретически обосновал необходимость наказания немецких солдат и офицеров, выполнявших преступные приказы, Н. Н. Полянский¹¹. По мнению Б. В. Глебова, писавшего о первых судебных процессах над военнопленными в СССР, единственным оправданием для обвиняемого, выполнявшего преступный приказ, могло служить "нежелание совершать преступление, отвращение к нему"¹². Суждение весьма спорное, ибо кто скажет, какие именно чувства испытывал подсудимый в момент противоправных действий.

После окончания войны дискуссия вокруг вопроса об уголовном преследовании военнопленных развернулась во Дворце юстиции в Нюрнберге. За день до начала процесса, 19 ноября 1945 года, генерал-фельдмаршал В. фон Браухич, генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, генерал-полковник Ф. Гальдер и генерал-полковник В. Варлимонт направили Международному военному трибуналу меморандум, положивший начало

легенде о «незапятнанном», в отличие от «грязных СС», вермахте¹³. Идеи меморандума были взяты на вооружение защитой, которая апеллировала к таким понятиям, как военная необходимость, приказ командира, воинская дисциплина, принцип индивидуальной ответственности, недопустимость партизанской войны в оккупированной стране и т. д. Подвергалась критике позиция советского обвинения, заявившего, что факты, обнародованные Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков*, не требуют перепроверки и должны «приниматься без доказательств»¹⁴.

Разумеется, далеко не все, о чем тогда говорили адвокаты, ныне следует безоговорочно отвергать. В целом ряде случаев их аргументы звучали весомо и убедительно**. Так, в статье Г. Латерзнера, написанной в начале пятидесятых годов, можно найти элементы конструктивной критики и повод для размышлений. В частности, автор обращает внимание на двусмысленное положение немецкого солдата: «Согласно законам своего собственного государства, он не смел отказываться от выполнения приказов, поступавших сверху, а согласно международному уголовному праву, должен был те-

---

* Полное наименование этого органа — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. В состав ЧГК входили: секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник (пред.), академики Н. Н. Бурденко и Б. Е. Веденеев, летчица, Герой Советского Союза, В. С. Гризодубова, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, митрополит Киевский и Галицкий Николай, академики Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, писатель А. Н. Толстой, академик И. П. Трайнин.

** В этом одна из причин издания в бывшем СССР материалов Нюрнбергского процесса с купюрами, в сокращенном виде. Ответственным редактором нового (тоже далеко не полного) 8-томного собрания материалов «Нюрнбергский процесс» является А. Я. Сухарев. С 1987 по 1991 гг. ежегодно выходило по одному тому, за последние шесть лет — не издано ни одного.

перь подвергнуться наказанию потому, что совершил нечто такое, от чего не мог отказаться»¹⁵.

20 декабря 1945 года союзники приняли закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечества». Критики этого документа прежде всего обращали внимание на его избирательность, нацеленность исключительно против побежденных. Волновало их и то, что статья 2-я (пункт 4-б)* полностью исключала оправдание подчиненного, выполнявшего преступный приказ своего правительства или командира (осознавал или нет подчиненный пагубный характер приказа, роли не играло). Разработчики же «Закона № 10», наоборот, видели во второй статье хорошую возможность по всей строгости наказывать виновников.

Репрессивный механизм этого документа подробно проанализировал профессор Б. С. Маньковский¹⁶. Особенно горячо поддержал автор широкую трактовку понятия «соучастник». Последний — это и организатор, отдавший приказ, и так называемый «подстрекатель», и лицо, хотя и не участвовавшее в совершении преступления, но давшее на это согласие. При этом советский ученый опирался на так называемое «Учение о соучастии», у истоков которого стоял А. Я. Вышинский¹⁷.

После капитуляции фашистской Германии в СССР в два этапа (декабрь 1945 — январь 1946 и октябрь 1947 — декабрь 1947) прошли открытые судебные процессы над немецкими военнопленными. Сначала они были организованы в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Риге и Великих Луках, затем — в Сталино, Бобруйске, Севастополе, Чернигове, Полтаве, Кишиневе, Новгороде, Гомеле и Витебс-

---

* Пункт 4-б статьи второй «Закона № 10» гласит: «Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания».

ке. Краткая информация о состоявшихся заседаниях военных трибуналов давалась в прессе. В обязательном порядке сообщалось о вынесенном приговоре и реакции присутствующих в зале на это событие. Позднее на основе газетных материалов было написано несколько брошюр. Так, Б. С. Утевский подвел итоги первого этапа послевоенных процессов: 66 немецких солдат, офицеров и генералов закончили свою жизнь на виселице, еще 19 были приговорены к ссылке на каторжные работы на срок от 12 до 20 лет¹⁸. Судебное разбирательство по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвии, Литвы и Эстонии нашло отражение на страницах еще двух изданий¹⁹. Показательный процесс в Минске увидел свет в виде стенографического отчета²⁰.

В ноябре 1947 года по инициативе советской делегации Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую пропаганду агрессии. Хорошее начинание в стране социализма трансформировалось в какие-то причудливо-гротескные формы. В лексиконе руководителей партии и государства, в прессе, а затем и у рядовых граждан появилось хлесткое выражение «поджигатели войны». Уже известный нам А. Н. Трайнин, только что избранный вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов, издал брошюру, в которой говорилось: «В СССР в настоящее время идет деятельная работа над подготовкой союзного Уголовного кодекса. Будущий УК РСФСР в ряду других преступлений против мира и человечности, надо полагать, предусмотрит и преступную пропаганду агрессии»²¹.

Разумеется, такая точка зрения автора была продиктована политическим курсом советского руководства. Последнее высказывало серьезную тревогу по поводу угрозы нового мирового вооруженного конфликта. Ощущение опасности, вызванное холодной войной, которая развивалась по примитивной схеме "вызов — ответ", в конце 40-х годов достигло кульминации. Хотя, как справедливо заметил известный историк Д. Прохтор, "трудно измерить, чего здесь было больше: ам-

биций или страха, блефа или реальных опасений, дальновидности или узости мышления"²².

Так или иначе в 1947 г. в отчетах и документах ГУПВИ МВД появилась формулировка "реваншистски настроенные генералы и офицеры". Теоретическую базу под процедуру привлечения названных лиц к уголовной ответственности подвел П. С. Ромашкин, опубликовавший работу под названием «Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны»²³. Между тем «Закон о защите мира», давший юридическое основание для суда над любителями публичных призывов к агрессии*, еще не был принят. Последнее обстоятельство, однако, не мешало МВД выявлять и передавать в суды дела на "реваншистски настроенных военнопленных". Разоблачить данную категорию лиц было гораздо легче, нежели доказать вину настоящих преступников — участников зверств и злодеяний на советской земле. На закрытых процессах 1949—1950 гг. к "поджигателям войны" применяли Указ от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев» или же один из пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Закрытые судебные процессы, о которых мы только что упомянули, проходили в обстановке массированного политического давления на СССР со стороны западных держав. Беззастенчиво эксплуатировалась версия о миллионах немецких военнопленных, все еще томящихся за «железным занавесом». Уголовное преследование солдат и офицеров германской армии объявлялось политической акцией Москвы, а их задержание в СССР — ярким примером бесчеловечного отношения к родным и близким. В ФРГ к тому

---

* Так называемый «Закон о защите мира» был принят Верховным Советом СССР 12 марта 1951 года. В пункте втором этого документа говорится: «Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников».

времени все дела на военных преступников были прекращены. 5 апреля 1951 года федеральный канцлер Конрад Аденауэр заявил в бундестаге: «Среди военнослужащих число тех, кто действительно виновен, столь невелико, что это не наносит какого-либо ущерба чести бывшего вермахта»²⁴.

Более конструктивная критика в адрес Советского Союза по поводу судебных процессов над немецкими военнопленными прозвучала со страниц книги Р. Маураха²⁵. Исследование проведено «по горячим следам», а потому не может претендовать на абсолютную точность цифр и фактов. Общую тенденцию в практике сталинской юстиции автор, однако, подметил верно. Не обременяя себя доказательствами, военный трибунал выносил суровый приговор только на том основании, что обвиняемый некогда принадлежал к войскам, принимавшим участие в преступлениях на оккупированной территории²⁶. Практически каждый приговор сопровождала ссылка на статью 17 УК РСФСР, воспользовавшись которой, так называемых «пособников» и «подстрекателей» можно было осудить на смертную казнь²⁷.

В 1955 году краткую характеристику правовой стороне судебных процессов над немецкими военнопленными дал Г. Фрэй. Автор знакомит читателя с основными положениями УПК РСФСР (Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации), которые, с его точки зрения, либо нарушались, либо соблюдались чисто формально. Так, в нарушение статьи 19-й заседания военных трибуналов проходили при закрытых дверях. В большинстве случаев военнопленный, которому инкриминировалось то или иное преступление, был лишен возможности «задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым», как того требовала статья 277-я. При отсутствии переводчика в зале суда не могло быть и речи о соблюдении статьи 280-й, предусматривающей разъяснение обвиняемому «в понятных для него выражениях сущности предъявленного обвинения». Что касается статьи 412-й,

обязывающей суд при подаче кассационной жалобы осуществлять «производство по делу в ревизионном порядке», то подобной практики сталинская юстиция никогда не придерживалась²⁸.

Западногерманский исследователь К. Беренс ставит под сомнение законность привлечения военнопленных к уголовной ответственности, ссылаясь на ст. 3 «Приложения» к Гаагской конвенции*. Историк отмечает, что две трети всех судебных процессов над солдатами и офицерами немецкой армии прошли в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Динамика роста количества осужденных выглядит следующим образом: с 8,5% в 1947 г. их число увеличилось до 20,4% в 1948 г. и до 60,2% в 1949 году. Подавляющее большинство военнопленных не понимало сути предъявленных им обвинений. Ученый полагает, что из 1000 приговоров лишь один можно считать справедливым²⁹.

К приведенным выше статистическим данным, опубликованным в пятом томе многотомной «Истории» под редакцией профессора Э. Машке, следует, конечно, отнестись критически. Они базируются главным образом на показаниях немцев, имевших печальный опыт знакомства с советской пенитенциарной системой. Однако в любом случае надо отдать должное историку, который первым попытался воссоздать целостную картину пребывания военнопленных в режимных лагерях и тюрьмах СССР. Свидетельства очевидцев подобраны таким образом, что перед глазами читателя проходят почти все большие и малые «острова» архипелага ГУЛАГ. Картотека, составленная автором, содержит перечень осужденных и места дислокации лагерей. Подробно описывается характер выполняемых работ, бытовое обустройство заключенных. Автор констатирует, что смертность среди осужденных

---

* Эта статья о законах и обычаях сухопутной войны гласит: «Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных».

немцев была незначительной (8,92 на 1000 человек в год). Крайне любопытны сведения о восстаниях, которые выпало наблюдать пленным вскоре после смерти И. В. Сталина. Трагически закончилось восстание в Норильске в 1953 году. Вслед за ним акции неповиновения прошли еще в шести местах, в том числе в Воркуте и Кенгире. Результатом этих событий, по мнению Беренса, стало улучшение условий лагерного быта³⁰.

Уголовному преследованию немецких военнопленных посвящает одну главу своей книги А. Леманн. Касаясь методов ведения следствия, автор подчеркивает противоречивый характер свидетельств бывших осужденных. Одни отмечают давление, угрозы и даже пытки в ходе дознания. Другие говорят, что допросы велись вполне лояльно. В чем солидарны вернувшиеся из плена, так это в том, что ни следователи, ни судьи не признавали такого понятия, как «военная необходимость». Немецкие солдаты, взрывавшие мосты и промышленные объекты, обстреливавшие населенные пункты, разумеется, причинили ущерб советскому обществу и его экономике. Но разве можно утверждать, что они совершали эти действия в каких-то контрреволюционных целях, подпадающих под статью 58-9 УК РСФСР³¹. И хотя западногерманский историк не до конца искренен в своих рассуждениях (военнослужащие вермахта, помимо прочего, расстреливали мирных жителей, издевались над пленными красноармейцами, жгли крестьянские дома), суть явления им схвачена точно. Ни одно государство мира не смогло бы обвинить немецкого солдата в том или ином противозаконном деянии по политическим мотивам. Термин «контрреволюционные преступления» был присущ исключительно советскому уголовному праву.

По мнению А. Леманна, к июлю 1950 года в Советском Союзе оставалось от 50 до 60 тысяч немецких военнопленных³². Этим людям суждено было стать заложниками Сталина в политической игре с крепнущим западногерманским

1273853

ГОЛОГОДСКАЯ
 ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
 ИМ. Н. С. ЕРБУШКИНА

государством. В пользу этой версии говорят два обстоятельства. Во-первых, количество осужденных было не столь велико, чтобы их труд мог сыграть существенную роль в восстановлении народного хозяйства СССР. Кроме того, подозрительно поздно, через пять лет после окончания войны, во всех лагерях неожиданно начался лихорадочный поиск «военных преступников». Свои выводы историк подкрепляет воспоминаниями очевидцев. Так, Гельмут Гольвитцер ничуть не сомневается в том, что следователи и судьи в те дни выполняли политическую директиву Кремля. Непонятно, зачем офицеры МВД вообще искали повод для водворения обреченных на скамью подсудимых. «Если бы нас заставили пересчитаться и потом убили каждого пятого, — иронизирует Гольвитцер, — был бы достигнут тот же самый эффект «справедливости»³³.

Высокую оценку в западногерманской историографии получила уже упоминавшаяся монография М. Ланга «Сталинская юстиция против немецких солдат». Автор объясняет судебные процессы конца 40-х — начала 50-х годов политическими мотивами. Несколько десятков тысяч немцев, помещенных за колючую проволоку, должны были стать в руках Сталина «действенным механизмом воздействия на германскую проблему». Одновременно советский вождь демонстрировал былую силу и власть, в которых западные державы могли усомниться после неудавшейся блокады Берлина³⁴.

Ланг не ограничивается констатацией уже известных фактов. По замечанию профессора Э. Машке, в книге нашла отражение малоизученная проблема привлечения к суду военных трибуналов пленных, отстраненных от массовой репатриации. Многие говорят за то, что исследование западногерманского ученого не потеряло актуальности и в наши дни. Историк тщательно проанализировал доступные ему источники советского права, в том числе Уголовный Кодекс Российской Федерации, и дал им критическую оценку. Не менее скрупулезному анализу подвергнуты приговоры, вы-

несенные бывшим солдатам и офицерам вермахта. Все это позволило исследователю нарисовать близкую к реальности картину. К уголовной ответственности было привлечено более 37 тысяч немцев. На процессах 1945—1947 гг. осудили 10748 человек, на процессах 1949—1950 гг. — 26833 человека. В ходе последних почти 86% обвиняемых получили по 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Некоторое представление о законности вынесенных приговоров дают следующие цифры: к концу 1949 г. было выявлено приблизительно 25 тысяч «военных преступников», но при этом в ходе дознания в 62,8% случаев применялись угрозы и пытки, еще в 26,8% случаев протоколы допросов остались неподписанными³⁵.

На рубеже сороковых—пятидесятых годов, как считает Ланг, большая часть немецких военнопленных была осуждена по статьям 58-й и 59-й УК РСФСР. Между тем инкриминировать иностранным подданным, к примеру, ст. 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация) с международноправовой точки зрения было нонсенсом. Подозрительно много, почти 42% обвиняемых, было привлечено к уголовной ответственности по статье 58-6 (шпионаж). Практически все осужденные считали несправедливыми вынесенные им наказания. Однако никакого шанса на положительное рассмотрение кассационной жалобы в высшей судебной инстанции у них не было³⁶.

В России о репрессивной политике советского государства по отношению к военнопленным стали писать только в последние годы. Одним из первых обратился к названной теме В. П. Галицкий³⁷. Юридическим основанием для привлечения иностранных подданных к уголовной ответственности, по замечанию автора, служили документы национального законодательства и международного права. Однако же последние, такие как Гагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция 1929 г. не пользовались вниманием юристов и в обвинительных заключениях не упоминаются. Немцев, граждан других государств в подавляющем большинстве случаев судили либо апреля 1943 г., либо по ст. 58 УК РСФСР. В

подтверждение этого исследователь приводит сведения из доклада министра внутренних дел С. Н. Круглова на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова (по состоянию на 20 февраля 1955 года)³⁸. Эти сведения опровергают традиционную точку зрения о том, что по Указу от 19.04.1943 г. было осуждено только 3,7% от всех привлеченных к уголовной ответственности немцев³⁹.

Несколько работ, посвященных судебному преследованию немецких военнопленных, принадлежит перу историка А. А. Крупенникова⁴⁰. В публикациях этого автора заметно стремление подчеркнуть нравственный аспект рассматриваемой проблемы. Конечно, не все солдаты, офицеры и генералы германской армии прошагали через войну с “чистыми руками”. Однако нельзя игнорировать и другое: имели место вынужденные признания, сомнительные приговоры, нарушения процессуальных норм. Знакомство с уголовными делами, с судьбами конкретных людей говорит о том, что через жернова сталинской юстиции прошло немало невиновных немцев. Это глубокое убеждение ученого подтверждает его гражданская позиция: будучи директором Мемориального музея немецких антифашистов, Крупенников был одним из инициаторов реабилитации бывшего президента Союза немецких офицеров генерала Вальтера фон Зайдлица. Причину “сталинско-бериевского судилища” над военнопленными в конце сороковых — начале пятидесятых годов историк видит в разыгравшейся холодной войне, на очередном витке которой советское руководство опасалось отпускать на родину “враждебных, нелояльных к советскому строю немцев”⁴¹. Все это так, но, думаю, коллега согласится с тем, что нельзя сбрасывать со счетов и иные политические мотивы судебных процессов, о которых писали и пишут историки.

Исследователь затрагивает еще один ракурс проблемы. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года, амнистии подлежали 8877 германских граждан и еще 749 германских граждан передавались прави-

тельствам ФРГ и ГДР для дальнейшего отбытия наказания. В этой связи Крупенников выражает сомнение в том, что список, насчитывающий 749 человек, включал только военных преступников. В нем удалось выявить людей, осужденных за противозаконные деяния 1948—1950 годов уже после войны⁴². В этой связи уместно заметить, что подобные опасения канцлер ФРГ К. Аденауэр высказал на переговорах в Москве еще в сентябре 1955 г.: “Господа, я хотел бы еще сказать вам пару слов со всей откровенностью. Мы думаем, что нам известны случаи — не малое число случаев, когда немцы, которые как солдаты, попали в плен, были осуждены за преступления, совершенные ими после прекращения военных действий”⁴³.

О незаконном осуждении немцев на рубеже 40—50-х годов пишет в одной из своих статей А. Е. Епифанов. В ней исследователь характеризует работу советских карательных органов по уголовному преследованию немецких военнопленных в период их массовой репатриации⁴⁴. Любопытны архивные документы, демонстрирующие реакцию военнопленных на несправедливо вынесенные приговоры. Привлекает то, что автор подкрепляет свои наблюдения о работе “компетентных органов” по выявлению военных преступников свидетельствами очевидцев: о событиях прошлого рассказывают бывшие сотрудник оперативно-чекистского отдела, переводчик, надзиратель тюрьмы.

Более подробно Епифанов анализирует эту проблему в только что вышедшей монографии под названием “Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР”⁴⁵. Большое внимание уделяется возникновению и деятельности Чрезвычайной государственной комиссии. Этот внеправительственный орган сыграл огромную роль в расследовании преступлений, совершенных захватчиками на оккупированной территории. Собранные комиссией материалы фигурировали в процессе дознания и в суде. Работа комиссии находилась под контролем ЦК ВКП(б). Использовали ее в своих

интересах органы НКВД-МВД, другие властные структуры, занимавшиеся вопросами пропаганды, учета рабочей силы и т. д. Итоговый отчет Чрезвычайной государственной комиссии, направленный 30 декабря 1945 года И. В. Сталину и Г. М. Маленкову, никогда не публиковался⁴⁶.

Функции ЧГК на местах выполняли комиссии содействия. Работе одной из них в Сталинградской области автор посвящает отдельную статью⁴⁷. В публикации приведены данные о количестве убитых советских военнопленных и мирных жителей, сведения о материальном ущербе, нанесенном городу и области. Называются главные виновники этих злодеяний — 77 солдат и офицеров 6-й армии во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом⁴⁸.

Несмотря на высокую степень объективности заключений ЧГК, некоторые документы (автор книги об этом пишет) не отличались точностью фактов и достоверностью свидетельских показаний. Наиболее ярким примером, подтверждающим сказанное, служит сфальсифицированный акт комиссии академика Н. Н. Бурденко, который советская сторона пыталась использовать на процессе в Нюрнберге, как доказательство виновности немцев в расстреле польских офицеров в Катынском лесу⁴⁹.

Особого разговора при рассмотрении темы об уголовной ответственности военнопленных требует вопрос о неоднократно упоминавшемся Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. "О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников". Попытку реконструировать текст этого Указа предпринял западногерманский историк Е. Беккер⁵⁰. Первым его публикатором и интерпретатором стал директор Института по изучению архивов ФРГ Г. Вагенленер⁵¹. Ксерокопию Указа воспроизвел другой германский исследователь М. Цайдлер⁵². Из российских ученых текст этого доку-

мента первым опубликовал начальник Института военной истории, профессор В. А. Золотарев⁵³.

По поводу причин появления Указа от 19.04.1943 г. существует несколько версий. Так, уже упомянутый историк Г. Вагенленер считает, что его появление связано с реакцией Сталина на Катынское дело. Напомним читателю, что 16 апреля 1943 г. средства массовой информации нацистской Германии по распоряжению Геббельса обнародовали результаты вскрытия могил в Катынском лесу. Ответственность за расстрел нескольких тысяч польских офицеров возлагалась на СССР, и Сталин, по мнению Г. Вагенленера, ответил на это разоблачение Указом от 19 апреля 1943 года⁵⁴.

Исследователь Н. В. Петров выдвигает иную версию. Этот историк уверен в том, что Указ был направлен не только и не столько против военных преступников из числа вражеских армий, сколько против советских граждан, уличенных в сотрудничестве с оккупантами. Не случайно в этот же день, как замечает Н. В. Петров, было принято решение об организации контрразведки "СМЕРШ", которая могла "широко использовать Указ для наказания "изменников Родины", "немецко-фашистских пособников"⁵⁵.

Историк А. Е. Епифанов связывает появление Указа с отсутствием в СССР соответствующего нормативного правового акта, который бы позволил на законных основаниях привлекать к уголовной ответственности "немецких, итальянских, венгерских, румынских и финских фашистских извергов". Однако, как справедливо замечает исследователь, практика его применения противоречила действовавшему законодательству. Во-первых, Указ имел обратную силу, т. е. его действие распространялось на преступления, совершенные до 19 апреля 1943 года. Во-вторых, военные трибуналы получили разрешение применять данный Указ по отношению к обвиняемым только с 24 мая 1944 года. До этого времени данная процедура являлась прерогативой военно-полевых судов⁵⁶.

Сотрудник научно-информационного и образовательного центра “Мемориал” Н. В. Петров опубликовал статью “Немецкие военнопленные в руках сталинской юстиции”⁵⁷. Исследователь использовал в своей работе документы самых различных архивов России, в том числе архивы ФСБ. Автор приводит нормативные акты, которые, по его мнению, позволяли осуществлять судебное преследование военных преступников. К такого рода документам он относит прежде всего Указ от 19 апреля 1943 г., 58 ст. УК РСФСР и Закон № 10 Контрольного Совета в Германии. Исследователь безусловно прав, когда говорит о том, что иные преступления, совершенные пленными немцами, такие как кража личного и общественного имущества, хулиганство в быту и т. п., предусмотренные соответствующими Указами и статьями УК РСФСР, расценивались советским правосудием не столь сурово, как “контрреволюционные преступления” и “преступления против порядка управления”⁵⁸. Однако его вывод о том, что почти все лица, осужденные за бытовые преступления, вернулись в Германию не позднее 1950 года, неверен. Несколько сотен немцев попали под соответствующую амнистию только после смерти И. В. Сталина — 27 марта 1953 года.

Сильное впечатление производят документы, свидетельствующие о том, как готовились и утверждались в высшей инстанции сценарии предстоящих судебных процессов. Не стал исключением в данном случае и знаменитый Харьковский процесс, прошедший в декабре 1943 года. Описанию этого события автор отводит сразу несколько страниц⁵⁹.

Исследователь выделяет три этапа репрессивной политики советского государства по отношению к немецким военнопленным: открытые судебные процессы 1943—1947 гг. и практика первых закрытых процессов; промежуточный этап (с начала 1948 по октябрь 1949 г.) — время подготовки публичного осуждения немецких военнопленных; массовые закрытые процессы над военными преступниками (ноябрь 1949 — март 1953 г.)⁶⁰. Классификация, на наш взгляд, весьма спорная. Так, совершенно выпадает из исторической канвы период с

22 июня 1941 г. по 19 апреля 1943 года — время, когда пленных немцев судили, ориентируясь на ст. 26 "Положения о военнопленных"* . Не так давно исследователь еще раз вернулся к проблеме преследования немецких военнопленных в СССР. Наряду с судебными разбирательствами их дел, по мнению автора, в период с 1941 по 1946 гг. имели место внесудебные репрессии⁶¹.

Проблема репрессивной политики советского государства по отношению к военнопленным немцам многопланова, изобилует самыми неожиданными нюансами. Поэтому освоение каждого нового ракурса обозначенной темы можно только приветствовать. В одной из статей и монографии А. С. Смыкалина "Колонии и тюрьмы Советской России" предпринята попытка рассмотреть вопрос создания агентурной сети среди лагерного контингента⁶². Нельзя сказать, что ранее эта тема вообще не обсуждалась на страницах открытой печати. Еще в 1992 году проблема оперативно-чекистской работы среди пленных солдат и офицеров вражеских армий попала в поле зрения авторского коллектива брошюры "Неизвестные страницы истории: немецкие военнопленные в СССР"⁶³. И, конечно же, об агентах и осведомителях, которых именovali то "шпи-ками", то "стеклянными глазами", не забывали упомянуть авторы мемуаров, побывавшие за колючей проволокой. Все сказанное, однако, ничуть не умаляет заслуги исследователя, решившего обратиться к малоизученной и дискуссионной теме. На архивных материалах ему удалось раскрыть содержание, основные цели и задачи оперативной работы с военнопленными: розыск и предание суду военных преступников, вербовка закордонной и лагерной агентуры, предупреждение

---

* В статье 26-й этого документа говорится: "Дела о преступлениях, совершаемых военнопленными, рассматриваются Военными трибуналами по Законам Союза ССР и Союзных Республик. Неисполнение военнопленным приказаний лиц, которым он подчинен, сопротивление этим лицам или оскорбление их действием при исполнении ими служебных обязанностей приравнивается к соответствующему воинскому преступлению".

диверсий и саботаж на производстве, контроль за политическими настроениями генералов и офицеров⁶⁴.

В своей монографии Смыкалин также проанализировал вопрос о существовании на территории Германии так называемых спецлагерей МВД для военных преступников. В раздел "Документы" автор поместил несколько справок о функционировании этих лагерей, акты и спецсообщения компетентных органов. Несомненный интерес представляет статистика осужденных и данные об их смертности за период с 1945 по 1955 гг. Любопытно, что в меморандуме МИД СССР, опубликованном в июле 1990 г. в германской прессе, приводятся на этот счет несколько иные сведения⁶⁵.

Эту же тему развивает известный историк М. И. Семиряга в своей книге "Как мы управляли Германией"⁶⁶. При этом он использует архивные документы, характеризующие работу органов советской военной юстиции в восточной зоне оккупации. По убеждению ученого — очевидца событий тех дней, органы НКВД являлись в побежденной стране "наиболее ярким олицетворением сталинского тоталитарного режима"⁶⁷.

На региональном уровне к проблеме спецлагерей МВД обращается исследователь Н. В. Суржикова. В ее сообщении на конференции в Вологде шла речь о военных преступниках, отбывавших наказание в особом режимном лагере № 476. Отделения этого лагеря располагались на Среднем Урале, в таких населенных пунктах, как Асбест, Ревда, Дегтярск, Талица, Ключи. За колючей проволокой находилось одновременно до 7000 человек самых различных национальностей. Приблизительно четверть осужденных составляли офицеры, в том числе 96 генералов. Автор дает характеристику организации труда осужденных военнопленных, останавливается на вопросе их репатриации⁶⁸. Тезисное изложение материала не дает возможности уяснить, насколько глубоко успел историк изучить данную проблему. Однако уже сама ее постановка заслуживает внимания. Выводы и оценки, сделанные на основе анализа документов даже одного «островка» архипелага ГУПВИ, будут способствовать воссозданию целостной и объективной картины прошлого.

Серию новейших зарубежных публикаций по интересующей нас теме открывает документальный сборник Г. Вагенленера⁶⁹. Бывший военнопленный, ныне директор Института по изучению архивов ФРГ, знакомит читателя с содержанием Указа от 19 апреля 1943 г. и 58-й статьи Уголовного кодекса, которые в первую очередь инкриминировались оказавшимся на скамье подсудимых немцам. В книгу органично вписались воспоминания очевидцев, сообщения историков о работе с ранее недоступными документами российских архивов. Предыстории процесса реабилитации осужденных военнопленных посвящена отдельная подборка материалов.

В 1995 г. под редакцией директора Института по изучению последствий войны С. Карнера (г. Грац Австрия) вышла книга «Пленены в России», в которую вошли доклады австрийских, американских, германских и российских исследователей на симпозиуме в Шалабурге⁷⁰. В этом же году была опубликована книга Карнера «В архипелаге ГУПВИ»⁷¹. Отдельная ее глава посвящена проблеме уголовного преследования немецких военнопленных в СССР. Автор, в частности, рассматривает следующие вопросы: Особое совещание как внесудебная инстанция и его роль в судьбе военнопленных и интернированных граждан Австрии и Германии; организация и проведение судебных процессов над узниками войны; военные преступники в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа⁷².

Об уголовном преследовании пленных немцев и негативном влиянии этого процесса на отношение общественности к такой организации, как Национальный комитет "Свободная Германия", пишет Г. Юбершер⁷³. В расчете на объективное восприятие событий минувшей войны осуществил публикацию протоколов суда над немецкими военными преступниками в Минске Х. Геер. А историк М. Мессершмидт посвятил упомянутому процессу свою статью⁷⁴. Соглашаясь в целом с позицией автора о том, что версия о "чистом вермахте" явно несостоятельна, заметим, однако, что к протоколам подобных

процессов следует подходить с большой осторожностью. В одном случае эти документы свидетельствуют о неопровержимых фактах зверств немецких армейских частей, в другом — содержат в себе сфальсифицированные сведения. Поэтому окончательный ответ на вопрос о вине всех без исключения подсудимых, осужденных на процессе в Минске, может быть дан лишь после того, как из архивов будут извлечены подготовительные материалы: переписка членов военного трибунала и органов дознания с Москвой, допросы осужденных и т. п.

Советским спецлагерям на территории Германии посвятили свою статью Э. Петер и П. Лутц⁷⁶. Работа основана на рассекреченных материалах Института истории рабочего движения и Центрального партийного архива бывшей ГДР, что выгодно отличает ее от тенденциозных публикаций на эту тему периода пятидесятых-шестидесятых годов⁷⁶. По мнению авторов, поднятая ими проблема должна рассматриваться в тесной связи с исторической ситуацией послевоенного времени. Требуется ответить на целый ряд вопросов: чем отличались советские спецлагеря от лагерей союзников; уместно ли ставить знак равенства между спецлагерями в Германии и лагерями ГУЛАГа в СССР; наконец, какую роль играла СЕПГ в существовании, а позднее — в ликвидации этих мест заключения в ГДР⁷⁷.

Литературу, свидетельствующую о репрессивной политике Советского государства в отношении немецких военнопленных, проанализировал историк М. Цайдлер⁷⁸. Его брошюра — первая попытка дать историографический обзор по данной теме с позиций сегодняшнего дня. Два вывода автора следует признать исключительно важными для понимания сути проблемы в ее историческом контексте. Во-первых, процессы над немецкими военнопленными не были для советской юстиции каким-то особым, чрезвычайным явлением. Они полностью соответствовали духу сталинской эпохи с ее судилищами над сотнями тысяч “врагов народа”. Во-вторых, практику коллективной ответственности за военные преступления, совершенные воен-

нослужащими войск СС и вермахта, сотрудниками полиции и гестапо, ошибочно считать “чисто русским явлением”. Подобных методов придерживались американские военные трибуналы в период 1945—1948 гг., в частности трибунал, рассматривавший уголовные дела военных преступников из лагеря смерти Дахау⁷⁹. Другое дело, что уже с конца 1948 г. США неизменно следовали курсу на помилование преступников и пересмотр приговоров на осужденных рядовых членов нацистской партии, прекращение уголовного преследования бывших офицеров вермахта.

С проблемой привлечения немецких военнопленных к судебной ответственности тесно связана другая — **проблема освобождения военных преступников и дискуссия вокруг этого вопроса на международном уровне**. Так, в монографии профессора А. Леманна процесс освобождения военных преступников показан на фоне общественно-политических событий, происходивших в ФРГ в первой половине пятидесятых годов⁸⁰. Политики стремились использовать проблему “узников советских лагерей” в ходе предвыборных кампаний, пресса реагировала на возвращение немецких военнопленных пропагандистскими статьями и очерками о страданиях невинно осужденных. Правительство поощряло создание литературных произведений и экранизацию фильмов об ужасах русского плена. Возвращавшихся на родину в ФРГ встречали как героев, ораторы произносили патетические речи, раздавались требования учредить специальную награду за длительное пребывание в советском плену. В развернутой политикой пропагандистской кампании чувствовалась некоторая односторонность — все словно забыли “об ужасной судьбе русских военнопленных в Германии”⁸¹.

Уже упомянутый историк М. Ланг приводит данные о количестве военных преступников, репатриированных в Германию в 1953 и 1955 годах⁸². Автор пишет, что в условиях информационной блокады немцы, находившиеся за колючей проволокой, мало верили в то, что смерть Сталина может

каким-то образом изменить их положение. Гораздо больше оптимизма вызвало у них известие о визите западногерманского канцлера К. Аденауэра в СССР. Не располагая документами из российских архивов, историк в целом ряде случаев вынужден прибегать к гипотетическим заключениям. Не лишено основания его предположение о том, что восстание в Берлине 17 июня 1953 года приостановило уже запланированную репатриацию. А вот ситуацию на переговорах в Москве в августе того же года он истолковывает неверно. Как позднее убедится читатель, для советского правительства предложение делегации ГДР освободить от отбывания наказания большую группу "военных преступников", отнюдь не было неожиданностью⁸³.

Вопрос освобождения военных преступников от наказания затрагивает в своей монографии американский историк А. Смит⁸⁴. Автор приводит сведения о том, как реагировали на процесс вызволения военных преступников из советского плена международная общественность, советская военная администрация в Германии, власти ФРГ и ГДР, представители церковных кругов. Другая книга автора "Пропавший миллион" представляет сборник очерков и документов. Статистические данные о количестве немецких военных преступников в СССР приведены в двух архивных документах⁸⁵.

В статье Б. Ильме-Тухель, опубликованной в 1994 г., помещены материалы переговоров между руководителями ВКП(б)-КПСС и СЕПГ по проблеме наказания и освобождения военных преступников⁸⁶. Партийные лидеры советской зоны оккупации считали своим долгом проявлять заботу о судьбе гражданских немцев, в том числе подростков, содержащихся в лагерях для интернированных на территории самой Германии. Накануне образования ГДР, 19 сентября 1949 года, ее будущий президент В. Пик писал И. В. Сталину: "Мы считаем целесообразным распустить существующие в восточной зоне штрафные лагеря"⁸⁷. Однако же в вопросе освобождения от наказания немцев, находившихся в Советском Союзе, лидеры ГДР не проявляли особой активности. Скорее

наоборот: СЕПГ и ее средства массовой информации целиком разделяли позицию Москвы о необходимости оставить в Советском Союзе осужденных на рубеже 40—50-х годов военных преступников. Любое иное мнение на этот счет объявлялось "антисоветской истерией"⁸⁸.

Семь лет назад в германской прессе были опубликованы некогда секретные записки О. Гротеволья о его беседе в декабре 1954 года с министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым. Текст этих записок вовсе не убеждает, как считают некоторые историки, в том, что руководители Восточной Германии настаивали на возвращении домой последних немецких военнопленных. В своей беседе с Молотовым Гротеволь вел речь о необходимости освобождения прежде всего коммунистов, социал-демократов и прочих антифашистов, противопоставляя эту категорию пленных "настоящим военным преступникам"⁸⁹.

Подробно, но отнюдь не достаточно глубоко и всесторонне освещен в литературе вопрос освобождения военнопленных осенью 1955 года. Тогда в ходе острейшей дискуссии между советской и западногерманской делегациями было достигнуто соглашение о репатриации на родину последних находившихся в лагерях и тюрьмах СССР германских подданных. В сознании немецкой общественности упомянутое событие традиционно связывается с именем федерального канцлера Конрада Аденауэра. В своих мемуарах Вилли Брандт пишет, что это были незабываемые дни: канцлера "чествовала вся Федеративная Республика"⁹⁰. Минувло почти десять лет, но опрос, проведенный в мае 1967 года, уже после смерти Аденауэра, показал: 75% респондентов по-прежнему считают самым "великим деянием" бывшего главы государства вызволение десяти тысяч соотечественников из русского плена"⁹¹.

Вклад канцлера ФРГ и его единомышленников в разрешение гуманитарной проблемы и ныне отмечают политики, журналисты, ученые. Известный германский историк Г.-А. Якобсен квалифицирует переговоры в Москве как состоявшиеся уже хотя бы потому, что Аденауэр "удалось

пробить освобождение последних немецких военнопленных”⁹². Аналогичной точки зрения придерживается его коллега Г.-П. Шварц⁹³. Вместе с тем по поводу политики и роли канцлера в этом вопросе можно услышать критические мнения.

Уже осенью 1955 года представители либеральных кругов ФРГ обвинили канцлера в цинизме. Заботясь о нескольких тысячах осужденных преступников, которые якобы в значительной мере таковыми и являются, он не смог выполнить главной задачи — добиться согласия от Москвы на воссоединение Германии — и тем самым “обрек на рабство” 17 млн. своих сограждан за Эльбой⁹⁴. Поскольку приведенная выше точка зрения все еще заявляет о себе, выскажем на этот счет некоторые соображения.

Во-первых, обратим внимание на нравственный изъян самой постановки вопроса. Если даже среди сотен тысяч преступников найдется один невинно осужденный, его судьба должна волновать политического деятеля правового государства. Теперь о фактической стороне дела. Для критиков Аденауэра вовсе не было секретом то, о чем неоднократно предупреждали германские юристы: закрытый характер судебных процессов над немецкими военнопленными противоречит общепринятой международной практике. Уже в силу этого обстоятельства законность приговоров, вынесенных органами советской юстиции, может быть поставлена под сомнение. От себя добавим, что правомочность такой постановки вопроса пришлось признать полвека спустя. К середине 1996 года Управлением реабилитации российских и иностранных граждан Главной военной прокуратуры Российской Федерации оправданы 4875 осужденных немецких военнопленных и гражданских лиц⁹⁵. В настоящее время работа в этом направлении продолжается.

Во второй половине пятидесятых годов получила распространение версия о том, что подлинным освободителем осужденных германских подданных было правительство Отто Гротевоя. Действительно, в июле 1955 года руководители СССР и ГДР обсуждали в Берлине проблему военноплен-

ных. 28 июля в прессе появилось короткое сообщение, заканчивавшееся словами: "Было решено продолжить рассмотрение этого вопроса с учетом пожеланий правительства ГДР"⁹⁶. Какова была позиция "немецких товарищей", правда, оставалось неясным. Однако это ни в коей мере не помешало средствам массовой информации Восточной Германии позднее заявить, что возвращение соотечественников на родину стало возможным благодаря настойчивым усилиям Отто Гротевольфа, Отто Нушке и Вильгельма Пика. В ФРГ эту версию взяли на вооружение политические противники Аденауэра, в частности Вильгельм Герст. Бывший главный редактор "Франкфуртер Рундschau" подверг канцлера уничтожающей критике и объявил освободителями последних немецких военнопленных руководителей социалистической Германии"⁹⁷. Трудно сказать, были ли согласны с такой трактовкой событий в Москве, но уже в 1958 году книга Герста была переведена на русский язык и издана в СССР.

В настоящее время большинство наших зарубежных коллег приходят к выводу о том, что власти ГДР, наоборот, пытались торпедировать советскую инициативу по репатриации германских граждан⁹⁸. Многие в этой истории проясняют документы, опубликованные сотрудницей Берлинского университета Б. Ильме-Тухель в работе под названием "Освобождение немецких военнопленных осенью 1955 года в свете дискуссии между СЕПГ и КПСС"⁹⁹. Два документа из этой подборки, воздержавшись от их анализа, в сокращенном варианте процитировал в своей книге о судьбе генерала Вальтера фон Зайдлица исследователь Л. Е. Решин¹⁰⁰.

В последние пять лет в ФРГ предпринимаются попытки опровергнуть распространенное мнение о долговременной стратегии Аденауэра в деле освобождения узников войны. О конкретных шагах в этом направлении со стороны негосударственных организаций, по замечанию исследователя Г. Кампхаузен, широкой общественности неизвестно¹⁰¹. Между тем еще в 1952 году о необходимости облегчить участь осуж-

денных немцев говорил в Москве пастор Мартин Нимеллер. С этой же целью планировал посетить Советский Союз председатель западногерманского Красного Креста Генрих Вайц. Документы, характеризующие негативную реакцию федерального канцлера на проявленные инициативы, недавно опубликованы¹⁰². В свете этих документов Аденауэра крайне трудно представить в роли государственного деятеля, бескорыстно пекущегося о судьбе своих сограждан в коммунистической России.

С германскими коллегами, сомневающимися в искренности намерений канцлера во что бы то ни стало добиться облегчения участи военнопленных, солидаризируется российский историк Ф. М. Филитов. Его вполне обоснованно волнует вопрос: почему в феврале 1955 г. этот известный политик приложил максимум усилий к тому, чтобы не дать социал-демократической фракции войти в контакт с советскими эмиссарами на предмет освобождения осужденных германских подданных. "Выходит тогда, — делает вывод ученый, — судьба соотечественников заботила канцлера не так уж сильно, во всяком случае, меньше, чем перипетии борьбы с оппозицией"¹⁰³.

Пытаясь разобраться в том, кому же все-таки принадлежит решающая роль в возвращении десяти тысяч немцев на родину, приведем мнение еще одного российского ученого — военного историка Г. М. Иваницкого. Не отрицая заслуги канцлера ФРГ, он считает, что прежде всего великодушную акцию правительства СССР объясняют другие причины: во-первых, подписание в 1949 году Женевской конвенции о военнопленных; во-вторых, желание "продемонстрировать миру гуманный характер советского государства"¹⁰⁴. Последний аргумент историка вряд ли может вызвать возражения. А вот тезис о том, что признание Москвой упомянутого международного соглашения "помогло" осужденным немцам вернуться домой, похоже, ошибочен. При подписании конвенции советской делегацией была сделана оговорка по статье 85-й, лишавшая военных преступников правовых гарантий, распространяемых на военнопленных¹⁰⁵.

К разряду малоизученных и дискуссионных относится вопрос о том, как решалась судьба последних немецких военнопленных на дипломатическом уровне. В зарубежной историографии обозначенная проблема в большей или меньшей степени нашла отражение в трудах по истории советско-германских отношений¹⁰⁶. Большой интерес представляет собрание документов под редакцией профессора Б. Мейсснера¹⁰⁷. В это издание, в частности, вошли правительственная переписка между СССР и ФРГ накануне визита Аденауэра в Москву, материалы состоявшихся там переговоров, последующие ноты сторон в адрес друг друга о репатриации гражданских немцев — германских подданных по своему статусу. Последнему вопросу уделено особое внимание в статье А. Айсфельда, опубликованной в одном из российских журналов¹⁰⁸.

Достаточно подробно описывает дискуссию по поводу возвращения немцев на родину в своих мемуарах К. Аденауэр. Эту гуманитарную проблему, по словам автора, советская делегация превратила в объект торга — “военнопленные за посольства”. Сами переговоры “приняли довольно жесткие формы” и были “скорее похожи на открытый спор, чем на дипломатическую конференцию”¹⁰⁹. В этой связи уместно заметить, что первые впечатления федерального канцлера от встречи с советскими лидерами зафиксированы в протоколе правления ХДС от 30 сентября 1955 года¹¹⁰. Исследователи почему-то игнорируют этот документ, хотя в нем есть весьма любопытные подробности, которые в мемуарах отсутствуют. В частности, обращает на себя внимание такой факт. Стоило Н. А. Булганину на приеме в Кремле (момент был критический, переговоры находились на грани срыва) заверить Аденауэра в искренности намерений освободить пленных, как в разговор тут же вмешался Н. С. Хрущев. Первый секретарь ЦК КПСС прервал беседу репликой о том, что “клятвенные обещания” вовсе ни к чему, он лично “дает слово” решить спорную проблему¹¹¹. Эта мизансцена никак не соот-

ветствует оценке кремлевских вождей, попавшей на страницы "Воспоминаний". В тандеме "Булганин — Хрущев" недавно назначенный премьер-министр* вряд ли был тем человеком, "который в принципе принимал решения", предоставляя лидеру правящей партии свободу, чтобы "в необходимый момент самому вмешаться и на деле проявить свое влияние"¹¹².

Историки, политологи и даже философы по-разному оценивают атмосферу переговоров в Москве осенью 1955 г. Одни отмечают, что стороны то и дело прибегали к различного рода хитростям и дипломатическим уловкам. Другие, наоборот, настаивают на откровенном, хотя и остром характере состоявшейся дискуссии. Однако ни первые, ни вторые не оспаривают очевидный факт: обстановка переговоров в значительной мере зависела от степени взаимопонимания по вопросу о репатриации германских граждан. Делая на этом акцент, Манфред Ридель пишет, что диалог в Москве "начался в духе искренности, правдивости и доверия к данному обещанию о незамедлительном решении проблемы военнопленных"¹¹³.

Достаточно ли обоснована уверенность нашего коллеги и его единомышленников в искреннем и правдивом характере советско-германского диалога? Похоже, что нет. В своем эссе, базирующемся на архивных материалах, историк Й. Фошепот пишет о том, что сценарий переговоров Аденауэр выстраивал с учетом пожеланий западных держав. Предполагалось прийти к следующему соглашению: СССР и ФРГ создают смешанные комиссии, которые затем займутся изучением вопроса о нормализации отношений между двумя странами. Отступление от намеченного плана, как можно было понять из публичных заявлений канцлера, объяснялось желанием вызволить из русского плена своих сограждан. Однако в неофициальных беседах с западными дипломатами Аденауэр говорил иное: в

---

* Н. И. Булганин был назначен Председателем Совета Министров СССР в феврале 1955 года, сменив на этом посту Г. М. Маленкова.

Москве он руководствовался не столько гуманными мотивами, сколько желанием выиграть следующие выборы¹¹⁴.

Сказать, что чиста и непорочна была другая сторона, значило бы погрешить против истины. Советская делегация имела свой план переговоров, который в вопросе о военнопленных предполагал тактику лавирования и уступок. Вот почему "честное слово" освободить осужденных германских граждан прозвучало из уст Булганина и Хрущева не сразу, как ошибочно считает М. Ридель, а только на третий день переговоров, вечером 12 сентября. А до того времени они принципиально отказывались рассматривать "надуманную проблему", дружно заявляя, что никаких военнопленных в СССР нет, есть только "убийцы, насильники, грабители"¹¹⁵.

Обсуждать такую щекотливую тему, как освобождение военных преступников, в советской исторической науке было не принято. Об этом событии скупно говорится в работах П. А. Николаева, В. Н. Белецкого, Р. Ф. Алексеева¹¹⁶. Не стал исключением пятый том "Истории дипломатии" под редакцией В. С. Семенова и М. А. Харламова, посвятивший непопулярному сюжету в общей сложности... одну страницу¹¹⁷. Несколько подробнее останавливается на проблеме освобождения германских граждан бывший корреспондент газеты "Правда" в ФРГ П. А. Наумов. В своей книге "Бонн — сила и бессилие" он настойчиво проводит мысль о том, что осужденные солдаты и офицеры вермахта не могли претендовать на какое-либо сочувствие¹¹⁸. По мнению всех перечисленных авторов, положительное решение судьбы десяти тысяч немцев — великодушный акт правительства СССР. Разумеется, к такому выводу историков во многом подвигли постулаты эпохи социализма. К сожалению, некоторые из них этим не ограничились.

В своей монографии Р. Ф. Алексеев, останавливаясь на визите федерального канцлера в Москву, замечает: "Поскольку представители ФРГ не были согласны обсуждать вопрос о военных преступниках совместно с делегацией ГДР, делать этот вопрос предметом обсуждений на советско-германских перего-

ворах было невозможно"¹¹⁹. На чем базируется такой вывод автора — абсолютно неясно. Как свидетельствуют документы, Аденауэр вовсе не отказывался вести разговор на волнующую его тему за одним столом с Отто Гротеволем и его командой. Согласие на трехсторонние переговоры еще 12 сентября подтвердил министр иностранных дел Г. фон Брентано¹²⁰.

Авторы пятого тома "Истории дипломатии" впадают в другую крайность: выдают желаемое за действительное. Описание событий в их интерпретации звучит так: "Стороны согласились, что вопрос о репатриации немецких граждан будет обсуждаться отдельно и независимо от вопроса об установлении дипломатических отношений"¹²¹. Но, как свидетельствуют архивные документы, подобной договоренности выработано не было. Процитированные выше слова были и остались лишь пожеланием советской делегации, которое в последний день переговоров приняли в расчет Аденауэр и его сотрудники. Да и то после того как Хрущев еще раз дал "джентльменское слово" отпустить военнопленных на родину¹²².

Для советских историков единственным доступным источником изучения вопроса об освобождении германских подданных были материалы периодической печати. Прежде всего — стенограммы переговоров в Москве. Факт появления этих документов в прессе официальная историческая наука прокомментировала так: "Следуя ленинской традиции открытой дипломатии, делегация СССР предложила предать ход переговоров гласности"¹²³. Разумеется, авторы этого пропагандистского клише скромно умолчали о том, что уже на третий день дискуссии ее содержание не попало на газетные полосы. Еще бы, ведь согласно сценарию, пришло время пойти на уступки и выразить готовность освободить "насильников, поджигателей, убийц женщин, детей, стариков".

Возможность воспользоваться некогда секретными документами позволила российским ученым воссоздать более полную и объективную картину событий сорокалетней давности. О переговорах в Москве осенью 1955 года писали ведущий научный

сотрудник Института всеобщей истории РАН Ф. И. Новик и автор настоящей работы. Последний сконцентрировал свое внимание на проблеме освобождения германских подданных, одновременно опубликовав на эту же тему подборку архивных материалов¹²⁴. Что касается Новик, то она посвятила визиту Аденауэра в Москву две близкие по содержанию статьи¹²⁵. В той и другой раскрываются побудительные мотивы тогдашнего руководства к нормализации отношений с ФРГ, подробно описываются подготовка и ход переговоров, дается оценка этого события в контексте международных отношений. Автор вводит в научный оборот некоторые неизвестные архивные документы, вносит коррективы в традиционное видение ряда аспектов проблемы. Вместе с тем сюжеты, связанные с судьбой немецких военнопленных, на наш взгляд, требуют гораздо более глубокого и всестороннего анализа.

ГЛАВА 2. СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

После капитуляции Германии в руках СССР оказалось свыше двух миллионов немецких военнопленных. Согласно Женевской конвенции, всех их следовало в ближайшие месяцы вернуть на родину. Однако история распорядилась иначе. Последние узники войны увидели своих близких лишь в 1956 году. В сообщении ТАСС они были названы виновниками "особо тяжких военных преступлений". По целому ряду причин эта официальная версия ныне вызывает большие сомнения. Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры РФ уже реабилитированы более 6700 германских подданных — бывших военнослужащих вермахта и гражданских лиц. Перед историками же стоит иная, не менее ответственная задача: воссоздать по возможности максимально объективную картину судебного преследования немецких военнопленных в СССР, проанализировать суть и причины этого явления, дать ему всестороннюю оценку.

Подготовка и проведение судебных процессов над военными преступниками в период 1945—1947 гг.

■ Первый этап судебных процессов (декабрь 1945 — январь 1946) и его особенности. Как уже говорилось, судебный процесс над военными преступниками в Харькове вызвал заметный международный резонанс. Дискуссии по вопросу об уголовной ответственности узников войны не прошли и мимо внимания И. В. Сталина. Это подтвердила встреча советского вождя с американским президентом Ф. Рузвельтом и британским премьер-министром У. Черчиллем в Ялте. 9 февраля

1945 г. в стенах Ливадийского дворца шел разговор о дальнейшей судьбе главных военных преступников и одновременно обсуждалась проблема наказания исполнителей их злой воли. Сталин тогда поставил вопрос следующим образом: «Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных судить нельзя»¹. Положительный ответ Черчилля и молчаливое согласие Рузвельта вполне удовлетворили главу советского государства.

В победном сорок пятом году союзники были едины в стремлении сурово покарать нарушителей законов и обычаев войны. В ноте министерства иностранных дел Великобритании от 18 июня 1945 г. поднимался вопрос о привлечении к ответственности охранников концлагерей, в которых «в самых ужасных условиях» содержались англичане, американцы и русские. «Правительство его Величества, — говорилось в документе, — не видит оснований против того, чтобы судебные процессы были начаты немедленно, и предполагает в ближайшее время создать в оккупированных британскими войсками районах военные суды для разбора дел этих лиц»².

С той же решительностью планировали расправиться с военными преступниками США. Директива Комитета начальников штабов № 1067 от 26 апреля 1945 г. требовала чуть ли не поголовного ареста немцев, состоявших в различных фашистских организациях. Аресты, суды и наказание бывших нацистов в американской зоне оккупации Германии шли активнее, чем в любой из трех других зон. 12 октября 1945 г. на пресс-конференции во Франкфурте командующий союзными экспедиционными войсками генерал Д. Эйзенхауэр заверил журналистов, что денацификация будет продолжена и осуществлена в полном объеме³.

8 августа 1945 г. СССР, США, Великобритания и Франция подписали Лондонское соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси». Вскоре был опубликован список обвиняемых, в котором фигурировали Г. Геринг, Р. Гесс, В. Кейтель и другие печально известные лица. 20 ноября 1945 г. в Нюрнберге начал свою работу Международный Военный Три-

бунал. Общественность еще не знала, что в эти же самые дни завершается подготовка к проведению публичных процессов над военными преступниками в самом Советском Союзе.

15 сентября 1945 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия адресовал заместителям начальника ГУПВИ НКВД генерал-лейтенанту А. З. Кобулову и генерал-лейтенанту И. А. Петрову распоряжение № 190с следующего содержания: «Предлагаю Вам в декадный срок представить мне список содержащихся в лагерях военнопленных бывших работников гестапо, СД, СС, Абвера и других немецких карательных и разведывательных органов, изобличенных в массовых убийствах и иных злодеяниях против советских граждан на временно оккупированной территории СССР, с кратким изложением существа обвинительных материалов»⁴.

Выполняя указание наркома, Кобулов и Петров направили ему информацию о 82-х военнопленных, чинивших зверства в советских городах и селах. На этот документ Берия наложил резолюцию, которая обязывала его заместителей Б. З. Кобулова и В. В. Чернышова совместно с представителями ГУПВИ НКВД, главным военным прокурором Н. П. Афанасьевым и наркомом юстиции Н. М. Рычковым представить предложения «о порядке суда над немецкими карателями и участниками зверств». Через несколько дней к делу подключились заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» В. С. Абакумов, Генеральный прокурор К. П. Горшенин, ответственный секретарь ЧГК П. И. Богоявленский. 25 октября 1945 г. на имя Берии ушло коллективное письмо, в котором ставился вопрос о проведении семи открытых судебных процессов над 105 военными преступниками. По указанию наркома имена и фамилии лиц, чьи преступные деяния квалифицировались как менее тяжкие, из списка были исключены (осталось 85 обвиняемых), а количество городов, в которых планировалось судить военнопленных, было увеличено до

восьми. К ранее намеченным Ленинграду, Смоленску, Великим Лукам, Киеву, Николаеву, Минску и Риге добавился Брянск⁵.

Дальнейшую работу по организации и проведению судебных процессов координировала комиссия ЦК ВКП(б) в составе уже названных Круглова, Абакумова, Афанасьева, Кобулова* и подключившегося к ним председателя Верховного суда И. Т. Голякова. Согласно установленному графику, перерыв между следствием и показательным судом не превышал трех недель. Тексты обвинительных речей и приговоров по каждому делу предварительно просматривались и утверждались комиссией ЦК ВКП(б). Подчеркивая политическое значение судов над военными преступниками, ее члены требовали от следователей безупречно подготовленных обвинительных заключений. Одновременно были предприняты меры предосторожности: тщательная проверка адвокатов и отвод нежелательных кандидатур⁶.

Среди тех, кто в декабре 1945 — январе 1946 гг. предстал перед судом, насчитывалось 18 генералов, 28 офицеров, 39 унтер-офицеров и солдат из подразделений вермахта, СС, полиции и жандармерии. Были заслушаны показания около 300 свидетелей. Большинство обвиняемых признали свою вину. Генерал-майор Г. фон Эрмансдорф, в частности, заявил: «Я осуществлял судебную власть в Могилеве. Я утверждал приговоры арестованных. За два дня до прихода Красной Армии и моего ареста я подписал 150 смертных приговоров советским людям и 150 человек депортировал в рейх»⁷.

Большую роль в разоблачении военных преступников сыграли акты ЧГК. Каждый из обвиняемых обличался одним, а то и несколькими актами. При этом судьи стремились индивидуализировать вину подсудимых, что выгодно характе-

---

* В данном случае речь идет о Богдане Захаровиче Кобулове — заместителе наркома внутренних дел, а не о его брате Амаяке — заместителе начальника ГУПВИ НКВД по оперативно-чекистской работе.

ризует открытые процессы того времени. Так, бывший начальник немецкого гарнизона в городе Великие Луки полковник Э. фон Засс был изобличен в том, что неоднократно отдавал приказы на уничтожение мирных жителей и военнопленных, лично присутствовал на казнях и экзекуциях. Материалы дела, тщательно изученные сотрудниками Главной военной прокуратуры Российской Федерации пятьдесят лет спустя, не дают оснований для реабилитации этого человека⁸.

Конечно, о полной беспристрастности открытых судебных процессов говорить трудно. Нельзя забывать про их политическую подоплеку. Мировое сообщество должно было еще раз убедиться в том, что СССР не намерен оставлять безнаказанными фашистские преступления. Суровое возмездие — 66 человек было повешено, 19 приговорено к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет — было данью народу-победителю за его невероятные тяготы и лишения. Реакция советских граждан на проходившие процессы, по видимому, представляла для И. В. Сталина особый интерес. В докладах на имя вождя обязательно говорилось о том, какое огромное количество людей присутствовало при приведении приговора в исполнение и с каким единодушием рукоплескали жуткой сцене повешения жители города.

■ Второй этап судебных процессов (октябрь — декабрь 1947) и его особенности. В принципиально иной внешнеполитической обстановке готовился и проходил в СССР второй раунд судебных процессов над немецкими военнопленными. Уже в конце 1946 г. в западных зонах оккупации Германии началось массовое освобождение из тюрем членов нацистской партии. Для этого использовались амнистии, критерии которых, в нарушение Потсдамских соглашений, каждый из союзников определял самостоятельно. По таким формальным признакам, как год рождения, имущественный ценз и т. д. свободу получали десятки тысяч человек, в результате чего денацификация, по замечанию английского исследователя

Б. Дэвидсона, «выродилась в скандальный фарс»⁹. С критикой позиции западных держав в этом вопросе на сессии СМВД в Москве в марте 1947 г. выступила советская делегация. В ответ министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин высказал опасение по поводу якобы формируемой в СССР армии из числа военнопленных немцев¹⁰. Три месяца спустя СССР и другие страны социалистического содружества отказались от участия в возрождении Европы по «плану Маршалла». Наконец, в октябре 1947 г. верховный комиссар американской зоны оккупации Германии генерал Л. Клей подписал директиву о развертывании антикоммунистической пропаганды на подчиненной ему территории¹¹.

В условиях холодной войны советское руководство рассчитывало противопоставить политике реабилитации нацистов курс на дальнейшее разоблачение фашистских преступников. Еще 18 мая 1947 года министр внутренних дел С. Н. Круглов представил заместителю председателя Совета Министров СССР В. М. Молотову проект правительственного постановления о проведении открытых судебных процессов в Севастополе, Кишиневе, Чернигове, Витебске, Бобруйске, Сталино, Полтаве, Гомеле и Новгороде. При этом Круглов сообщил, что хотя не все подследственные признают свою вину, данное обстоятельство не мешает делу, ибо они изобличаются показаниями свидетелей и актами ЧГК¹².

Прослеживается связь между инициативой министра внутренних дел, вскоре одобренной в Кремле, и появлением 26 мая 1947 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни». Было бы ошибочно расценивать принятие Указа как осознанный шаг сталинского руководства на пути к правовому государству. Прежде всего это была политическая акция. В соответствии с обнародованным Указом даже военным преступникам высшая мера наказания не грозила, и этот факт должен был подчеркнуть гуманный характер советского законодательства. На пропагандистское значение инициативы Кремля обратили внимание многие немецкие во-

еннопленные. Осведомители, к примеру, зафиксировали следующее высказывание генерал-майора Отто Корфеса: «Решение Советского Правительства об отмене смертной казни является хорошим мероприятием. Оно направлено к тому, чтобы успокоить мировую общественность и лишить реакционные круги возможности распространения измышлений о внутреннем советском режиме»¹³.

6 сентября 1947 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов и заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский писали И. В. Сталину: «МВД СССР собраны достаточные данные для предания суду 136 военных преступников, в том числе 19 генералов, 68 офицеров и 49 солдат». Далее авторы письма предлагали, учитывая «опыт прошлых лет», создать для успешного проведения показательных судов комиссию из представителей заинтересованных министерств и ведомств. Состав этой комиссии был перечислен в прилагаемом к письму проекте правительственного постановления: министр юстиции Н. М. Рычков (председатель), прокурор СССР Г. Н. Сафонов (заместитель председателя), министр внутренних дел С. Н. Круглов, заместитель министра госбезопасности С. И. Огольцов, председатель Верховного суда И. Т. Голяков и начальник договорно-правового управления Министерства иностранных дел С. А. Голунский¹⁴.

10 сентября 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление № 3209-1046сс, согласно которому перед военными трибуналами войск МВД в городах Севастополе, Полтаве, Новгороде, Сталино, Гомеле, Чернигове, Бобруйске, Кишиневе и Витебске предстало 137 обвиняемых. Тогда же были организованы закрытые судебные процессы. На них было осуждено 876 военных преступников, в том числе 717 немцев. В итоговом докладе на имя И. В. Сталина по этому случаю говорилось: «Для отбывания наказания осужденные направляются в исправительно-трудовой лагерь МВД в Воркуту, где для них создано специальное лагерное отделение со строгим режимом»¹⁵.

Если обратиться к отчетам из зала суда, которые печатались в советской прессе, то в торжестве советского правосудия нет ни тени сомнения. Такое же впечатление оставляют доклады на имя И. В. Сталина. И лишь в документах, предназначенных для служебного пользования, называются недостатки и просчеты судебных разбирательств. Как серьезное упущение квалифицировался тот факт, что «прокуроры вели допросы в открытых заседаниях в бравированном тоне по отношению к подсудимым». Встречаются и более любопытные откровения. К примеру, говорится о том, что свидетели выступали «очень бледно, давая робкие показания из-за недостаточно глубокой работы с ними следователей»¹⁶.

В отличие от публичных судов, состоявшихся в конце 1945 — начале 1946 гг., заседания военных трибуналов в рассматриваемый период характеризует возросшее количество процессуальных нарушений. Рассмотрение большинства дел переносится на закрытые заседания военных трибуналов. Наконец, дала о себе знать установка на наказание военнопленных по признаку коллективной ответственности. При слушании его дела в суде генерал Э. Енеке саркастически заметил, что среди 300 тысяч подчиненных ему солдат и офицеров, разумеется, могли оказаться отдельные военные преступники. Однако обвинять в этом командующего армией «так же смешно, как обвинять Севастопольский горсовет в преступлениях, совершенных проживающими на его территории жителями»¹⁷.

Судебные процессы над немецкими военнопленными на рубеже 40—50-х гг.

■ Репатриация и военные преступники. Новая волна судебных процессов началась осенью 1949 года. Толчком к развитию этих событий послужило письмо министра внутренних дел С. Н. Круглова, направленное руководству МИД в мае 1947 года. Уже тогда Круглов предложил отстранить от

возвращения на родину в отведенный Московской сессией СМВД срок (до 31 декабря 1948 г.) «примерно 50000 военных преступников». В число последних он априори включил пленных, подозреваемых в совершении зверств и злодеяний, а также военнослужащих СС, СА, сотрудников карательных и разведывательных органов германской армии¹.

В январе 1948 г. министр заверил правительство, что работа по выявлению и преданию суду участников зверств и злодеяний на советской земле будет отличаться большей эффективностью. Однако же достаточного повода для такого обнадеживающего заявления у него, судя по отчетам МВД, не было. С мая 1945 по март 1948 г. было осуждено в общей сложности 1112 немецких военных преступников². Важную роль в исправлении создавшегося положения должна была сыграть совместная директива МВД, МГБ и Генпрокуратуры № 53/95/18-Зсс от 20 апреля 1948 года. Согласно этому документу, республиканские, краевые и областные органы внутренних дел получили право передавать следственные дела в военные трибуналы, не направляя их, как это было принято ранее, на экспертизу в Москву³.

6 ноября 1948 г. министр внутренних дел констатировал, что темпы репатриации военнопленных оказались недостаточными для того, чтобы завершить ее до 31 декабря 1948 года. В подготовленном им к утверждению проекте постановления Совета Министров СССР говорилось о необходимости продлить отправку пленных в Германию еще на один год. При этом позиция Круглова по отношению к немцам, пока еще только подозреваемым в «преступлениях против СССР», осталась прежней⁴.

10 ноября 1948 г. на места была спущена директива МВД № 692, предупреждавшая о том, что репатриация «предположительно продлится в течение всего 1949 года». Не исключая возможных на этой почве эксцессов, Москва требовала решительно пресекать «враждебную деятельность профашистских элементов»⁵. Между тем количество военнопленных, выражавших недовольство советской политикой, в эти дни

действительно резко возросло. Заявление ТАСС от 4 января 1949 г., обещавшее вернуть всех немецких военнопленных на родину в ближайшие двенадцать месяцев, лишь частично разрядило обстановку. Во многих лагерях прошли митинги и голодовки протеста, имели место попытки диверсионных актов. Реакция органов МВД и военной юстиции на такого рода «антисоветские выпады» была предельно жесткой. Немец Гельмут Реч, организовавший в лагере № 185 Ивановской области инсценировку «похорон надежды на возвращение домой», был осужден на 25 лет лишения свободы. Руководители массовой голодовки в лагере № 286 Вальтер Гантерт, Хайнц Кениг, Гюнтер Ифланд и их тринадцать ближайших помощников были приговорены к 10 годам исправительно-трудовых работ. Этот же срок за антисоветскую агитацию и подстрекательство получили военнопленные Роман Войле, Эмиль Хаузбергер и Фердинанд Максимины из лагеря № 234. Всего же за период с декабря 1948 по март 1949 г., судя по отчету министра внутренних дел, к уголовной ответственности привлекли 338 человек. Из них 164 было осуждено «за злостное нарушение лагерного режима», 161 — «за саботаж», 13 — «за диверсию и вредительство на производстве»⁶.

В январе 1949 г. министр внутренних дел уточнил количество немцев, попавших в разряд военных преступников. Помимо 6180 подсудимых, он предложил правительству отстранить от репатриации 41297 германских подданных, числившихся на особом учете⁷. Инициатива Круглова не встретила возражений. Но при этом в Кремле хотели знать, какие планы вынашивает МВД относительно дальнейшей судьбы задерживаемых лиц. Постановление Совета Министров СССР № 751-287сс, принятое 19 февраля 1949 г., обязывало компетентные органы представить конкретные предложения о порядке и сроках репатриации подучетного элемента до 1 октября текущего года⁸.

Решение, принятое в Кремле, поставило министра внутренних дел в крайне сложное положение. Немотивированный

отказ вернуть на родину более сорока тысяч немцев мог привести к осложнениям на дипломатическом уровне. Это опасение подтвердилось после того, как Франция подняла вопрос о создании международной комиссии по выяснению судьбы узников войны, а США потребовали незамедлительной репатриации всех германских подданных*. Конечно, перевод подучетного элемента из категории военнопленных в категорию военных преступников давал основание для его дальнейшего задержания в СССР. Однако же Круглов, как, впрочем, и его коллеги в Министерстве юстиции, прекрасно понимал, насколько сложно, а с соблюдением всех юридических формальностей — невозможно, за семь месяцев разоблачить и осудить свыше 40000 бывших солдат и офицеров германской армии.

■ Оперативные мероприятия по выявлению военных преступников 12—16 мая 1949 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание оперативных работников органов внутренних дел, на котором обсуждался план мероприятий по выполнению уже упомянутого постановления Совета Министров СССР. Примечательно, что на одно из первых мест выдвигалась задача по разоблачению изменников родины, завербованных спецслужбами фашистской Германии. Ее выполнение связывалось с более тщательной разработкой разведчиков и контрразведчиков из числа немецких военнопленных⁹.

21 мая 1949 г. заместитель начальника ГУПВИ МВД генерал-лейтенант А. З. Кобулов направил министрам внутренних дел союзных республик, начальникам УМВД краев и областей и (по отдельному списку) начальникам лагерей пись-

---

* Это требование было выражено в ноте американского правительства от 15 марта 1949 года. При этом Вашингтон подчеркивал то обстоятельство, что советская сторона, по меньшей мере, шесть раз давала твердое обещание завершить репатриацию немцев до 31 декабря 1948 года.

мо № 8/оу/411 под грифом «совершенно секретно». В этом документе констатировалась неблагополучная ситуация с выявлением участников зверств и злодеяний из числа немецких генералов. Чтобы исправить положение, Кобулов предлагал тщательно изучить хранящиеся в первых спецотделах УМВД следственные дела на предмет обнаружения в них изобличающих сведений на то или иное интересующее Москву лицо. К письму прилагались списки генералов, информацию о преступной деятельности которых рассчитывало заполучить МВД СССР. В списке под названием «Генералы, находящиеся в распоряжении оперативного управления ГУПВИ» первым значился бывший командир 51-го армейского корпуса, бывший президент Союза немецких офицеров Вальтер фон Зайдлиц, седьмым — бывший командующий 6-й армией фельдмаршал Фридрих Паулюс. Помимо уже названного, к письму Кобулова прилагались списки генералов, находившихся в тот момент в лагерях Ивановской, Воронежской, Новгородской, Курской, Ростовской и Московской областей, Белоруссии и Краснодарского края¹⁰.

16 июня 1949 г. заместитель министра внутренних дел И. А. Серов утвердил «Инструкцию по фильтрации военнопленных, числящихся на оперативном учете». В этом документе подробнейшим образом разъяснялось, что необходимо сделать для успешного выполнения правительственного решения о предоставлении к 1 октября сведений о германских подданных, не подлежащих репатриации на родину. В частности «уделить первостепенное внимание контингенту, взятому на учет по так называемым формальным признакам», т. е. таким пленным, на которых никаких других компрометирующих материалов, кроме службы в СС, СД, СА или членства в НСДАП, «Гитлерюгенд» и прочих организациях профашистского толка, не было. Разоблачить этих «преступников», по мнению Кобулова, можно, если «поднять качество агентурной работы», придать ей более широкий размах (внедрять агентов и осведомителей в лагерные лазареты, ан-

тифашистские школы и т. д.). Наконец, еще одно указание, красноречиво свидетельствующее об отношении руководства МВД к соблюдению законности: оперотделам следовало «готовить особенно тщательно», «с соблюдением всех норм УПК» прежде всего дела, «предназначенные к передаче правительствам стран народной демократии». Что касается материалов на военнопленных, которые останутся в СССР, то в данном случае можно ограничиться «заключением оперотдела лагеря о необходимости привлечения подучетного лица к судебной ответственности»¹¹.

21 июля 1949 г. заместитель министра внутренних дел генерал армии И. И. Масленников подписал распоряжение № 465 «О фактах незаконной репатриации военнопленных из лагерей МВД». В документе подвергались критике оперативные службы Бреста, Караганды и некоторых других регионов, допустившие посадку в эшелоны «преступного элемента». К таковому заместитель министра без каких-либо оговорок отнес солдат и офицеров войск СС, которых сотрудники оперотделов обязаны были распознать по соответствующей татуировке и иным признакам. В завершающей части «Распоряжения» звучало предупреждение: «Предлагаю принять решительные меры к более тщательной проверке военнопленных перед их репатриацией, исключив всякую возможность отправки на родину преступного элемента. Виновных в незаконной репатриации строго наказывать»¹².

■ Новые подходы к проблеме разоблачения и наказания военных преступников. Избирательный характер и медленные темпы отправки на родину не могли пройти мимо внимания немцев, продолжавших находиться за колючей проволокой. По мере приближения срока репатриации, обещанного заявлением ТАСС от 4 января 1949 года, обстановка накалялась все сильнее и сильнее. Практически в отчетах каждого лагеря звучат тревожные нотки по поводу того, что среди военнопленных усилились антисоветские настроения. Вот ряд высказываний, которые включили в свой отчет руководители лагеря № 464 в Кемерово: «Верить русским офи-

церам нельзя, они неправду говорят на каждом шагу, обманывают нас. Таково же поведение и антифашистского комитета. Нам в прошлом году обещали родину, прошел год... Но уже сентябрь и нас еще много здесь, по-видимому, мы останемся в лагере, им нужна наша работа» (А. Мюллер); «Я очень интересуюсь, кто после 1 января 1950 г. из военнопленных еще будет работать на этих преступников» (Г. Клейн); «Я, например, с 1 января 1950 г. не работаю, пусть делают со мной, что хотят» (А. Вурм). И вот заключительные строки из упомянутого отчета: «Многие открыто заявляют о своем намерении бежать из лагеря... Резко упала производительность труда»¹³.

28 сентября 1949 г. свою озабоченность по поводу хода репатриации и слабой работы по выявлению военных преступников выразило Политбюро ЦК ВКП(б). Межведомственной комиссии, в которую вошли министр внутренних дел С. Н. Круглов, министр госбезопасности В. С. Абакумов, Генеральный прокурор Г. Н. Сафонов, предлагалось в течение двух месяцев вынести вердикт о предании суду или же репатриации всех немецких военнопленных, находящихся на оперативном учете. 14 октября 1949 г. последовало распоряжение МВД № 634сс о создании межведомственных комиссий в республиках, краях и областях СССР. Последние должны были завершить свою работу до 15 ноября. К этой дате передачу следственных дел в военные трибуналы требовалось закончить. Направленный тогда же на места «План работы межведомственных комиссий» содержал еще одно принципиальное указание: «Военнопленные, взятые на учет по формальным признакам, на которых нет материалов об их преступной деятельности, должны быть репатриированы в IV квартале 1949 года на общих основаниях»¹⁴.

Однако уже через месяц такое «либеральное отношение» к подучетному элементу было признано ошибочным. В своем письме от 18 ноября 1949 г. министр иностранных дел Вышинский поставил вопрос о принципиально ином подходе к рассмотрению следственных дел. Принадлежность военнопленного к войскам СС, по мнению министра, уже

является достаточным основанием для вынесения сурового приговора. В связи с такой позицией государственного деятеля, имевшего репутацию первого юриста страны, МВД СССР 28 ноября 1949 г. издало распоряжение № 743сс «О прекращении репатриации офицеров, служивших в СС, СД, гестапо, полиции, карательных частях и органах». На следующий день вышло совместное распоряжение МВД, МГБ и Генпрокуратуры № 746/364/213сс, которое содержало следующие разъяснения:

«1. В тех случаях, когда достаточных следственных материалов о конкретной преступной деятельности не имеется, военнопленных офицеров, служивших на командных и оперативных должностях в органах и войсках СС, предавать суду по ст. 17 УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 года за самый факт принадлежности к СС, как военных преступников. Во всех случаях, когда это возможно, указывать на акты чрезвычайной комиссии, устанавливающие преступления воинской части, в которой состоял обвиняемый.

2. Командный и рядовой состав, служивший в концентрационных лагерях, лагерях для советских военнопленных и мирных граждан, а также работников карательных органов суда, прокуратуры, полиции и следственных органов также судить по ст. 17 УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 года.

3. Сотрудников немецких разведывательных и контрразведывательных органов предать суду по ст. 17-58-6 УК РСФСР»¹⁵.

Совместное распоряжение МВД, МГБ и Генпрокуратуры, принятое под давлением Вышинского, давало возможность без лишних хлопот (перекрестных допросов, розыска свидетелей и т. д.) подготовить обвинительное заключение практически на любого военнослужащего войск СС, сотрудника тайной полиции или же разведывательных органов. По той простой причине, что статья 17-я УК РСФСР утверждала принцип коллективной ответственности за совершенное преступление. В число соучастников — «подстрекателей и пособников» — могли попасть и попадали военнослужащие,

совершенно не причастные к зверствам и злодеяниям на советской земле. Достаточно было того, чтобы их войсковое соединение упоминалось в акте Чрезвычайной Государственной Комиссии. Такая практика, разумеется, вызывала протест со стороны обвиняемых. Осужденный в Сталинграде трибуналом войск МВД на 25 лет лишения свободы немец В. Шлюзен безуспешно пытался оспорить вынесенный ему приговор. Слова военнопленного о том, что патрульная команда, в которой он состоял, «как могла поддерживала русское гражданское население, ограждая его от грабежей и насилий со стороны немецких солдат», остались без внимания¹⁶.

Еще в ноябре—декабре 1948 г. МВД издало несколько директив об усилении агентурно-оперативной работы на предмет разоблачения и предания суду «реакционно и реваншистски настроенных военнопленных». Год спустя практика судебного преследования за политические убеждения стала правилом. При этом обвиняемым инкриминировалась уже упомянутая 17-я статья УК РСФСР и Указ от 19 апреля 1943 года. Так, начальник управления трудовой повинности земли Померания генерал-майор Ганс Матц, никогда не принимавший участия в военных действиях на советской территории, был тем не менее приговорен к 25 годам лишения свободы. В вину ему ставилось то, что он «не примирился с поражением Германии», «является противником решений Потсдамской конференции», «осуждает внешнюю политику СССР» и т. д. Впрочем, антисоветские настроения немецкого генерала позднее не помешали компетентным органам пойти на его вербовку. В справке-характеристике на осужденного, подписанной заместителем начальника тюремного управления МВД, сказано: «Является нашим агентом»¹⁷.

Осенью 1949 г. в лагере № 108 Сталинградской области оперативно-чекистский отдел подготовил 3168 обвинительных заключений¹⁸. В подавляющем большинстве случаев «разоблачение» военных преступников ограничивалось изучением их автобиографий, места, времени и характера службы. Неосторожное упоми-

нение пленного о причастности его войсковой части к какой-либо карательной операции тут же становилось доказательством личной вины. В Свердловской области в соответствии с директивой № 741/264/213сс от 29 ноября 1949 г. к уголовной ответственности привлекли 368 военнопленных, служивших в карательных подразделениях германской армии. Но при этом их преступная деятельность полностью так и не была разоблачена¹⁹.

Не желая делать достоянием международной общественности широкомасштабную акцию по привлечению военнопленных к уголовной ответственности, заместитель министра внутренних дел И. А. Серов 23 ноября 1949 г. своим распоряжением № 730сс запретил всем находившимся в лагерях германским подданным переписку с родственниками²⁰. Однако сохранить в секрете нежелательную информацию удалось ненадолго, она просочилась за рубеж вместе с последними партиями репатрируемых немцев. Разумеется, западногерманская пресса, средства массовой информации США и Великобритании незамедлительно обвинили СССР в вероломстве и невыполнении обязательств по возвращению военнопленных на родину.

Несмотря на острую критику, сталинское колесо репрессий продолжало набирать обороты. Согласно докладу, поступившему в правительство*, в ноябре-декабре 1949 г. было осуждено в общей сложности 13603 немецких военнопленных. Из этого количества 7038 человек привлекли к уголовной ответственности «за принадлежность к рядовому и унтер-офицерскому составу СС и СА, полицейским и охранным частям, а также за мелкие грабежи на временно оккупированной территории СССР и стран народной демократии». Еще 7112 германских подданных, в том числе 140 генералов, были в эти же дни взяты под следствие²¹.

---

* Этот доклад на имя В. М. Молотова 2 февраля 1950 г. подписали министр внутренних дел С. Н. Круглов, министр госбезопасности В. С. Абакумов, министр иностранных дел А. Я. Вышинский, министр юстиции К. П. Горшеннин и генеральный прокурор Г. Н. Сафонов.

К середине января 1950 г. в Центральную межведомственную комиссию поступили материалы из 33 республик, краев и областей СССР. В ходе нескольких заседаний члены комиссии пришли к выводу о необходимости предать суду военного трибунала 1656 немецких военнопленных. Отводились лишь наиболее абсурдные, бездоказательные обвинения. Так, 25 января 1950 г. был рассмотрен список кандидатов в места лишения свободы, насчитывающий 130 человек. Привлекать к уголовной ответственности 26 германских подданных почитали нецелесообразным. Однако среди тех, кого ожидала суровая кара, настоящими преступниками были также далеко не все. К примеру, лейтенанта Бруно Гарца было решено осудить за его довоенные связи с английской разведкой, которые он якобы сумел возобновить через переписку с женой. Капитан вермахта Курт Мюллер заслуживал наказания за свои старые и новые «грехи»: с 1937 по 1939 гг. являлся редактором газеты «Бранденбургер-Беобахтер», а будучи в плену, проговорился «о намерении ехать в Западную Германию и включиться во враждебную деятельность против СССР»²².

■ Закрытые судебные процессы на завершающем этапе репатриации. Обвинительные заключения центральной, республиканских и областных межведомственных комиссий передавались в военные трибуналы. О том, как протекала процедура рассмотрения дел в этих органах советской военной юстиции, оставили свои воспоминания многие немецкие военнопленные. Чаще всего военный трибунал под председательством старшего офицера и двух военнослужащих в звании от ефрейтора до капитана выносил обвинительный вердикт в течение 15–20 минут. Несколько часов могло длиться заседание, когда перед судьями находились генерал или высокопоставленный офицерский чин. Однако как в первом, так и во втором случае исход дела был предрешен. Адвокат, если таковой присутствовал в зале, просил о снисхождении к своему подзащитному, уповая на то, что мировоззрение после-

дного формировалось под воздействием нацистской идеологии. Нередко в помещении суда не было даже переводчика, и обвиняемые не могли сказать в свое оправдание ни единого слова.

Несмотря на эмоциональную окраску, свидетельства очевидцев передают в общем-то достоверную картину минувших событий. В отличие от открытых и даже закрытых процессов 1945—1947 гг., практика судебного преследования немецких военнопленных на завершающем этапе их массовой репатриации сопровождалась нарушением элементарных процессуальных норм. Более того, наспех подготовленные уголовные дела зачастую содержали бездоказательные обвинения. Так, военнопленный Карл Мюллер обвинялся в уничтожении советских граждан при помощи газового автомобиля «душегубки», т. е. в преступлении, предусмотренном статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Дело его рассматривалось в суде без участия защитника и без вызова свидетелей. В протоколе заседания военного трибунала войск МВД Сталинградской области, которое состоялось 1 декабря 1949 г., приведены такие слова обвиняемого: «Я как начальник гаража и автомастерской произвел ремонт «душегубки»... Да, я слышал от солдат, что после этого ремонта в «душегубке» было много умерщвлено советских граждан». Этого «признания» вполне хватило для того, чтобы приговорить подсудимого к 25 годам лишения свободы. Неудивительно, что сорок пять лет спустя начальник отдела реабилитации Главного управления по надзору за исполнением законов в Вооруженных Силах полковник юстиции В. П. Кондратов утвердил в отношении гражданина ФРГ Карла Мюллера оправдательное «Заключение». В нем говорится: «...Материалы уголовного дела дают основание считать, что Мюллер был осужден по политическим мотивам, а следовательно, в соответствии со ст. 1, 2, 3 и ст. 8 ч. 2 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года подлежит реабилитации»²³.

Несомненный интерес представляют уголовные дела военнопленных, имевших влиятельных родственников и важных покровителей. Так, в мае 1950 г. к двадцати пяти годам исправительно-трудовых работ был приговорен старший лейтенант вермахта Геральд фон Болен унд Гальбах. В обвинительном заключении, зачитанном в зале суда, говорится: «Являясь сыном Круппа, неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимлером, фон Риббентропом и другими гитлеровскими нацистами. В составе 24, 97 и 125 пехотных дивизий принимал участие в боевых действиях против частей Советской Армии и в оккупации территории СССР, где захватчиками чинились насилия и злодеяния»²⁴. Но разве личное знакомство с руководителями Третьего рейха и участие в войне против СССР может служить основанием для привлечения военнопленного к уголовной ответственности? В данном случае решение суда, как считает исследователь А. А. Крупенников, предопределили иные мотивы. Главным лозунгом советской пропаганды на рубеже сороковых—пятидесятых годов была борьба за мир, борьба против поджигателей новой мировой войны. Среди них — кровно заинтересованные в вооруженном конфликте производители и поставщики оружия. А тут в плену сын «пушечного короля» Густава Круппа. Ну как же его не судить? Тем более, что удар одновременно наносился по престижу США. Судя по материалам дела, одним из родственников Г. фон Болен унд Гальбаха был советник, а позднее — американский посол в Москве Чарльз фон Болен²⁵.

Политические мотивы просматриваются и в деле бывшего президента Союза немецких офицеров Вальтера фон Зайдлица, дело которого слушалось в суде военного трибунала 8 июля 1950 года*. Как уже говорилось, фамилия гене-

---

* Гражданин ФРГ Вальтер фон Зайдлиц был посмертно реабилитирован Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 1996 году.

рала попала в список лиц, чье пребывание на советской земле в годы войны требовало более тщательной проверки, еще в мае 1949 года. Однако никаких сведений о причастности Зайдлица к зверствам и злодеяниям в последующие месяцы заполучить не удалось. И в постановлении Совета Министров СССР от 17 марта 1950 г. он, в числе еще 50 генералов, был назван военным преступником по причине своих «реакционно реваншистских настроений». Одним из основных свидетелей обвинения против видного антифашиста позднее стал генерал Бек-Беренс. Показания последнего сводились к тому, что он, будучи начальником штаба 16-й армии, отдавал преступные приказы, а Зайдлиц, являясь командиром 12-й пехотной дивизии, их выполнял. При этом ни на предварительном следствии, ни в зале суда не было принято во внимание то обстоятельство, что Бек-Беренс стал начальником штаба после того, как генерал Зайдлиц передал командование дивизией в другие руки. И таким образом не мог выполнять приказы Бек-Беренса. Подлинные причины, по которым бывший президент Союза немецких офицеров оказался на скамье подсудимых, упомянуты в материалах советских спецслужб: негативное отношение к политике СССР по германскому вопросу, намерение репатриироваться не в ГДР, а в ФРГ, к своей семье в Гамбург и т. д.²⁶.

Нельзя не отметить предвзятое отношение советского правосудия к офицерам военной юстиции, сотрудникам суда и прокуратуры фашистской Германии. Бывший подполковник юстиции В. Беневиц безуспешно пытался доказать, что он никогда не выносил приговоров гражданам СССР и потому не может считаться «исполнителем карательной политики германского командования». Все доводы обвиняемого в свою защиту были отвергнуты. Не возымели должного действия даже такие аргументы: в Нюрнберге гитлеровский суд не был признан преступной организацией, а бывший нацистский судья Курт Шуман — ныне председатель Верховного суда ГДР²⁷.

■ Очередное правительственное постановление. Проблема смертной казни. После 1 января 1950 г. политическое давление на СССР по поводу незаконного задержания немецких военнопленных продолжало нарастать. Не желая до предела накалять обстановку вокруг проблемы репатриации германских подданных, правительство дало указание МВД оставить в лагерях «не более 15000 человек военных преступников»²⁸. По этому случаю первые руководители МВД, МГБ, МИД, Минюста и Генпрокуратуры 2 февраля 1950 г. направили в Кремль проект постановления СМ СССР, согласно которому на родину должны были выехать:

а) 5126 военнопленных, осужденных на протяжении 1943—1949 гг. за бандитизм, симуляцию, членовредительство, нарушение лагерного режима и прочие бытовые преступления;

б) 7038 военнопленных, осужденных в ноябре—декабре 1949 г. по так называемым формальным признакам — за принадлежность к войскам СС, СД и т. д.

в) 5293 военнопленных, уголовные дела против которых были возбуждены по причине, указанной в предыдущем пункте.

А вот как выглядели статистические данные об отстраненных от репатриации военных преступниках:

а) 5162 человека осуждено в период 1943-1949 гг. за зверства и злодеяния;

б) 4684 человека осуждено в ноябре-декабре 1949 г. по причине, указанной в предыдущем пункте;

в) 1881 человек осуждено в ноябре-декабре 1949 г. по так называемым формальным признакам.

Еще 1819 немцев лишались права на возвращение домой, поскольку против них были возбуждены уголовные дела. Всего таким образом намечалось оставить в СССР 13546 военнопленных²⁹.

17 марта 1950 г. вышло постановление СМ СССР № 1108-396сс, утвердившее представленный проект без каких-либо существенных поправок. Репатриация осужденных именован-

лась в этом документе как «выдворение из Советского Союза». По отношению к германским подданным, отправка которых на родину откладывалась, были предприняты шаги, предусмотренные «Планом мероприятий по выполнению решения Правительства о репатриации немецких военнопленных и концентрации в специальных лагерях МВД осужденных военных преступников». Прежде всего была ускорена работа по передаче следственных дел в трибуналы войск МВД. При этом особое внимание уделялось 137 генералам, часть из которых этапировали в места дислокации их бывших корпусов и дивизий. Генералов, зачисленных в категорию «реваншистски настроенных», перевели из лагеря № 48 в Ивановской области в оперативно-пересыльный лагерь № 27 в г. Красногорске. Сотрудникам последнего поручалось в месячный срок предъявить подследственным обвинительные заключения³⁰.

В конце марта 1950 г. заместитель начальника ГУПВИ МВД генерал-лейтенант А. З. Кобулов подготовил проект письма на имя Сталина с предложением осудить на смертную казнь «наиболее злостных и активных преступников из числа военнопленных». Необходимость высшей меры наказания мотивировалась тяжестью совершенных преступлений, а возможность ее использования — вышедшим 12 января 1950 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Впрочем, ни к одному из находящихся под следствием немецких солдат, офицеров и генералов этот Указ в ближайшие несколько месяцев так и не был применен. В ноябре того же года министр внутренних дел Круглов возвратил проект упомянутого письма обратно Кобулову, не оставив на нем ни своей подписи, ни какой-либо резолюции³¹. Следует заметить, что вынесение военнопленным смертного приговора в практике пятидесятых годов — явление чрезвычайно редкое. Занимавшемуся исследованием этой проблемы исторiku Н. В. Петрову удалось установить лишь единичные факты применения высшей меры наказания³².

■ Обстановка в спецлагерях МВД. Проблема правового статуса военных преступников. В июне 1950 г. вышел приказ об организации одиннадцати спецлагерей МВД для осужденных военнопленных и интернированных граждан. Создавались они на базе ранее существовавших в Донбассе, на Урале, в Сталинградской, Новгородской, Ростовской областях и в районе Хабаровска. В поселке Чернцы Лежневского района Ивановской области сосредоточили большую часть генералов. В развитие упомянутого приказа заместитель министра внутренних дел И. А. Серов 17 июня 1950 г. издал распоряжение № 506, согласно которому начальнику ГУЛАГА генерал-майору Г. П. Добрынину поручалось лично проконтролировать отправку военных преступников к новому месту назначения³³. Через два месяца операция по этапированию была завершена. В системе ГУЛАГа осталось около тысячи германских подданных, из них 300 — в районе Воркуты. Более 16000 военнопленных и интернированных германских граждан находились теперь в спецлагерях МВД, где их охрану обеспечивали конвойные войска³⁴.

20 ноября 1950 г. начальник ГУПВИ МВД А. З. Кобулов указал своим подчиненным на недопустимость либерального отношения к военным преступникам. В подписанной им директиве говорилось о том, что за колючей проволокой требуется «установить строгий режим содержания и охраны, усилить агентурно-оперативную работу в целях пресечения враждебных выступлений, подрывных актов на производстве». Весьма примечательным был третий пункт документа, согласно которому военнопленных повторно осужденных за саботаж и прочие неблагоприятные деяния, а также нарушителей дисциплины и лиц, склонных к побегу, следовало переводить в штрафное отделение лагеря № 483 (поселок Дегтяровка Свердловской области)³⁵.

Еще через несколько дней, 27 ноября 1950 г., оперативно-чекистские отделы получили «Ориентировку об активных враждебных проявлениях в лагерях для осужденных военных преступников». К разряду «враждебных» были отнесены

такие действия, как отказ от работы, призыв к коллективным забастовкам, попытка выйти на связь с иностранными посольствами, избивание лагерных агентов и осведомителей. В качестве примера приводилась информация о разоблаченной фашистской группе под руководством бывшего адъютанта Гитлера штурмбанфюрера Отто Гюнше. Он и его сообщники из лагеря № 476 намеревались расправиться с осужденными, которые пользовались покровительством начальства и задействовались на более легких работах³⁶.

Напряженная обстановка за колючей проволокой осенью 1950 года имела под собой достаточно простое объяснение. Военнопленные, оказавшиеся вместо дома в местах заключения, не сразу смирились с этой мыслью. Почти каждого переполняло чувство горькой обиды, а некоторые открыто демонстрировали свое возмущение и ненависть по отношению к СССР. Вот какие высказывания зафиксировали в эти дни сотрудники оперативно-чекистских отделов лагерей Сталинградской области:

«...Нас лишили свободы на 25 лет, и если меня известят из дома о смерти моей жены или матери, то наступит конец и моей жизни. Но перед этим я должен буду отомстить десяти русским по заслугам — за полученные мной 25 лет. Все мы получили этот срок наказания без основания»;

«...По моему мнению, мы — безнадёжные люди, но я не понимаю, почему русские здесь нас держат. Руководство лагеря натравливает на нас охранный персонал все больше и больше, добиваясь, чтобы он нас презирал и лучше охранял. Я понимаю, что никто не сможет вытащить нас отсюда. Западные власти много говорят и угрожают, но на СССР никакого воздействия не оказывают. Таким путем русские нас не отпустят. Во всяком случае нашу судьбу разрешит только война»;

«...Если я когда-нибудь вернусь в Германию, то всю свою дальнейшую жизнь посвящу борьбе против Советского Союза потому, что я ненавижу коммунизм и советских людей. Я жалею, что во время войны мало расстреливал русских»³⁷.

Первые итоги агентурно-оперативной работы с осужденными военнопленными были подведены на совещании в Москве 20—22 декабря 1951 года. В докладе начальника УПВИ А. З. Кобулова, направленном по этому случаю заместителю министра внутренних дел И. А. Серову, обобщался накопленный опыт, приводились наиболее яркие примеры из повседневной практики. О методах работы с преступным элементом в лагере № 476 в Свердловской области в документе, к примеру, говорилось следующее: «В целях внедрения агента в группу генералов была начата работа с бывшим генерал-лейтенантом К. Для его вербовки был применен метод постепенного втягивания без немедленного требования обязательств в сотрудничестве. В результате проведения с К. ряда бесед и оказания ему для окружающих некоторых знаков внимания, генерал стал представлять письменные сообщения о политических настроениях осужденных, а затем и пошел на оформление вербовки, избрав себе псевдоним «Лейман». В настоящее время он добросовестно выполняет задания оперотдела по разработке бывших генералов и старших офицеров»³⁸.

Наряду с положительными приводились в докладе на имя Серова и негативные примеры. Критиковалась, в частности, порочная практика сотрудничества с лицами, продемонстрировавшими явное неуважение к советской символике. Было политически вредно и недальновидно, по мнению Кобулова, допустить в ряды осведомителей «бывшего капитана германской армии, снявшего с административного здания УМГБ государственный флаг СССР»³⁹.

После сосредоточения подавляющего большинства осужденных военнопленных в спецлагерях их жизненный уклад регламентировали приказы и инструкции Министерства внутренних дел. Традиционно считавшийся прерогативой правительства вопрос о переписке с родственниками и тот был решен распоряжением министра № 831с от 14 октября 1950 года. Документа, который бы узаконил правовой статус осужденных иностранных подданных на уровне Совета Министров

СССР, принято не было. Хотя МВД и МИД дважды предпринимали попытки в этом направлении. Так, 24 декабря 1950 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов и заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко докладывали Сталину о том, что в спецлагерях МВД содержится 19547 военных преступников. Правила, существующие для военнопленных, по замечанию авторов докладной записки, на вышеуказанных лиц «не могут распространяться». Поэтому было бы целесообразным утвердить прилагаемый проект правительственного постановления, который оговаривает режим содержания военных преступников, их котловое, вещевое и денежное довольствие, условия труда и размер заработной платы⁴⁰. Однако советский вождь на это послание почему-то не прореагировал. Аналогичный проект постановления Совета Министров СССР руководители МВД и МИД намеревались представить в Кремль в июне 1952 года⁴¹. Впрочем, ни подписи С. Н. Круглова, ни подписи А. Я. Вышинского на сопроводительном письме в адрес товарища Сталина так и не появилось*.

Справедливости ради надо сказать, что положение осужденных военнопленных в спецлагерях МВД не выходило за рамки обычной практики советских пенитенциарных учреждений. Скорее наоборот, условия труда и быта военных преступников выгодно отличались от порядков, царивших в лагерях ГУЛАГа. Это обстоятельство упоминают в мемуарах и бывшие немецкие военнопленные, вернувшиеся на родину в середине пятидесятых годов. Определенную заботу компетентных органов о своих подопечных можно усмотреть в приказе министра внутренних дел № 00695 от 28.11.1950 г. «О мероприятиях по завозу и использованию на работах в асбестовой промышленности осужденных военных преступников из числа военнопленных». А в распоряжении МВД

---

* На сохранившемся проекте письма осталась пометка следующего содержания: «Экземпляры №№ 1 и 3 уничтожены по акту от 17.12.54 г.»

№ 389с от 13 апреля 1951 г., к примеру, говорилось следующее: «Обеспечить, чтобы все жалобы осужденных военных преступников как письменные, так и устные по вопросам, связанным с использованием их труда, разрешались в трехдневный срок и решения по ним в ясном и четком изложении немедленно сообщались жалобщикам»⁴².

■ Военнопленные в тюрьмах МГБ. Судебные процессы 1952 года. В условиях строгой изоляции находились германские подданные, попавшие в тюрьмы МГБ. Количество их в июне 1951 г. было невелико, всего 51 человек. Однако министр В. С. Абакумов этими людьми дорожил и передавать их в ведение МВД был не намерен. В камерах на положении военнопленных и арестованных пребывали генерал-фельдмаршал Эвальд Клейст и генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер, руководители отделов Абвера Ганс Пиккенброк и Франц Бентивеньи, последний командующий обороной Берлина генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг, сотрудники Главного управления имперской безопасности Фриц Панцингер и Бруно Штреккенбах, немецкие военные дипломаты Герберт Рихтгофен, Адольф Беккерле, Альфред Герстенберг, свидетели смерти Гитлера и участники опознания его трупа — повар имперской канцелярии Вильгельм Ланге, камердинер Гейнц Линге и другие.

В июле 1951 г. Абакумов был исключен из партии, снят с занимаемой должности, а еще через несколько дней арестован. В августе того же года министром госбезопасности назначили заведомо партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) С. Д. Игнатьева. А его предшественника, помимо прочего, обвинили в намеренном затягивании расследований особо важных преступлений. Заместитель министра госбезопасности Е. П. Питовранов 5 августа 1951 г. по этому поводу спешил сообщить В. М. Молотову, Г. М. Маленкову и Л. П. Берии: «...Следствие по многим делам велось до последнего времени недостаточно глубоко. Некоторые из военных

преступников длительное время не допрашивались, и поэтому их вражеская деятельность полностью не вскрыта». В этой связи заместитель министра брал на себя обязательство в ближайшие 3–4 месяца закончить следствие и передать все дела в суд. Исключение, по мнению Питовранова, следовало бы сделать для руководящих сотрудников разведорганов, поскольку эти лица «представляют для МГБ оперативный интерес»⁴³.

Позицию своего заместителя в данном вопросе разделял и новый министр Игнатьев. 7 сентября 1951 г. в письме, адресованном в Политбюро ЦК ВКП(б), он мотивировал необходимость дальнейшего содержания офицеров и генералов спецслужб фашистской Германии на положении военнопленных следующим образом: «Эти разведчики должны еще допрашиваться об известной им агентуре, а некоторые будут использованы для проведения соответствующих чекистских мероприятий. По миновании надобности дела на них будут закончены и переданы по подсудности»⁴⁴.

Предложение министра, однако, не встретило поддержки Сталина, который распорядился передать следственные материалы на всех без исключения военнопленных в соответствующие судебные инстанции. В эти дни постарался обезопасить себя от возможных неприятностей начальник внутренней тюрьмы МГБ полковник А. Н. Миронов. Последний уведомил руководство, что арест военнопленных — фельдмаршала Э. Клейста, генерала Ф. Бентивеньи и вице-адмирала Г. Фосса — «до сих пор не оформлен»⁴⁵. В августе того же года процессуальные погрешности были устранены, а еще через два месяца почти все подопечные Министерства госбезопасности оказались на скамье подсудимых.

В феврале—марте 1952 г. были приговорены к 25 годам лишения свободы видные немецкие генералы и руководители Абвера. Процессу над фельдмаршалом Э. Клейстом и фельдмаршалом Ф. Шёрнером впоследствии был посвящен документальный очерк под названием «Преступники в фельдмаршальских мундирах»⁴⁶. О том, какое наказание на закрытых судебных процессах понесли тысячи других немецких военнопленных, в печати не сообщалось.

27 февраля 1952 г. перед судом военного трибунала Московского округа предстал последний командующий обороной Берлина — генерал артиллерии Г. Вейдлинг. По ст. 1 Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г., а также по статье 2, §1, пункты «а», «б» и «с» Контрольного совета в Германии он был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей⁴⁷. Справедливость предъявленных ему обвинений вызывает большое сомнение. Вряд ли правомерно относить строевого генерала к числу лиц, занимавшихся подготовкой и развязыванием войны против СССР (ст. 2, §1, п. «а» Контрольного совета). Скорее под этот пункт подпадает так и неосужденный фельдмаршал Ф. Паулюс — один из разработчиков плана «Барбаросса». Кроме того, применение по отношению к подсудимому Закона № 10 в принципе недопустимо, так как его действие распространялось лишь на территорию Германии. В эпизоде с намеренным заражением мирных граждан сыпным тифом суд, похоже, опирался на сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, в котором речь идет о генерал-лейтенанте... Вейдмане. Возникают и другие вопросы. Почему о преступлениях Вейдлинга вспомнили только через семь лет? На каком основании содержали не в лагере военнопленных, а в тюрьме? Сомнительно безоговорочное признание генералом своей вины. Зачем в таком случае он подает жалобу на необоснованность вынесенного ему приговора? Обращает на себя внимание и тот факт, что Военная коллегия Верховного суда СССР дважды рассматривала вопрос о том, где должен содержаться осужденный. 29 марта 1952 г. вместо исправительно-трудового его решают направить в особый лагерь, а менее месяца спустя — в тюрьму. О подоплеке всех этих манипуляций догадаться несложно — важный свидетель строго охраняемой тайны смерти Гитлера не должен вступать в контакты с остальной массой заключенных⁴⁸.

Крайне любопытны дела руководящего состава военной разведки фашистской Германии. В феврале 1952 г. су-

ровый приговор — 25 лет лишения свободы — был вынесен начальнику 3-го отдела Абвера Ф. Бентивеньи. Обвиняемый, как сказано в документе, «лично создал специальный орган, условно именуемый «Штаб Валли», который осуществлял всю шпионскую деятельность на советско-германском фронте». Ниже констатируется, что генерал свою вину признал, но «отрицает участие в зверствах и злодеяниях»⁴⁹. Как и его сослуживец, был осужден за шпионаж по статье 58-6 УК РСФСР бывший начальник 1-го отдела Абвера генерал-лейтенант Г. Пиккенброк. Дело последнего рассматривала военная коллегия Верховного суда СССР, которая в своем решении от 26 марта 1952 г. указала: «Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит»⁵⁰.

Наконец, имеет смысл упомянуть о судьбе еще четырех военнопленных, осужденных в этот период за шпионскую деятельность. В марте 1952 г. был расстрелян полковник Абвера Эрвин Штольце, в апреле — военный разведчик Франц-Рудольф Гфрорнер, в мае — сотрудник Главного управления имперской безопасности Роман Гамота. Бывшему работнику иностранного отдела министерства пропаганды фашистской Германии Францу Шмидту-Дюмону высшую меру наказания Президиум Верховного Совета СССР заменил на 15 лет лишения свободы. Быть может, потому, что о скором конце этого человека судьи были осведомлены*. Остается добавить, что факты вынесения смертных приговоров никогда не афишировались. Согласно директиве КГБ № 108сс, принятой в 1955 г., родственникам расстрелянных сообщалось, что их близкие умерли в местах заключения⁵¹.

---

* Гражданин ФРГ Франц Шмидт-Дюмон умер в заключении 17 декабря 1952 года.

Политический характер и правовая оценка судебных процессов конца 40-х — начала 50-х гг.

■ Политическая подоплека закрытых судов. Анализ архивных документов, сопоставление фактов и событий полувековой давности позволяют говорить о том, что закрытые судебные процессы конца 40-х — начала 50-х годов имели ярко выраженный политический характер. Репатриация немецких военнопленных вступила в завершающий период в те дни, когда холодная война достигла своего апогея. Это обстоятельство предопределило решение советского руководства привлечь к уголовной ответственности тех военнослужащих вермахта, в которых оно видело, во-первых, идейных противников, хорошо знакомых со сталинской моделью социализма; во-вторых, командные кадры будущей армии ФРГ; в-третьих, опытных солдат армий блока НАТО, готовых к подавлению коммунистических режимов в любой точке планеты. Так, из 137 генералов, внесенных в феврале 1950 г. в списки на отстранение от репатриации, только на 52 человек имелись материалы об их преступной деятельности. Остальных органы МВД предлагали осудить как «реакционно, рваншистски настроенных» или же «служивших в карательных, разведывательных органах и войсках СС»¹.

В пользу версии о политической подоплеке закрытых судебных процессов над немецкими военнопленными говорит намерение Сталина использовать осужденных немцев в качестве разменной карты при урегулировании германской проблемы. Сказанное подтверждает тот факт, что в марте 1952 г. Москва была готова освободить определенную часть бывших солдат и офицеров вермахта. В ответ на эту и ряд других уступок со стороны Кремля западным державам следовало благосклонно отнестись к советскому проекту Основ мирного договора с Германией. Однако этот проект, изложенный в ноте правительства СССР от 10 марта 1952 г., не встретил понимания у бывших союзников по второй мировой войне². В итоге проблема осво-

бождения военных преступников была решена лишь после смерти Сталина. И вновь она стала объектом политического торга. На этот раз в ходе переговоров об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ в сентябре 1955 года.

О политическом характере закрытых судов над немецкими военнопленными говорит и реакция советского руководства на просьбу лидеров СЕПГ положительно решить судьбу еще остающихся в СССР германских подданных. Эта просьба рассматривалась на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 сентября 1949 г. в связи с обсуждением вопроса об образовании ГДР. Идя навстречу немецким товарищам, Политбюро потребовало от министра внутренних дел форсировать процесс репатриации военнопленных на родину. Одновременно МВД, МГБ и Генпрокуратуре предлагалось в срочном порядке завершить перевод из разряда подозреваемых в разряд осужденных немцев, возвращение которых в Германию считалось нежелательным. С позицией Кремля в данном случае был солидарен будущий президент ГДР Вильгельм Пик, который заверил своих ближайших соратников: «...Правительственная программа будет содержать заявление о возвращении всех военнопленных из Советского Союза до конца 1949 года»³. Через три недели с публичным заявлением по этому же вопросу «со всей решительностью» выступил премьер-министр Отто Гротеволь⁴.

■ Правовая оценка судебной практики. По мнению советских юристов ничто не мешало СССР привлечь к уголовной ответственности пленных, уличенных в преступлениях против советского народа. Нормативной базой в данном случае служили следующие основные документы: Указ от 19 апреля 1943 г.; УК РСФСР и УПК РСФСР в редакции 1927 года*.

---

* Довольно часто применялся для привлечения военнопленных к уголовной ответственности также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об усилении ответственности за хищение общественного и личного имущества.

Вместе с тем противоречили всякому здравому смыслу попытки инкриминировать военнопленным Указ "О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев" за их реваншистские настроения. Равным образом небывалым казусом в юриспруденции являлось привлечение солдата вражеской армии к ответственности по ст. 58—4 УК РСФСР (оказание помощи мировой буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы). Наконец, как можно было применить по отношению к генералу или офицеру, находившемуся в советском плену, Закон № 10, если его действие распространялось только на территорию Германии.

Нужно заметить, что такая одиозная практика не стала явлением массового порядка. Согласно статистическим данным, приведенным в монографии германского историка М. Ланга, от общего количества осужденных было приговорено по ст. 58—4 УК (оказание помощи мировой буржуазии) — 2,9%, по ст. 58—9 УК (разрушение с контрреволюционной целью железнодорожных путей и иных средств сообщения) — 0,7%, по ст. 58—13 УК (активная борьба против рабочего класса и революционного движения) — 0,1%⁵.

Как известно, на Нюрнбергском процессе были признаны преступными руководящий состав фашистской партии, СС, гестапо и СД. Однако МВД СССР, зная официальную точку зрения сталинского правительства по данному вопросу, включило в перечень военных преступников также представителей СА, Верховного командования и Генштаба. Наряду с лидерами НСДАП на особый учет ставились руководители таких организаций, как "Гитлерюгенд", "Скрещенные стрелы", "Железная гвардия" и т. д.⁶ Первое время принадлежность военнопленного к той или иной категории подучетного элемента возводила перед ним препятствия на пути домой, он отстранялся от репатриации. С осени 1949 г. это же самое обстоятельство служило вполне достаточным основанием для вынесения сурового приговора. Разумеется, такой подход к решению проблемы был прямым нарушением договоренностей, достигнутых в Нюрнберге.

Особенностью судебных процессов над немецкими военнопленными конца 40-х — начала 50-х годов являлся формальный подход к рассмотрению дел. Это во многом объясняется невероятной спешкой: за каких-то два месяца (ноябрь—декабрь 1949 г.) было возбуждено следствие против 20000 человек, военные трибуналы вынесли свыше 14000 приговоров. В срок, определенный решением ЦК ВКП(б), они в конце концов уложились, но оставили о себе недобрую славу. Рассказы вернувшихся на родину о произволе органов дознания, суда и прокуратуры подтверждали сообщения западных средств массовой информации о серьезных нарушениях законности в Советском Союзе.

Тогда же, на завершающем этапе репатриации германских подданных, произошло событие, давшее повод для критики СССР с международноправовой точки зрения. С 21 апреля по 12 августа 1949 г. в Женеве наряду с тремя другими соглашениями о защите жертв войны* проходило обсуждение конвенции "Об обращении с военнопленными". В рабочей комиссии по выработке документа были представители США, Великобритании, Франции и СССР. На двенадцатом заседании комиссии, которое состоялось 20 мая 1949 г., развернулась дискуссия по статьям 83—95-й, посвященным уголовной и дисциплинарной ответственности пленных солдат и офицеров. При этом статья 85-я с согласия сторон была принята в следующей редакции: «Военнопленные, подвергающиеся преследованию в силу законодательства держащей в плену Державы за действия, совершенные ими до взятия в плен, пользуются покровительством настоящей конвенции даже в случае их осуждения»⁷. Однако к моменту официального подписания документа в Берне (дан-

---

* Речь идет о следующих конвенциях: "Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях"; "Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море"; "О защите гражданского населения во время войны".

ная процедура состоялась 12 декабря 1949 г.) отношение Советского Союза к статье 85-й принципиально изменилось. Глава делегации генерал Н. В. Славин заявил, что, по мнению правительства СССР, военные преступники «должны подчиняться режиму, установленному в данной стране для лиц, отбывающих наказание»⁸.

Связь между изменившейся позицией Кремля и развернувшейся кампанией по судебному преследованию немецких военнопленных несомненна. К декабрю 1949 г. окончательно созрело решение препроводить в режимные лагеря и тюрьмы несколько тысяч солдат и офицеров бывшей гитлеровской армии. В то же время предоставлять осужденным право обжаловать приговор в международной инстанции, встречаться с уполномоченными державы-покровительницы, вообще распространять на военных преступников какие-либо юридические гарантии сталинское руководство считало неприемлемым.

Наконец, хотелось бы обратить внимание читателя еще на одну грань проблемы. Крайне некорректными и бесперспективными представляются попытки доказать, что советские и немецкие военнопленные в равной степени были жертвами правового произвола. Действительно, во многих случаях приговоры трибуналов войск МВД основывались на весьма сомнительных обвинениях. По данным Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в четырех случаях из пяти осужденные в прошлом германские подданные ныне подлежат реабилитации⁹. Однако же большинство из них дожило до своего освобождения, в то время как красноармейцев, оказавшихся в руках противника, вообще расстреливали без суда и следствия. При этом приказы на уничтожение советских военнопленных по политическим и иным мотивам отдавались германскими властями. Убедительнейшие свидетельства на этот счет содержит книга немецкого историка К. Штрайта "Они нам не товарищи"¹⁰.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР (1950—1956 гг.)

После завершения массовой репатриации в СССР осталось, согласно сообщению ТАСС от 4 мая 1950 года, 13546 военнопленных. Международная общественность не желала признать достоверность обнародованных цифр. Действительно, количество солдат и офицеров вермахта, находившихся на тот момент в лагерях и тюрьмах Советского Союза, было несколько больше. Однако не только это обстоятельство обусловило массированную и целенаправленную критику по поводу задержания в СССР «сотен тысяч немецких военнопленных». В условиях холодной войны бывшие солдаты и офицеры вермахта стали разменной картой в политической игре двух враждующих сторон. Отношение сталинского руководства к проблеме военных преступников на рубеже 50-х годов, новые подходы преемников умершего вождя к ее решению на международном уровне – тема в отечественной историографии практически неисследованная.

Реакция советского руководства на дипломатические демарши западных держав, МККК и ООН

■ Позиция СССР в вопросе военнопленных в условиях дипломатического давления со стороны западных держав. Правительство ФРГ отреагировало на сообщение ТАСС уже на следующий день. В своем публичном выступлении Аденауэр заявил, что СССР обязан прояснить судьбу не менее полутора миллиона немецких солдат. При этом он опирался

на данные последней регистрации военнопленных, проведенной за два месяца до этого по инициативе боннского правительства, и доклад немецкого Красного Креста¹. Старейшина депутатского корпуса Пауль Лебе в свою очередь потребовал, чтобы правительство через комиссию союзных держав добилося от Москвы публикации имен и фамилий умерших и ныне находящихся в плену немцев, а также предоставления независимым экспертам судебных дел на осужденных. Наконец, в поддержку Аденауэра выступил представитель оппозиции, лидер СДПГ К. Шумахер². И когда на заседании бундестага депутат от коммунистической фракции Г. Реннер усмотрел в озабоченности парламента судьбой военнопленных злонамеренную пропагандистскую акцию и попытку обелить нацистских преступников, то его попросту лишили слова. Более того, не вполне корректное выступление Реннера повлекло за собой акции протеста против КПП, сопровождавшиеся требованиями ее запрета³.

Голоса в защиту немцев, продолжавших отбывать наказание в СССР, звучали в те дни не только из уст политиков. Общество помощи военнопленным и интернированным, созданное по инициативе евангелической церкви, опровергло сообщение ТАСС ссылкой на данные своей картотеки. Епископ Томас Хеккел назвал приведенные в нем цифры "чудовищной ложью", поверить в которую отказывается человеческий разум. Свое публичное выступление, призывавшее сестер и братьев в Восточной Германии проявить солидарность в деле вызволения соотечественников, он закончил словами Мартина Лютера: "...Крик скорби отверженных звучит в ушах Бога громче, чем сладострастное пение ангелов на небесах"⁴. В потоке искусно подогреваемого политиками негодования не было места объективности. Только епископ из Кельна кардинал И. Фрингс счел нужным напомнить прихожанам не только о тяжелой участи немецких военнопленных, но и о "целых армиях" русских солдат, нашедших смерть в лагерях третьего рейха⁵.

Ровно через неделю после выступления К. Аденауэра, критически прокомментировавшего сообщение ТАСС, в поддержку позиции правительства ФРГ выступили бывшие союзники СССР. 12 мая министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин, министр иностранных дел Франции Р. Шуман и госсекретарь США Д. Ачесон сделали на конференции в Лондоне соответствующее заявление, которое было тотчас же предано гласности*. В нем четко просматривались три основных пункта обвинений в адрес Москвы: нарушение международных обязательств по возвращению пленных на родину; отказ предоставить исчерпывающую информацию о судьбе германских подданных; серьезное неуважение к правам человека (ситуация с немецкими военнопленными — это не изолированный инцидент, до сих пор не репатриированы граждане других государств, в том числе Японии)⁶.

После публикации "Заявления" в печати была созвана пресс-конференция. Центральным, как и следовало ожидать, оказался вопрос о том, какое количество немецких военнопленных, по мнению компетентных лиц, продолжает находиться в Советском Союзе. Представитель министерства иностранных дел Великобритании был вынужден сослаться на информацию, оглашенную Аденауэром. При этом он уточнил, что речь идет о 1,5 млн. немцев, которые могут находиться в плену. По крайней мере, судьбу именно такого количества людей обязана прояснить Москва. Реакция СССР на дипломатический демарш западных держав не заставила себя ждать. Политические обозреватели воспользовались тем, что заявление бывших союзников имело несколько голословный характер. "...Хозяева Аденауэра, — писал анонимный коррес-

---

* В советской прессе это "Заявление" не публиковалось. Однако читатели газеты "Британский союзник", выходившей на русском языке, успели ознакомиться с текстом документа. Это была одна из последних "идеологических диверсий", которую смог позволить себе орган печати МИД Великобритании. По требованию "трудящихся" выпуск газеты вскоре был прекращен.

пондент журнала "Новое время", — повторили вымыслы о "задержке пленных", не приведя никаких цифр"⁷.

В условиях массовой антисоветской пропаганды была избрана тактика взаимных претензий и сознательного замалчивания очевидных фактов. Так, уже 17 мая газета "Труд" опубликовала статью под названием "Провал одной клеветы". Автор ее — некто С. Тавин — писал о том, что немецких военнопленных, якобы без вести пропавших в СССР, следует искать совсем в другом месте. Во-первых, в свое время американцы скрыли от общественности обнаруженную ими картотеку потерь личного состава вермахта. Между тем, по имеющимся данным, в годы войны справочные службы ОКВ утаили от родственников гибель 1,5 млн. солдат*. Во-вторых, вовсе не СССР, а западные державы незаконно задерживают ныне сотни тысяч немецких военнопленных, которых используют в "качестве даровой рабочей силы или в качестве пушечного мяса в борьбе против национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах"⁸.

Несмотря на некоторую тенденциозность, выдвинутые в статье аргументы звучали достаточно весомо. Не случайно два года спустя западногерманские власти предпочитали говорить не о миллионах, а всего лишь о ста тысячах немецких солдат, томящихся за "железным занавесом"⁹. Были небезосновательны и претензии СССР в адрес бывших союзников по поводу обращения с пленными. В последнее время в работах зарубежных историков высказываются серьезные сомнения в достоверности цифр федерального статистического ведомства, характеризующих смертность германских военнослужащих в американском и французском плену¹⁰.

---

* Факты сокрытия верховным командованием вермахта сведений о гибели немецких солдат публично подтвердили сотрудники справочного бюро по вопросам военнопленных и военных потерь Вальтер Шульц и Лизеллот Марквардт.

Тем не менее позиция СССР в вопросе военнопленных оставалась достаточно уязвимой. Сталинское руководство не сочло нужным даже обсудить целесообразность предания гласности сведений о количестве умерших, назвать имена и фамилии живых, представить правительству ФРГ или же Международному комитету Красного Креста копии судебных дел осужденных. В такой ситуации западные державы, не дождавшись официальной реакции Москвы на свои требования, вторично обвинили СССР в незаконном задержании большого числа германских подданных. Нота американской стороны, датированная 14 июля 1950 г., так комментировала нашумевшее сообщение ТАСС: "Правительство Соединенных Штатов разделяет с немецким народом озабоченность по поводу этого публичного заявления, отказываясь поверить в то, что лишь 13546 немецких военнопленных находятся в Советском Союзе"¹¹.

Ответ на очередной дипломатический демарш бывших союзников последовал лишь два с половиной месяца спустя – 30 сентября 1950 года. В ноте, переданной представителю американского посольства говорилось о том, что цифры, приведенные правительством США, не соответствуют действительности. Уходя от предложения прояснить ситуацию, Москва характеризовала обращение Вашингтона в свой адрес как "стремление использовать вопрос о немецких военнопленных в пропагандистских целях"¹². И все же нельзя сказать, что все усилия Запада облегчить участь германских граждан, подданных других государств были абсолютно неэффективными. До того, как правительства США, Великобритании и Франции получили ответ из Москвы, советское руководство решило переписку осужденным военным преступникам. Правда, распоряжение МВД № 831 не распространялось на военнопленных, отбывавших наказание в тюрьмах, на интернированных и гражданских лиц.

Более лояльное отношение сталинского руководства к преступникам из стран социалистического лагеря подтвер-

дило постановление Совета Министров СССР, принятое в июне 1950 года. В Венгрию и Румынию было решено отпустить соответственно 8135 и 5090 военнопленных и интернированных граждан¹³. Кроме того, до конца года в Австрию, Бельгию, Голландию, Италию, Корею, Китай, Польшу и Чехословакию было репатриировано в общей сложности 2456 иностранных подданных¹⁴.

■ Судьба военнопленных в свете дискуссии между СССР и ООН. 20 октября 1950 г. представители боннского правительства передали в Организацию Объединенных Наций через верховных комиссаров западных оккупационных зон так называемый "Меморандум о положении немецких военнопленных в Советском Союзе"¹⁵. 14 декабря того же года на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН было принято решение о создании Специальной комиссии по делам военнопленных. Попытка советской делегации оспорить законность такого решения ссылкой на статью 10 Устава ООН, успеха не имела¹⁶. Летом 1951 г. комиссия, которую возглавил Х. Г. Герреро, провела свою первую сессию. В процессе работы были рассмотрены материалы правительств ФРГ, Японии и Италии, "подтверждающие" нахождение на советской территории нескольких десятков тысяч подданных этих государств. СССР от участия в работе по экспертизе этих материалов демонстративно отказался. Этим не замедлила воспользоваться западная пресса, опубликовавшая серию материалов об узниках войны, которых сталинское руководство скрывает в так называемых "лагерях молчания".

2 августа 1951 г. постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН С. К. Царапкин просил своих коллег по МИД дать достойный ответ "на клеветнические выступления американской печати по вопросам немецких, японских и других военнопленных"¹⁷.

8 января 1952 г. заместитель министра иностранных дел Ф. Т. Гусев принял Временного Поверенного в делах США в СССР Камминга, вручившего ему ноту своего правительства.

В переданном документе в очередной раз поднимался вопрос о невыясненной судьбе “сотен тысяч немецких и японских граждан, взятых в плен Советским Союзом в ходе войны”. Одновременно в ноте выражалась надежда на то, что СССР пересмотрит прежнюю позицию и примет участие в работе второй сессии комиссии ООН по делам военнопленных в Женеве¹⁸. Ответная нота МИД СССР расценивала предложение проинформировать международную общественность о количестве удерживаемых в Советском Союзе иностранных подданных как “клеветнический выпад”, как намерение “умалить вину военных преступников”. Ссылка на несостоятельность комиссии (“создана под давлением США и Англии в нарушение Устава ООН”) ставила крест на втором, гораздо более конструктивном предложении Вашингтона¹⁹.

Немецкая сторона между тем представила в Женеву списки, в которых фигурировали имена и фамилии более 83000 предположительно находящихся в СССР германских подданных²⁰. Подобного рода информацию передали в комиссию ООН также Япония, Италия и некоторые другие страны. Стремление политиков вмешаться в работу комиссии и придать гуманитарной проблеме пропагандистский, ярко выраженный антисоветский характер иногда переходило всякие границы. На одном из заседаний, проходившем в январе 1952 г., выступил делегат от Люксембурга В. Остер. В речи последнего подчеркивался нравственный аспект проблемы узников войны, но ничего не говорилось о задержании соотечественников в СССР. Поскольку в печать каким-то образом (по советской версии – с ведома отдельных членов комиссии) попали сведения о 1700 “удерживаемых” Москвой люксембуржцах, то произошел скандал. Министерство иностранных дел этой страны направило в секретариат ООН официальное письмо, в котором потребовало привлечь к ответственности виновников спровоцированного инцидента²¹.

11 февраля 1952 г. председатель комиссии Герерро обратился к руководителю внешнеполитического ведомства СССР

А. Я. Вышинскому с просьбой дать сведения о военнослужащих бывших вражеских армий, умерших в советском плену. При этом он заметил, что его коллеги осознают трудность поставленной задачи: в стране, наиболее сильно пострадавшей от войны, "ценные записи и архивы могли быть уничтожены". Это был недвусмысленный намек на то, что комиссия не претендует на исчерпывающую информацию, ее устроят данные на умерших, регистрация которых велась "по крайней мере с 1 января 1947 года"²².

Делиться с кем-либо информацией, проходящей под грифом "совершенно секретно", в Москве, конечно же, не собирались. А вот назревший вопрос о передаче в распоряжение зарубежной общественности сведений об осужденных немецких военнопленных заслуживал внимания. Заместитель заведующего 3-м Европейским отделом М. Г. Грибанов 18 февраля 1952 г. в служебной записке на имя заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко сообщал: "Переписка осужденных со своими родственниками практически дает полную возможность составить списки таких лиц, и они, несомненно, имеются у правительства Западной Германии. Поэтому опубликование официальных списков осужденных разрядило бы атмосферу, созданную реакционной пропагандой вокруг вопроса о военнопленных, выбило бы из рук клеветников один из аргументов"²³. Громыко счел нужным поддержать это разумное предложение. Любопытно, что министры – внутренних дел С. Н. Круглов и госбезопасности С. Д. Игнатьев – поддержали инициативу сотрудников внешнеполитического ведомства.

Эти намерения, однако, воплотились в жизнь лишь после смерти И. В. Сталина. К тому времени комиссия ООН по делам военнопленных располагала сведениями об 1156663 военнослужащих вермахта, без вести пропавших на Восточном фронте, и 118507 военнопленных, "удерживаемых" в Советском Союзе, Чехословакии и Польше²⁴.

■ МККК-СССР: проблема военнопленных. Еще 23 декабря 1948 г. на заседании Политбюро было принято постановление "О задачах и структуре отдела внешних сношений ЦК ВКП(б)". Одной из задач этого отдела был контроль за международной деятельностью такой общественной организации как Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР²⁵. Вскоре, как известно, приоритетным направлением внешней политики СССР был объявлен курс на развертывание движения сторонников мира. Весной и летом 1950 г. шла усиленная подготовка к созыву второго Всемирного конгресса сторонников мира, проводились акции протеста против развязанной империалистами войны в Корее, митинги за запрещение атомного оружия. При этом ставилась задача заручиться поддержкой как можно большего числа зарубежных партий и общественных организаций. Именно в эти дни Международный комитет Красного Креста обратился к правительствам 62 стран с призывом сделать все возможное для того, чтобы наложить запрет на производство ядерного оружия. Данный факт не прошел мимо внимания СССР. В конце августа председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца В. А. Холодков направил председателю МККК П. Рюгеру официальное приглашение посетить Советский Союз. Международный комитет Красного Креста ответил согласием, предложив одновременно не просто возобновить прерванные контакты, но и открыть свое представительство в Москве²⁶. На визите делегации МККК в Москву имеет смысл остановиться несколько подробнее, ибо это событие, во-первых, не нашло освещения ни в зарубежной, ни в отечественной литературе, а во-вторых, оно непосредственно связано с интересующей нас проблемой.

Президент МККК и пять его сотрудников прибыли в столицу 10 ноября 1950 года. На следующий день в резиденции исполкома СОКК и КП СССР был согласован круг подлежащих обсуждению вопросов. Среди них: установление офици-

альных контактов между СССР и МККК; региональные конфликты на карте мира и пути их устранения; Женевские конвенции 1949 г. и их ратификация; гуманитарная деятельность Красного Креста по розыску пропавших без вести в войнах и вооруженных столкновениях²⁷.

Представители советской стороны, следуя полученным инструкциям, прежде всего старались убедить своих коллег в необходимости примкнуть к лагерю сторонников мира, развернуть пропаганду против "поджигателей новой войны". В частности, заместитель заведующего начальника Управления внешних сношений Красного креста Н. И. Чикаленко заявил, что никто не собирается толкать МККК на путь политической пропаганды, но представители Женевы должны уяснить следующее: в мире есть два лагеря – один "пытается развязать войну", второй – "стремится к созданию прочного мира". На это заявление один из швейцарцев вполне резонно заметил, что МККК традиционно проповедует принцип нейтральности. И стоит ему зачислить то или иное правительство в разряд "поджигателей войны", как доступ уполномоченным Красного Креста на театр военных действий и в лагеря военнопленных будет тут же закрыт²⁸.

На следующий день переговоров, помимо прочих, обсуждался вопрос о розыске граждан, без вести пропавших в годы второй мировой войны. Делегация МККК привела примеры того, как благодаря ее усилиям и контактам с правительством Франции удалось прояснить судьбу 190000 немецких военнопленных и выразила надежду на подобное сотрудничество с исполкомом СОКК и КП СССР²⁹. Однако советская делегация в тот момент от обсуждения этой темы отказалась. В последний день переговоров делегат Женевы Глоур вновь поднял злободневный вопрос, осторожно предположив, не могут ли разыскиваемые лица работать в СССР по контрактам, как это делается во Франции. На это заявление начальник Управления внешних сношений Крас-

ного Креста О. Я. Бароян заметил: "...Мы этого не делаем. У нас, как я уже говорил, нет военнопленных. Мы считаем более гуманным отпустить военнопленного, чем ставить ему условие работать в нашей стране"³⁰.

Более продуктивно, нежели проблема военнопленных, прошло обсуждение других вопросов повестки дня. Советской делегации удалось убедить П. Рюгера в необходимости осудить войну в Корее и выступить за всеобщее разоружение. Последний, однако, попросил не оглашать достигнутую договоренность в печати³¹.

Впрочем, председатель МККК волновался зря. Какого-либо совместного коммюнике по итогам переговоров выработано не было. Советский Красный Крест попросту не получил санкции правительства на подобные действия. Давая оценку визиту делегации МККК в Советский Союз, посланник СССР в Швейцарии К. Горже писал: "...Г-н Рюгер вернулся не с пустыми руками. Отнюдь нет. Уже одно восстановление сердечных отношений между Женевой и Москвой на уровне организаций Красного Креста было бы, несомненно, прекрасным результатом"³². Первое время оптимистический прогноз оправдывался. 22 августа 1951 г. Президиум СОКК и КП принял решение об установлении официального сотрудничества с МККК, что предполагало открытие представительства этой организации в Москве, уплату вступительных взносов и целый ряд взаимных обязательств. Однако обострение военно-политического и идеологического противостояния между СССР и США поставило крест на этих планах.

В апреле 1952 г. на заседании комиссии ООН по разоружению постоянный представитель СССР в Организации Объединенных Наций Я. А. Малик отрицательно охарактеризовал деятельность Международного комитета Красного Креста по урегулированию войны в Корее и обвинил эту организацию в пособничестве американскому империализму. С еще более громкими обвинениями в адрес МККК выступила советская пресса. Газета "Правда" в те дни писала, что пред-

ставители Женевы во время своих инспекционных поездок по лагерям военнопленных сознательно игнорировали ужасающие условия, в которых содержатся военнопленные и гражданские лица, "попавшие в лапы американских властей в Южной Корее". Такую позицию, по мнению автора статьи, случайной не назовешь: во-первых, львиную долю всех добровольных пожертвований МККК получает от Соединенных Штатов, а во-вторых, уполномоченные этой организации имеют богатый опыт "сокрытия военных преступлений" еще со времен второй мировой войны: незамеченными остались "чудовищные преступления гитлеровцев в лагерях смерти Майданека, Освенцима, Бухенвальда"³³.

7 мая 1952 г. швейцарский посланник в СССР К. Горже от имени своего правительства выразил протест по случаю "несправедливой критики" и "оскорбительных высказываний" в адрес почти всех членов МККК. Заместитель министра иностранных дел А. Е. Богомолов в ответ на это заявил, что выступление Малика в комитете ООН по разоружению считает совершенно правильным. Что же касается критики в адрес Комитета, которая прозвучала со страниц печати, то ее следует расценивать как "общественное мнение миллионов советских людей"³⁴.

Не изменилась политика СССР по отношению к МККК и в ближайшие месяцы. Выступая в Совете безопасности ООН 8 июля 1952 г., Малик в очередной раз назвал Международный комитет "орудием американской политики"³⁵. А советская пресса опубликовала еще несколько критических статей, в одной из которых доказывалась юридическая несостоятельность МККК как международной организации³⁶.

Неудивительно, что в такой обстановке контакты между СССР и МККК были вновь прерваны. И один из каналов, который правительства ФРГ и других стран надеялись использовать для выяснения судеб военнопленных второй мировой войны, был перекрыт.

Определенную надежду заинтересованная общественность теперь связывала с 18-й конференцией Международного

Красного Креста, которая проходила в Торонто с 26 июля по 7 августа 1952 г. Поскольку в конференции участвовали делегации обществ Красного Креста 57 стран, представители правительственных кругов и влиятельных общественных организаций, СССР не стал игнорировать этот форум. Советская делегация во главе с генералом Н. В. Славиным (его воинское звание и должность начальника Управления внешних сношений Генштаба, разумеется, не афишировались) прежде всего использовала трибуну конференции для "разоблачения преступной деятельности американской военщины в Корее и Китае"³⁷. Одновременно была сделана попытка лишить МККК статуса международной организации. Когда же большинство делегатов выступило против такого предложения, то глава советской делегации заявил, что СССР не будет признавать за МККК "предоставляемые ему права и функции"³⁸.

На конференции была единодушно одобрена и принята так называемая "Резолюция № 20". Текст этого документа гласил: "18-я Международная конференция обществ Красного Креста, принимая во внимание тот факт, что вследствие второй мировой войны огромное количество лиц, взрослых и детей не имеет возможности вернуться на свою родину, рекомендует национальным обществам обратиться к своим правительствам в качестве посредников с целью широкомасштабного освобождения этих лиц, получения сведений о судьбе этих лиц и облегчения участи их путем передачи гуманитарной помощи"³⁹.

Резолюция, принятая в такой редакции, предоставляла зарубежным краснокрестным организациям возможность официально потребовать от Красного Креста СССР обращения в правительственные инстанции по поводу розыска иностранных граждан. Уже в январе 1953 г. это обстоятельство попытался использовать президент Красного Креста ФРГ Г. Вайц, выразивший желание посетить Советский Союз. Однако его предложение провести в Москве переговоры по облегчению

участи немецких военнопленных, не встретило понимания ни у статс-секретаря министерства иностранных дел В. Хальштейна, ни у самого К. Аденауэра. В одном случае канцлер ФРГ заявил, что визит Вайца в Москву породит надежды у родных и близких, которые затем сменит горькое разочарование, а в другом – сослался на мнение верховного комиссара американской зоны оккупации Д. Конэнта: советская сторона воспользуется визитом в “пропагандистских целях”, но не более того⁴⁰.

■ Дискуссия по проблеме освобождения военных преступников между СССР, ГДР и СКК в Германии. В июне 1951 г. начальник УПВИ МВД А. З. Кобулов проинформировал Министерство иностранных дел о том, что сроки наказания некоторых осужденных немецких военнопленных и интернированных уже истекли или же истекают в ближайшие месяцы. Кроме того, в лагерях имеются военнопленные, следствие против которых за недоказанностью уголовных дел прекращено. Учитывая это обстоятельство, было бы своевременно, по мнению Кобулова, создать Межведомственную комиссию из представителей МВД, МГБ, МИД и Прокуратуры СССР на предмет рассмотрения вопроса о репатриации вышеназванных лиц. Инициатива Кобулова встретила поддержку в советском внешнеполитическом ведомстве, которое высказалось за то, чтобы обратиться с данным вопросом к заместителю Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотову⁴¹.

Идея отпустить на родину из лагерей и тюрем Советского Союза более 600 германских граждан, однако, не встретила понимания у руководства ГДР. 4 декабря 1951 г. первый заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко получил от своих сотрудников служебную записку следующего содержания: “...Вторично послана телеграмма т. Семенову с просьбой обсудить с Ульбрихтом вопрос о возможности репатриации в Германию 637 человек военнопленных и интернированных, поскольку у нас нет оснований не репатриировать

их. Ульбрихт вновь настаивает на том, чтобы мы воздержались от репатриации в ГДР и Западную Германию социально опасных лиц, могущих быть использованными американцами при комплектовании западногерманской армии"⁴².

В конце концов политсоветнику СКК в Германии С. В. Семенову и его коллегам удалось убедить лидера СЕПГ в необходимости принять предложение советской стороны. В феврале 1952 г. на имя Сталина был направлен проект постановления Совета Министров СССР, предусматривающий отправку на родину 693 немецких граждан. При этом в сопроводительной записке указывалось, что, принимая во внимание просьбу Ульбрихта, Межведомственная комиссия приняла решение временно оставить в местах лишения свободы 42 человека — "главным образом офицеров бывшей германской армии"⁴³.

2 апреля 1952 г. проект этого документа без существенных изменений был утвержден постановлением СМ СССР № 1676-576сс. А еще через несколько дней, 7 апреля 1952 г., министр внутренних дел Круглов подписал приказ № 00387, регламентировавший порядок предстоящей репатриации. Заместителю начальника УПВИ полковнику И. С. Денисову предписывалось: во-первых, передать до 23 мая германским властям 109 немцев, отбывших сроки наказания, и 544 немца, задержанных в СССР по причине болезни, невыясненного гражданства и нахождения под следствием; во-вторых, обеспечить отправку на родину между 1 июня и 31 декабря 36 немцев*, срок наказания которых заканчивается в указанный промежуток времени"⁴⁴.

Руководители ГДР постарались обойти молчанием известие о том, что видный общественный деятель ФРГ пастор Мартин Нимеллер в ходе визита в Москву в январе 1952 г. попытался прояснить судьбу военнопленных в Советском Союзе. Равно, как и то, что последнему удалось обсудить эту

---

* Передача этих 36 немцев германской стороне состоялась 6 января 1953 г.

проблему с заместителем министра иностранных дел В. А. Зориным, побывать на одном из подмосковных объектов, где жили и работали вывезенные из Германии немецкие ученые, инженеры, техники⁴⁶. Похоже, правительству Отто Гро-теволя не нравилась "чрезмерная" забота пастора о военных преступниках. В феврале 1952 г. он, к примеру, пытался вызвать из русского плена офицера дивизии СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер" Ганса Виссебаха*. При этом в обращении к советским властям приводились достаточно убедительные аргументы невинности ослепшего и частично потерявшего слух человека, осужденного на 25 лет исправительно-трудовых лагерей⁴⁸.

По иным причинам, нежели руководство ГДР, высказывалась против отправки немцев на родину Советская Контрольная Комиссия в Германии. Представителей СКК крайне беспокоил общественный резонанс, возникший вокруг этой проблемы после публикации известного заявления ТАСС. В подтверждение этого приведем историю с 549 немецкими военнопленными, отстраненными от репатриации по причине их осведомленности о спецобъектах оборонного назначения. Начальник УПВИ генерал-лейтенант Кобулов поставил вопрос о дальнейшей судьбе этих людей перед Министерством иностранных дел 14 июля 1952 года. Через два месяца проект соответствующего правительственного постановления был готов. Осталось лишь обговорить с представителями СКК в Германии размещение на территории ГДР 349 западных немцев, которых оперативный отдел УПВИ "сумел убедить" в преимуществах нового, социалистического строя. Однако же ответ из Берлина, поступивший в Москву, гласил: "Если эти лица не являются преступниками и были задержаны в СССР по иным причинам, кроме указанных в сообщении ТАСС от 5 мая 1950 г., то возвращение их в Германию было

---

* В 1954 г. Ганс Виссебах был репатриирован в Западную Германию и вскоре избран депутатом бундестага.

бы использовано нашими врагами как доказательство того, что в СССР до сих пор задерживается большое количество военнопленных”⁴⁷. Скептически отнеслись сотрудники аппарата СКК и к попыткам МВД склонить западных немцев к будущей жизни и работе в ГДР. 27 декабря 1952 г. заведующий 3-м Европейским отделом МИД Грибанов доложил Вышинскому, что советские эмиссары в Берлине сомневаются в целесообразности такого шага: кандидаты на освобождение “неминуемо перебегут” к своим семьям в ФРГ⁴⁸.

24 февраля 1953 г. МВД был подготовлен еще один проект постановления Совета Министров СССР по вопросу репатриации военнопленных и интернированных граждан иностранных государств, отбывших сроки наказания. Предполагалось возвратить на родину в общей сложности 90 человек, из которых подданных Германии было 63. Примечательны, однако, не скромные цифры, а тот факт, что заместитель министра И. А. Серов посчитал нужным дополнить проект постановления словами: “разрешить Министерству внутренних дел СССР (тов. Круглову) впредь освобождать из лагерей МВД осужденных военнопленных и интернированных по мере отбытия ими сроков наказания и по согласованию с МИД СССР и МГБ СССР репатриировать их в соответствующие страны”⁴⁹. Не возражал против такой формулировки и руководитель внешнеполитического ведомства А. Я. Вышинский⁵⁰. Между тем предложенная процедура, если бы она была узаконена, на практике означала следующее: отныне целесообразность репатриации определенной категории иностранцев будет решаться без участия Совета Министров СССР и лично Сталина. Нетрудно догадаться, что Серов и Вышинский рассчитывали на положительную реакцию вождя в этом вопросе. Оба были прекрасно осведомлены о том, что “военные преступники” интересуют его прежде всего как инструмент политического давления на ФРГ и другие западные державы. Несколько десятков человек, отпущенных на родину, планы советского вождя не нарушали. Ведь подавляющее большин-

ство осужденных имело шанс оказаться на свободе только к началу 70-х годов.

Новые подходы преемников Сталина к решению проблемы военных преступников

На следующий день после смерти И. В. Сталина, 6 марта 1953 г., в газетах было опубликовано обращение ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР "Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза". Оповещая народ о кончине вождя, новое руководство страны одновременно доводило до сведения общественности свою программу. Внешнеполитический раздел этого документа был необычен тем, что в нем впервые за последние годы не упоминался "заклятый враг трудящихся" – империализм, ничего не говорилось ни о "форпосте мировой реакции" – США, ни о "главном орудии мировой буржуазии" – блоке НАТО¹. На похоронах Сталина свою приверженность идее разрядки международной напряженности особенно подчеркнул Г. М. Маленков, избранный по предложению Л. П. Берии председателем Совета Министров СССР. Премьер-министр, в частности, реализовывал известный тезис о "возможности длительного сосуществования и мирного развития двух различных систем – капиталистической и социалистической"².

Берия, ставший первым заместителем Маленкова и параллельно получивший портфель министра внутренних дел, в своей траурной речи ограничился общими фразами о необходимости упрочения мира. Используя предоставленные ему полномочия, он, судя по всему, рассчитывал завоевать авторитет западных держав путем демонстрации конкретных шагов по десталинизации советского общества. С этой точки зрения освобождение военнопленных второй мировой войны выглядело делом достаточно перспективным.

17 марта 1953 года Берия направляет Маленкову докладную записку, в которой доказывает целесообразность передачи исправительно-трудовых лагерей и колоний в ведение Министерства юстиции. Но при этом отстаивает, разумеется, неслучайно, право подчиненного ему ведомства на распоряжение лагерями для осужденных военнопленных. Ровно через день инициатива Берии воплощается в соответствующее постановление Совета Министров СССР³. Затем последовали указания о смягчении режима содержания осужденных иностранцев. Постановлением Совета Министров СССР № 1423-572сс от 6 июня 1953 г. был решен вопрос переписки с семьями, получения из-за границы посылок и денежных переводов⁴. Как и предполагал Берия, снятие почтовой блокады не осталось незамеченным на Западе.

Конечно же, все эти инициативы руководителя МВД следует рассматривать в контексте политики нового руководства по смягчению и реформированию репрессивной системы в целом. Так, 27 марта 1953 года был принят Указ об амнистии, предоставивший свободу 1 млн. 181 тысяче заключенных. А в конце месяца Берия поручил министру юстиции К. П. Горшенину, прокурору СССР Г. Н. Сафонову, начальнику ГУЛАГа И. И. Долгих, своим заместителям по МВД С. Н. Круглову и П. Ф. Федотову изучить вопрос о порядке применения только что упомянутого Указа к осужденным иностранным подданным. 10 апреля он получил докладную записку с отчетом о проделанной работе, в которой приводились такие цифры: общее количество иностранцев, попадающих под действие Указа, невелико – всего 2219 человек (1897 содержится в советских лагерях и тюрьмах, 322 – в лагерях и тюрьмах ГДР, Австрии, Венгрии). Видимо, понимая, что подобного рода информация не удовлетворит Берию, авторы документа предлагали более радикальный способ решения проблемы – досрочное освобождение на основе пересмотра вынесенных приговоров. В этом случае, по их расчетам, на родину выедет еще 7169 иностранцев (5046 во-

еннопленных и 2123 гражданских лиц), которые “не представляют в настоящее время большой опасности для нашего государства”⁵.

14 апреля Берия, сумев заручиться поддержкой министра иностранных дел В. М. Молотова, ознакомил с текстом докладной записки председательствовавшего тогда на заседаниях Президиума ЦК КПСС Маленкова. На следующий день члены этой партийной инстанции согласились с предложением о создании межведомственной комиссии, которая бы в месячный срок оформила документы на освобождение тех иностранцев, чье дальнейшее содержание под стражей “не вызывается необходимостью”. Не дожидаясь окончательного результата перепроверки судебных дел, Президиум ЦК КПСС обязывал заместителя министра иностранных дел Г. М. Пушкина договориться с правительствами заинтересованных государств о порядке, сроках и пунктах передачи военнопленных и интернированных⁶.

Репатриации иностранцев на родину, подавляющее большинство которых составляли граждане Германии, косвенно способствовало еще одно обстоятельство: 16 апреля 1953 года в вашингтонском отеле “Статлер” на традиционном заседании Американского общества редакторов газет президент США Д. Эйзенхауэр произнес свою известную речь “Шанс для мира”. Отдав должное заявлениям нового советского руководства о необходимости решения всех спорных международных проблем за столом переговоров, он заметил: “Нас не интересует одна лишь риторика... Подписание Советским Союзом австрийского договора или освобождение им тысяч военнопленных, все еще задерживаемых после второй мировой войны, — явились бы внушительными признаками искренности намерений. Они были бы более убедительными, чем любые красноречивые выступления”⁷. Полный текст речи американского президента, содержащий данное высказывание, был опубликован в “Правде” 25 апреля. Сопровождала ее редакционная статья, в которой давался ответ почти на все предложения и обвинения

в адрес СССР, прозвучавшие из уст Эйзенхауэра, и лишь проблема военнопленных была обойдена молчанием. Видимо, потому, что Москва еще не оповестила о своих планах партийных и государственных лидеров Восточной Германии.

20 мая межведомственная комиссия под председательством министра юстиции Горшенина, пересматривавшая дела осужденных иностранных подданных, представила Маленкову отчет о проделанной работе. Члены комиссии посчитали возможным досрочно освободить от наказания 12703 немца (6550 человек отбывали наказание в СССР, еще 6143 человека – в ГДР)⁸. Между тем обстановка в Восточной Германии оставляла желать лучшего. Двумя днями ранее маршал В. Р. Чуйков и его помощники по Советской Контрольной Комиссии И. И. Ильичев и П. Ф. Юдин сообщили Москву о массовом бегстве восточных немцев в ФРГ. Назывались такие цифры: в 1951–1953 гг. страну покинули 446662 человека, из них за последние четыре месяца – 120351 человек; если в 1951–1952 гг. по разрешению СВАГ в ФРГ переселилось 90629 немцев, то в январе – апреле 1953 г. – всего 422 немца. Причины этого “позорного явления” авторы докладной записки усматривали в ограничении прав частных промышленных предприятий, повышении налогов на единоличников в деревне, неоправданном усилении репрессивных мер по отношению к самым различным слоям общества⁹.

Этот достаточно объективный анализ обстановки в стране послужил поводом для того, чтобы данная проблема 27 мая 1953 года была рассмотрена на заседании Президиума Совета Министров СССР. В начале июня в Москву были вызваны руководители ГДР. 2 июня, после доработки ранее предложенного проекта, было издано распоряжение СМ СССР № 7576 “О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР”. Именно тогда Берия высказался против курса на строительство социализма в Восточной Германии, что впоследствии фигурировало в качестве доказательства его враждебной шпионской деятельности¹⁰. В эти же дни первому секретарю ЦК СЕПГ Вальтеру Ульбрихту и его соратникам

было сообщено о намерении советской стороны освободить и возвратить на родину приблизительно 7 тыс. немцев¹¹.

Уже запланированную репатриацию приостановили события, произошедшие в Берлине 17 июня 1953 года. Акт протеста против непомерно высоких норм выработки в промышленности и строительстве вылился в народное восстание, лозунгами которого стали социальное и национальное освобождение. Звучали острая критика СЕПГ и требования об отставке Ульбрихта. Силами Национальной народной армии ГДР и советских танков с беспорядками было покончено. Для окончательной нормализации обстановки в столицу ГДР был командирован Берия, успешно справившийся с поставленной задачей. Однако уже 26 июня Маленков и Хрущев устранили своего главного конкурента в борьбе за единоличное лидерство. Лаврентий Берия был арестован заговорщиками прямо на заседании Президиума ЦК КПСС, в те часы, когда в Москву входили танки Таманской дивизии.

С момента ареста Берии все, что ранее проводилось в жизнь по его инициативе, стало оцениваться со знаком минус. Однако план бывшего министра внутренних дел по освобождению осужденных германских подданных продолжал воплощаться в жизнь. Во-первых, потому, что задуманное мероприятие два месяца назад единодушно одобрили члены Президиума ЦК, а во-вторых, отказ от принятого решения противоречил всякому здравому смыслу и установке Маленкова на разрядку международной напряженности. К тому же по иронии судьбы именно в день ареста Берии руководители ГДР получили по дипломатическим каналам "Памятную записку"*, текст которой гласил:

---

* Ошибочно утверждение о том, что текст "Памятной записки" был обнародован (См.: Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года // Вопросы истории, 1996, № 5—6, с. 49). Публикация этого документа не состоялась, и именно это обстоятельство помогло руководителям ГДР выдать освобождение немецких военнопленных осенью 1953 года за дело своих рук.

“В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 года или по определению Верховного Суда СССР в порядке пересмотра дел досрочно освобождаются и подлежат возвращению в Германию 6994 военнопленных и других германских граждан, осужденных в свое время за совершенные ими преступления.

Компетентные советские власти готовы начать передачу упомянутых германских граждан германским властям во Франкфурт-на-Одере с 1 июля с. г.

Министерство будет признательно за сообщение фамилии германского представителя, который будет уполномочен принять указанных германских граждан”¹².

Позиция лидеров ГДР, ознакомившихся с этим документом, отличалась неопределенностью. Нельзя было упустить шанс реабилитировать СЕПГ в глазах общественности (роль освободителя соотечественников из русского плена помогла бы восстановить ее пошатнувшийся авторитет). С другой стороны, внутривластная обстановка в стране еще не стабилизировалась. И опасения по поводу того, что репатрианты, в основном уроженцы ФРГ, станут весьма благодатным материалом в руках западных спецслужб и средств массовой информации, не были лишены оснований. В конечном счете правительство Отто Гротеволь пошло по пути компромисса: высказалось за освобождение из тюрем ГДР в первой половине июля 6143 немцев, осужденных советскими военными трибуналами, и попросило отложить на вторую половину месяца репатриацию немцев из СССР¹³.

В ближайшие несколько недель, однако, никто из немецких военнопленных на родину не выехал. Правящая верхушка была озабочена решением иных проблем: клеймила на Пленуме ЦК КПСС врага народа Лаврентия Берия, вела закулисную борьбу за власть. Обманутые в своих надеждах германские подданные, которым успели объявить о предстоящей репатриации, продолжали оставаться за колючей проволокой. Не обошлось без курьезов. Пятнадцать человек, отпу-

щенных на свободу по амнистии, успели получить временные удостоверения граждан Восточной Германии. Глава дипломатической миссии ГДР в Москве Рудольф Аппель был вынужден проинформировать об этом советское внешнеполитическое ведомство, поскольку бывшие заключенные настаивали на скорейшей отправке домой¹⁴.

21 июля Президиум ЦК КПСС вернулся к назревшей проблеме, поручив Молотову, Горшенину и Круглову подготовить проект постановления Совета Министров СССР о репатриации иностранных граждан. Через несколько дней на имя Маленкова и Хрущева была направлена служебная записка, предлагавшая освободить от наказания подданных Австрии, Венгрии, Румынии, Голландии и других государств общим числом 5618 человек. Что касается германских граждан, то в отношении их авторы документа заняли более жесткую позицию. Отпустить на родину предлагалось не 6994 немца, как об этом месяц назад было сообщено правительству Гротевоя, а только около 400 человек – отбывших срок наказания или же попавших под Указ об амнистии от 27 марта 1953 года. Такое неожиданное решение мотивировалось сложной внутривластной ситуацией в ГДР. Печальная участь была уготована военнопленным немцам, дела которых к этому времени дополнительно изучила межведомственная комиссия. Констатируя, что индивидуальная вина многих солдат и офицеров “не может быть установлена”, Молотов и его коллеги, вопреки элементарной логике, сделали следующий вывод: “Досрочное освобождение и репатриация этой категории лиц представляются нецелесообразными”¹⁵.

Столь субъективный и идеологизированный подход к проблеме, имевшей большой международный резонанс, не устраивал ни реформатора Маленкова, ни его временного союзника Хрущева. Молотову было поручено подготовить более радикальное решение по вопросу репатриации германских подданных. 20 августа, за день до начала переговоров с прибывающей в Москву правительственной делегацией

ГДР, министр иностранных дел представил на утверждение Президиума ЦК КПСС проект, предусматривающий возвращение на родину 5380 немецких военнопленных, из которых более 4000 являлись гражданами ФРГ. Дополнительной проверкой дел остальных 14468 осужденных немцев предлагалось заняться межведомственной комиссии. В текст коммюнике, которое должно было появиться в печати после завершения переговоров, по мнению Молотова, следовало записать лишь то, что инициатива в деле освобождения военных преступников принадлежит правительству ГДР и что СССР готов удовлетворить просьбу немецкой делегации, не распространяя ее на лиц, "совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечности"¹⁰.

Примечательно, что Молотов предлагал приступить к репатриации военнопленных после 6 сентября – по завершении выборов в западногерманский бундестаг¹⁷. Такая постановка вопроса свидетельствовала о надежде советской стороны на отставку Аденауэра. Действительно, в ходе предвыборной кампании Компартия ФРГ и Общегерманская народная партия, объединившая представителей либеральной оппозиции, получили неплохую возможность разыграть карту вызволения соотечественников из русского плена. По крайней мере, предложение Молотова гарантировало, что до окончания выборов антисоветски настроенные немцы из СССР на родину не попадут.

Переговоры между правительственными делегациями СССР и ГДР длились два дня. В опубликованном 23 августа коммюнике говорилось о необходимости создания Временного Общегерманского правительства и проведения свободных выборов. Сообщалось также о прекращении взимания репараций с ГДР, оказании ей экономической помощи. Короткая информация о репатриации немецких военнопленных проходила в той самой редакции, которую накануне предложил Молотов¹⁸. Еще через два дня премьер-министр ГДР Отто Гротеволь так прокомментировал "свою инициативу" по ос-

вобождению соотечественников: "Хотя мы знаем, что в данном случае речь идет об активных проводниках бесчеловечной гитлеровской политики, мы поставили на обсуждение эту проблему, которая в прошлом, особенно в Западной Германии, самым позорным образом превратилась в предмет безудержной пропаганды против Советского Союза"¹⁹. С заключительной частью этого высказывания можно согласиться. Что же касается громких обвинений в адрес соотечественников, прозвучавших в выступлении премьер-министра, то они скорее имели идеологическую направленность. Заметим, что Гротеволь неплохо знал действительное положение вещей: в лагерях СССР находились не только военные преступники, но и немцы, осужденные уже после войны, причем многие – по политическим мотивам.

26 августа Народная палата ГДР назвала освобождение военнопленных событием "общегерманского значения". Но при этом отмечалось, что осуществлению гуманных акций, отвечающих интересам нации, препятствует западногерманский канцлер. Политика последнего "является продолжением политики Гитлера", а посему необходимо "свергнуть Аденауэра на выборах 6 сентября"²⁰. А чуть позже Гротеволь заявил, что в число кандидатов на возвращение из Советского Союза могут попасть и граждане ФРГ, разумеется, если большинство избирателей проголосует против нынешнего главы государства. Оппозиция, по справедливому замечанию историка А. М. Филитова, была явно скомпрометирована такой "поддержкой"²¹.

Исход выборной кампании в ФРГ (правящий блок одержал убедительную победу, а кандидаты от КНПГ и Общегерманской партии по результатам голосования даже не попали в бундестаг) вызвал некоторую растерянность в рядах советского руководства. Неуверенно чувствовал себя в эти дни и центральный аппарат МВД. Репатриация военнопленных тем не менее началась без отступления от сроков, утвержденных Президиумом ЦК КПСС. Но при этом руководители под-

разделений Министерства внутренних дел всячески страховали свои действия. Так, начальник тюремного управления МВД полковник М. В. Кузнецов счел необходимым лишний раз обратиться к заместителю министра иностранных дел Пушкину по вопросу возвращения на родину 11 осужденных генералов. "Прошу сообщить Ваше мнение о целесообразности их репатриации" – писал он, имея на руках [sic!] соответствующее решение Президиума ЦК КПСС²².

12 сентября 1953 года заместитель начальника тюремного управления МВД полковник И. С. Денисов проинформировал сотрудника Министерства иностранных дел М. Г. Грибанова о сроках прибытия немецких военнопленных на родину. В лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере они должны были поступить в течение месяца из Свердловска (2055 чел.), Ворошиловграда (585 чел.), Ростова (905 чел.), Сталинграда (1027 чел.), Сталино (798 чел.). Транспортировка пленных на родину должна была завершиться к 12 октября 1953 года²³.

13 октября 1953 года отдел печати Министерства внутренних дел ГДР опубликовал в газете "Neues Deutschland" сообщение, которое начиналось со слов: "Во исполнение обязательств в соответствии с соглашением между правительством СССР и правительством Германской Демократической Республики от 22 августа 1953 года правительством СССР в период с 25 сентября по 8 октября 1953 года был разрешен выезд в Германию 5374 осужденным бывшим немецким военнопленным, которые были освобождены от дальнейшего отбывания наказания"²⁴. Далее говорилось о том, что отпущенные на свободу военные преступники якобы "единодушно рассказывали о гуманном обращении со стороны советских властей". Наконец, в сообщении присутствовала следующая информация: из общего количества репатриированных военнопленных 4057 человек являются гражданами ФРГ²⁵. Упоминание в печати о данном факте лишний раз подчеркивало двусмысленность ситуации: ведь еще полтора месяца назад

премьер-министр ГДР заверял общественность, что западные немцы могут надеяться на возвращение близких из русского плена только в случае поражения Аденауэра на выборах. Впрочем, доказательств тому, что в условиях "холодной войны" проблему военнопленных эксплуатировали в своих интересах не только политики Запада, ныне достаточно. Анализ материалов XVI Пленума ЦК СЕПГ, проходившего в сентябре 1953 г., укрепил историков в следующем выводе: гуманитарному аспекту проблемы военнопленных руководство ГДР отводило второстепенную роль²⁶.

В своевременности своего решения о репатриации бывших солдат и офицеров вермахта руководители СССР убедились уже через несколько дней после отъезда из Москвы правительственной делегации ГДР. В конце августа в Женеве начала работу четвертая сессия специальной комиссии ООН по военнопленным, доставившая советской стороне немало хлопот. На этой сессии американский посол в Испании Джеймс Дани, в частности, заявил, что СССР является единственной страной, которая отказывается представить какие-либо сведения о военнопленных²⁷. Дипломата США, разумеется, поддержал представитель ФРГ. Последний передал в комиссию список, в котором фигурировали имена и фамилии западных и восточных немцев общим числом 18671 чел., чье нахождение в лагерях и тюрьмах страны социализма удалось установить по их переписке со своими семьями. Кроме того, по сведениям боннского правительства, за "железным занавесом" должно было находиться еще более 83800 военнопленных²⁸.

Следует заметить, что в полемике о количестве военнопленных, находящихся на территории СССР, западногерманский Красный Крест занял наиболее реалистическую позицию. Директор службы розыска этой организации Курт Вагнер не был склонен оперировать астрономическими цифрами. В октябре 1953 г. газета "Правда" процитировала следующее его высказывание: "...Нельзя оправдать такое положение,

когда от Советского Союза требуют вернуть в качестве военнопленных всех вообще солдат, пропавших на Востоке без вести"²⁹.

Правительство СССР нередко само давало повод для сомнений и недоверия в вопросе об узниках войны. Это по его распоряжению на запросы зарубежных организаций и отдельных граждан следовал стандартный ответ: "Об упомянутом лице сведениями не располагаем". Между тем родные и близкие какое-то время получали от этого человека письма или же его видели в одном из лагерей вернувшиеся из плена товарищи. В конце концов преемники Сталина пошли на то, чтобы передать властям ФРГ списки военнопленных и интернированных, продолжавших отбывать наказание в СССР. Сложнее обстояло дело с предоставлением информации об умерших. Здесь тормозящую роль играли, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, в свое время в сообщениях ТАСС приводились завышенные сведения о количестве плененных солдат и офицеров противника. Во-вторых, система учета скончавшихся, особенно в годы войны, была несовершенна, допускалось манипулирование цифрами, многие из погибших в плену вообще не заносились в реестр потерь³⁰. Однако признать эти факты на международном уровне руководители советского государства категорически отказывались.

К 10 сентября 1953 года завершила свою работу четвертая сессия специальной комиссии ООН по военнопленным в Женеве. Ее главным итогом стал обстоятельный доклад, заинтересовавший Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда. Именно он предложил рассмотреть на восьмой сессии Генеральной Ассамблеи проблему, формулировка которой звучала так: "Меры для мирного разрешения вопроса о военнопленных". 16 и 17 сентября острая дискуссия по поводу предложения Хаммаршельда развернулась между советской и американской сторонами. Постоянный представитель США в Организации Объединенных Наций Генри Лодж убеж-

дал присутствующих в необходимости включить данный вопрос в повестку дня. В свою очередь постоянный представитель СССР Я. А. Малик, ссылаясь на статью 107 Устава ООН, доказывал обратное: послевоенное германское урегулирование является компетенцией ответственных за него четырех держав. Поэтому рассмотрение вопроса об узниках войны на заседаниях настоящего форума в Нью-Йорке недопустимо. Свою позицию Малик пытался подкрепить еще одним, уже хорошо известным международной общественности аргументом: вся информация о военнопленных с исчерпывающей полнотой изложена в сообщениях ТАСС³¹.

Постоянного представителя СССР в Организации Объединенных Наций поддержал глава делегации Чехословакии Вацлав Давид и глава делегации Белоруссии, министр иностранных дел республики К. В. Киселев. Последний, в частности, привел следующий довод: сведения специальной комиссии ООН не заслуживают доверия, ибо в списки находящихся в СССР немецких, японских и итальянских военнопленных включаются убитые и без вести пропавшие солдаты и офицеры. Так или иначе, но в конечном счете дискуссия закончилась не в пользу советской стороны. Подавляющим большинством голосов вопрос о военнопленных был включен в повестку восьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН³².

Чувствуя уязвимость своей позиции и не желая накалять обстановку, советское руководство решило форсировать процесс репатриации военнопленных. 30 ноября 1953 года Президиум ЦК КПСС принял решение о возвращении на родину еще одной партии германских подданных. Досрочно освобождались от наказания и репатриировались в ГДР и ФРГ в общей сложности 4832 немца. Одновременно было решено выпустить из тюрем ГДР 6150 немцев, тех самых, освобождение которых намечалось провести еще в первой половине июля³³.

Репатриация немцев, начавшаяся в декабре 1953 года, вопреки распространенной версии, не имела прямого отношения к визиту в Москву правительственной делегации ГДР.

В средствах массовой информации это событие не афишировалось. По той простой причине, что наряду с военнопленными на родину возвращались гражданские лица – немцы, депортированные на принудительные работы в СССР или же осужденные в мирное время за антисоветскую пропаганду, шпионаж и прочие неблагоприятные деяния. Ни те ни другие под категорию военных преступников никак не подходили. Приговоры, вынесенные этим людям, как правило, имели политическую подоплеку и надуманный характер. Эрих Шлоссер, к примеру, был приговорен к 25 годам за то, что “распространил 50 листовок антисоветского содержания и получил для распространения еще 100 листовок”³⁴.

Репатриация германских подданных на родину в конце 1953 – начале 1954 гг. была не единственным признаком грядущих перемен. На международном уровне вскоре произошло другое, не менее примечательное событие: 17 апреля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными³⁵. Это был явный прогресс, ибо два года назад заместитель министра иностранных дел Малик, пытавшийся при поддержке руководства МВД форсировать решение данной проблемы, в конечном счете не встретил должного понимания³⁶. Ратификация документа, однако, ко многому обязывала. И вовсе не случайно тремя днями ранее Совет Министров СССР принял постановление за № 711-310сс, позволившее выехать на родину неосужденным военнопленным. Наконец, 5 октября 1954 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос об амнистии 5628 немецких граждан, отбывавших наказание на территории Восточной Германии. Об их освобождении в связи с празднованием 5-й годовщины образования ГДР ходатайствовал президент страны В. Пик. Последний обосновал свою позицию следующим образом: родственники осужденных жалуются, что их близкие продолжают находиться в тюрьмах, в то время как из СССР вернулись немцы, совершившие гораздо более тяжкие преступления³⁷.

В конечном итоге Президиум ЦК КПСС принял положительное решение. 19 октября 1954 г. Верховный комиссар СССР в Восточной Германии Г. М. Пушкин объявил о том, что Москва передает в распоряжение германских властей всех немецких граждан, осужденных советскими военными трибуналами и ныне отбывающих наказание в тюрьмах ГДР³⁸.

Освобождение последних немецких военнопленных в процессе установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ

Еще в начале 1955 года советское руководство дало понять, что оно наряду с вопросом нормализации отношений с ФРГ намерено положительно решить проблему военнопленных. 25 января вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР "О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией". Так спустя почти десять лет было подтверждено право бывших солдат и офицеров вермахта, оказавшихся в руках Красной Армии, на возвращение домой. Напомним, что ст. 20-я Гаагской конвенции обязывала державы-победительницы репатриировать своих пленников на родину в кратчайший после заключения мира срок. Однако после капитуляции Германии ее судьба была решена союзниками таким образом, что заключать мир было попросту не с кем¹.

Тогда же, в январе 1955 года, произошли еще два примечательных события. Во-первых, советские эмиссары в Берлине вошли в контакт с социал-демократической фракцией бундестага, пожелавшей взять на себя инициативу в деле освобождения осужденных немцев. Переговоры не состоялись лишь потому, что Аденауэр с помощью западных дипломатов сумел убедить оппозицию в преждевременности такого шага². Во-вторых, с санкции Москвы было инициировано проведение общегерманского совещания генералов и офице-

ров под патронажем бывшего фельдмаршала Фридриха Паулюса. 29-30 января собравшиеся высказались за суверенную единую Германию с национальной армией и необходимость амнистии все еще находящихся в СССР военнопленных вермахта. Соответствующее письмо по этому случаю Паулюс адресовал Отто Гротеволу. Советскую сторону не смутило даже то, что реакция председателя Совета Министров ГДР на послание бывшего командующего 6-й германской армии была негативной³. В планах Кремля перспектива освобождения немецких военнопленных с каждым днем просматривалась все отчетливее.

14 марта 1955 года Президиум ЦК КПСС поручил комиссии в составе представителей Министерства иностранных дел, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР и Прокуратуры СССР рассмотреть материалы на осужденных военнопленных и гражданских лиц, являющихся германскими подданными⁴. В эти же мартовские дни посол СССР в Восточном Берлине Г. М. Пушкин принял президента западногерманского Красного Креста Г. Вайца. Последний высказал пожелание совершить визит в Москву с целью проведения переговоров по облегчению участи немцев, находящихся в лагерях и тюрьмах Советского Союза. Просьба Вайца была встречена с должным пониманием. Однако уже тогда руководство СССР считало политически более целесообразным обсуждать эту проблему на межправительственном уровне⁵.

В апреле Москва наглядно продемонстрировала Берлину и Бонну возможный сценарий вызволения соотечественников. Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу президента Австрийской Республики доктора Теодора Кейзера о помиловании австрийских граждан (досрочно освобождались 613 человек, передавались правительству Юлиуса Рааба на правах военных преступников еще 113 человек)⁶. На принципиальную позицию Хрущева и его еди-

номышленников не повлияло даже то обстоятельство, что 9 мая 1955 года Западная Германия была принята в НАТО. Подвергся корректировке лишь сам подход к проблеме, ориентированный отныне на освобождение немецких военнопленных в процессе установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

14 июля 1955 года было принято "Постановление ЦК КПСС", предусматривавшее репатриацию на родину всех иностранных граждан, совершивших преступления во время второй мировой войны и в послевоенный период. Это решение распространялось на подданных 22 государств общим числом 10895 человек, чье освобождение из-под стражи, по мнению МВД, не наносило ущерба интересам безопасности Советского Союза⁷. Возвращение домой более девяти тысяч немцев всецело зависело от положительного исхода переговоров между Москвой и Бонном. Позиция советской стороны была четко изложена в утвержденном тогда же, 14 июля 1955 года, проекте письма Хрущева в адрес Вальтера Ульбрихта и Отто Гротевоя. Правительствам ФРГ и ГДР планировалось передать 5614 германских подданных по амнистии (3708 военнопленных и 1906 гражданских лиц) и 3917 германских подданных в статусе военных преступников (2728 военнопленных и 1189 гражданских лиц). Далее в письме говорилось о том, что официальное решение по данному вопросу будет оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР со ссылкой на соответствующие ходатайства властей того и другого германского государства. А заканчивалось послание Хрущева просьбой к немецким друзьям сообщить их мнение относительно намеченных мероприятий⁸.

Анализ дальнейших событий показывает, что в Берлине не спешили одобрить инициативу Москвы. Лед тронулся лишь после того, как будучи проездом в столице ГДР, Булганин и Хрущев вновь подняли вопрос о судьбе осужденных

немцев*. В результате 28 июля ЦК СЕПГ выразил согласие с освобождением соотечественников. Но вот что существенно: в ответном письме в адрес ЦК КПСС партийные лидеры Восточной Германии заявляли о своем намерении предать суду военнопленных и гражданских лиц, передаваемых ГДР в качестве военных преступников⁹. Посол СССР Пушкин, похоже, усмотрел в этом заявлении посягательство на прерогативу собственной страны. Злополучное письмо было возвращено германскому руководству. Его негативная реакция на "самоуправство" посла не оставляет сомнений. В послании секретаря ЦК СЕПГ Карла Ширдевана, направленном Хрущеву 4 августа, кроме фразы о принципиальном согласии с освобождением немцев из русского плена, не было ни единого слова¹⁰.

В Москве немногословный ответ друзей по социалистическому лагерю вызвал явное разочарование. Тем более, что двумя днями ранее советскому послу во Франции С. А. Виноградову было дано указание сообщить западногерманской стороне о планах правительства СССР положительно решить судьбу пленных немцев¹¹. На ближайшем заседании Президиум ЦК КПСС принял следующее решение: рекомендовать президенту ГДР Вильгельму Пику направить на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова письмо с просьбой об амнистии и репатриации на родину осужденных германских граждан. Во исполнение данного решения соответствующую работу поручалось провести секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову¹².

В конечном итоге в Берлине были вынуждены принять предложенные правила игры. 9 августа 1955 года замести-

---

* Советские лидеры сделали остановку в Берлине (24-27 июля 1955 г.), возвращаясь в Москву с Женевского совещания глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции. Это совещание, проходившее с 17 по 23 июля 1955 года, было посвящено вопросам ослабления международной напряженности и создания системы коллективной безопасности.

тель Председателя Совета Министров ГДР Отто Нушке опубликовал статью, в которой отношение руководителей ГДР к вопросу освобождения немецких военнопленных рисовалось в исключительно выгодном свете. Автор писал, что благодаря инициативе правительства Гротевоя и гуманной позиции СССР на родину уже вернулось приблизительно 12000 немцев. А только что состоявшиеся переговоры с Хрущевым и Булганиным дают надежду на положительное решение судьбы остальных военных преступников. Разумеется, в том случае, если советское руководство убедится в миролюбивом характере политики Аденауэра¹³.

Еще через несколько дней между Москвой и Берлином была достигнута договоренность о том, что ходатайство президента Восточной Германии на имя Ворошилова будет опубликовано 28 августа 1955 года. В назначенный срок, однако, упомянутое выше "Обращение" в прессе не появилось. Прежде всего по той причине, что в Министерстве иностранных дел СССР уже был готов проект "Указаний к переговорам с правительственной делегацией Германской Федеральной Республики". Этим проектом предусматривалось до поры до времени не упоминать об "инициативе" Вильгельма Пика. О наличии соответствующего документа у советской стороны Аденауэру следовало сообщить только в том случае, если бы он и его окружение отказались обсуждать проблему военнопленных совместно с правительственной делегацией ГДР¹⁴. На такого рода дипломатическую уловку Москва шла ради достижения своей стратегической цели — установления дипломатических отношений с ФРГ.

Драматический ход переговоров в Москве достаточно подробно освещен автором в его монографии "Судьбы немецких военнопленных в СССР". В этой связи имеет смысл сделать акценты лишь на принципиальных моментах диалога между советской и западногерманской сторонами.

Первое. Федеральный канцлер и его единомышленники отказывались квалифицировать осужденных соотечественни-

ков как военных преступников. Однако внимание на этом не заостряли и, дабы не накалять обстановку, использовали нейтральную формулировку “задерживаемые лица”. В свою очередь советская делегация иначе как “военные преступники” пленных немцев не именovala. Хотя Хрущеву и его ближайшему окружению было ясно: среди осужденных немало жертв порочной практики обвинительного уклона и коллективной ответственности за совершенное преступление.

Второе. Переговоры в Москве реально могли зайти в тупик не столько по причине непримиримой позиции советской стороны (такова была тактика на начальном этапе переговоров), сколько из-за консервативного подхода отдельных членов той и другой делегации к самой идее сотрудничества между СССР и ФРГ. Так, в ходе встречи министров иностранных дел Молотов заявил: “Мы можем обойтись и без дипломатических отношений с ГФР, если она считает это несвоевременным”¹⁵. А фон Брентано, воспользовавшись высказыванием коллеги о целесообразности рассмотрения вопроса о судьбе военнопленных с участием делегации ГДР, изрек: “Я лично рекомендовал бы перерыв переговоров”¹⁶. В итоге Хрущев и Булганин были вынуждены спасать едва наметившийся диалог от провала. Аденауэр не остался в долгу, оставив без внимания опасения своих помощников В. Хальштейна и В. Грете относительно искренности намерений кремлевских вождей отпустить осужденных немцев на родину.

Третье. Новые подходы преемников Сталина к разрешению проблемы военнопленных причудливо переплетались с прежней, диктаторской практикой. Как известно, сталинское окружение старалось вернуть на родину как можно больше своих сограждан – остарбайтеров и военнопленных. Уже в октябре 1945 г. их массовая репатриация была завершена. Однако идея возвратить еще несколько тысяч соотечественников, по тем или иным причинам оставшихся в Германии, продолжала витать в воздухе и после смерти вождя. В нача-

ле 1955 г. по предложению КГБ в Кремле приняли решение создать при консульском отделе посольства в ГДР так называемый "Комитет за возвращение на родину". О методах и истинном назначении этого учреждения (вербовка агентуры для работы в ФРГ) достаточно подробно пишет российский исследователь П. М. Полян¹⁷. Мы же обратим внимание на иную существенную деталь: на переговорах в Москве делегация СССР, рассматривая вопрос об освобождении пленных немцев, потребовала от Аденауэра содействия в возвращении домой советских граждан. Поскольку этим гражданам и организации, уполномоченной заниматься их репатриацией, якобы чинятся всевозможные препятствия.

В обнародованном после завершения московских переговоров коммюнике об освобождении немецких военнопленных не говорилось ни слова. Это и понятно. Ведь всего три дня назад "Правда" помещала на своих страницах гневные речи Хрущева, Булганина, Молотова, которые доказывали немецкой делегации, что никаких пленных в СССР нет, есть военные преступники – "люди, потерявшие человеческий облик". Однако и дальше скрывать факт предстоящего освобождения германских подданных было невозможно, назрела необходимость политически и психологически подготовить к этой новости советских граждан. С общественным мнением в кабинетах Кремля, разумеется, никогда не считались, но тут случай был особый. Память о войне жила в каждой семье, речи Хрущева и его соратников по поводу осужденных преступников звучали так искренне, так убедительно, и вдруг – поворот на 180 градусов!

16 сентября 1955 г. следует первое "объяснение" сложившегося статуса-кво. Газеты помещают неостребованное ранее письмо президента ГДР на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР с просьбой об освобождении немецких военнопленных. Послание это заканчивалось словами: "Советский Союз может быть уверен, что такой великодушный акт будет воспринят всем германским народом с чув-

ством глубокой благодарности”¹⁸. На следующий день в Москве начались переговоры между правительственными делегациями ГДР и СССР, завершившиеся подписанием договора о суверенитете восточногерманского государства. В опубликованном по этому случаю выступлении Хрущева, помимо прочего, говорилось о намерении советской стороны удовлетворить просьбу Аденауэра об амнистии военных преступников. О честном слове Булганина отпустить осужденных немцев на родину советские граждане узнали из статьи председателя внешнеполитической комиссии бундестага Курта-Георга Кизингера, которую 21 сентября 1955 г. перепечатала “Правда”. Наконец, 29 сентября газеты опубликовали сообщение под рубрикой “В Президиуме Верховного Совета СССР”, близкое по тексту к Указу “О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны”¹⁹.

Пока средства массовой информации убеждали советских граждан в целесообразности помилования военных преступников, заинтересованные ведомства решали иные насущные проблемы. Выполняя поручение Президиума ЦК КПСС от 14 сентября 1955 г., представители Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции подготовили служебную записку, из которой следовало: в настоящий момент в местах заключения содержится 9624 человека германских подданных (еще двое скончались), в том числе 6435 военнопленных и 3189 гражданских лиц. Среди военнопленных 181 генерал, 1695 офицеров, 4559 унтер-офицеров и рядовых. Большинство бывших военнослужащих вермахта отбывают наказание в лагере № 476 в Свердловской области, генералы – в лагере № 48 поселка Черницы Лежневского района Ивановской области. Что касается гражданских лиц, то эти люди осуждены военными трибуналами советских оккупационных войск. Содержатся они в исправительно-трудовых лагерях Горьковской и Свердлов-

кой областей, а также в Красноярском крае и Мордовской АССР²⁰.

Далее авторы служебной записки напоминали советскому руководству о том, что еще в июне 1955 г. Межведомственная комиссия предложила, а ЦК КПСС не возражал против досрочного освобождения и репатриации 5707 немцев и передачи правительствам ГДР и ФРГ для дальнейшего отбытия наказания 3917 человек. Поскольку на переговорах в Москве К. Аденауэр повел речь о 130000 немцах, насильственно задерживаемых в Советском Союзе (это обстоятельство вызвало некоторое замешательство в рядах советской делегации), для членов Президиума ЦК была подготовлена соответствующая информация. Так выяснилось, что до сих пор не репатриированы немецкие специалисты и члены их семей, занятые на работах в Министерстве оборонной промышленности и в Министерстве среднего машиностроения. Этим немцам в количестве 265 человек срок пребывания в СССР по распоряжению СМ СССР от 18 апреля 1955 г. № 3311рс и от 25 августа 1955 г. № 6413рс продлен до 1 декабря 1956 года*. Наконец, на спецпоселении в Казахской и Таджикской ССР, Марийской АССР и Красноярском крае находилось еще 790 граждан Германии. Вопрос о репатриации 707 из них, изъявивших желание выехать в ГДР, был решен положительно постановлениями ЦК КПСС от 28 апреля и от 18 августа 1955 года. Не имело смысла задерживать и 75 немцев-спецпоселенцев, являющихся подданными ФРГ. Наконец, еще 8 немцев-спецпоселенцев от репатриации в Гер-

---

* Затянувшаяся репатриация немецких специалистов и членов их семей, работавших и проживавших в районе Сухуми, впоследствии вызвала серьезные нарекания со стороны западногерманского правительства. 27 февраля 1957 г. К. Аденауэр писал Н. И. Булганину: "...При репатриации гражданских лиц подчиненные Вам органы с самого начала создавали трудности, которые принимали все большие размеры и в конце концов свелись на деле к невыполнению данных обещаний" (Цит. по: Правда, 1957, 3 марта).

манию отказались и подали прошения о приеме в советское гражданство²¹.

21 сентября 1955 г. заместитель министра иностранных дел В. А. Зорин и министр внутренних дел С. Н. Круглов направили в Президиум ЦК КПСС проект постановления об амнистии немецких военнопленных и гражданских лиц. Как и ранее, авторы документа предлагали передать в распоряжение правительств ГДР и ФРГ в ранге военных преступников 3917 человек²². Однако Хрущев и его соратники на своем заседании 26 сентября приняли решение направить для дальнейшего отбытия наказания в то и другое немецкое государство только 749 граждан. Гораздо большее количество немцев — 8877 — освобождались досрочно и репатриировались²³. Со стороны советских лидеров это был хотя и вынужденный, но вполне разумный шаг. Каждый из них отчетливо сознавал, что правовая база (закрытые заседания военных трибуналов и Особого совещания, равно, как и многие приговоры) не выдерживает серьезной критики.

Помимо прочего, в СССР и ГДР существовали опасения по поводу того, что в ФРГ грядет кампания по реабилитации возвращающихся военнопленных. 26 сентября 1955 г. премьер-министр ГДР Отто Гротеволь заявил в Народной палате, что среди амнистированных «много таких, которые совершили самые чудовищные преступления», и попытки западногерманских политиков представить их в качестве невинных жертв негативно воспринимаются в Советском Союзе. «Вообще же, — заметил премьер-министр, — мы не считаем возможным, чтобы вопрос о 9626 лицах, осужденных за преступления, совершенные во время войны, рассматривался таким образом, как будто от этого зависит судьба шестидесяти пяти миллионов немцев»²⁴. Это неосторожное высказывание политика к беспримыслию никак не отнесешь. Кампания по реабилитации получила новый мощный импульс. 6 октября 1955 года западногерманский бундестаг принял решение о том, что лица, передаваемые ФРГ в качестве воен-

ных преступников (475 человек) по прибытии на родину будут отпущены на свободу. Данная информация, сопровождаемая комментариями журналистов, тут же стала достоянием гласности. В этой связи первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт настоял на срочном предоставлении материалов о преступной деятельности 20-30 осужденных, которые можно было бы использовать в целях контрпропаганды. Просьба Ульбрихта была удовлетворена²⁵.

У советских компетентных органов в борьбе с западной пропагандой были свои методы. Руководствуясь инструкцией МВД за № 389 от 16 июля 1949 г., оперотделы лагерей ненавязчиво предлагали ожидающим отправки на родину людям оставить положительный отзыв о своем пребывании в плену. Рисковать, как правило, никто не хотел. Бывший президент Союза немецких офицеров Вальтер Зайдлиц, переживший несправедливый приговор и унижения в стенах Новочеркасской тюрьмы, благодарил Президиум Верховного Совета "за все хорошее, что он узнал и пережил в СССР за почти тринадцатилетнее пребывание"²⁶. Капитан вермахта Эвальд Клейст, вторично осужденный на 25 лет лишения свободы, будучи тяжело больным туберкулезом, тепло вспомнил медицинский персонал. И даже личный камердинер Гитлера майор войск СС Гейнц Линге написал: "Я не имею никаких жалоб и претензий против лагерного руководства и управления лагеря"²⁷.

В эти же дни за колючей проволокой проходили банкеты, сопровождавшиеся речами о дружбе советского и германского народов. "Поджигатели войны", — иронизирует западногерманский историк Мартин Ланг, — с удивлением наблюдали, как на глазах менялся лагерный персонал, его отношение к пленным стало почти дружеским"²⁸. Специально выделенные Министерством финансов денежные средства позволили одеть репатрируемых в довольно приличное обмундирование, обеспечить перевозку генералов и больных пассажирскими вагонами.

Согласно решению Президиума ЦК КПСС от 26 сентября 1955 года освобождение и репатриация военнопленных должны были завершиться до 22 числа следующего месяца. К указанной дате, однако, в ФРГ и ГДР прибыла только часть амнистированных германских подданных, ибо после 15 октября репатриация была приостановлена. По мнению зарубежных историков, руководство СССР обеспокоила задержка с обменом послами и посольствами²⁹. Действительно, такой факт имел место. Лишь 24 ноября (через полтора месяца после официального запроса) немецкий дипломат фон Мальтцан вручил представителю советского посольства в Париже ноту, в которой сообщалось о намерении правительства ФРГ предоставить агреман кандидату на пост посла в Бонне В. А. Зорину. В этой же ноте выражалось согласие с просьбой Москвы не затягивать обмен посольствами по причинам чисто технического характера, таким как соответствующее помещение, транспорт для сотрудников внешнеполитического ведомства и т. п.³⁰

6 декабря 1955 года репатриация военнопленных была возобновлена. На заключительном, третьем этапе (с 5 по 16 января 1956 г.) в Германию прибыло 1266 человек. Всего же на родину было доставлено 9536 западных и восточных немцев³¹.

В итоговом отчете заместителя министра внутренних дел С. Н. Переверткина, адресованном в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, говорится: "...Все репатриированные германские граждане переданы представителям властей ГДР и ГФР по актам и именованным спискам. При передаче как со стороны репатриированных, так и со стороны принимавших их представителей властей ГДР и ГФР никаких претензий не поступало"³².

Установление дипломатических отношений с ФРГ подтолкнуло советское руководство к решению внутренних проблем политико-правового характера. Так, необходимость амнистии особо опасных военных преступников вынудила преемников Сталина первоначально применить такую же меру

по отношению к так называемым пособникам немецко-фашистских злодеев. В противном случае имел бы место юридический нонсенс: главные виновники преступлений на свободе, второстепенные – за колючей проволокой. Именно по этой причине 17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР поспешил принять Указ “Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.” Критику по поводу этого Указа сегодня можно услышать из уст многих историков³³. Однако никто не станет отрицать, что под амнистию попали прежде всего те, кого было принято считать и именовать коллаборационистами. В этой связи большое нравственное потрясение пережили бывшие фронтовики, побывавшие в немецком плену. Амнистия не коснулась этих людей. Лишь совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490с “Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей”, принятое 29 июня 1956 г. в какой-то мере компенсировало явную несправедливость³⁴.

Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ позволило сделать объектом дискуссии еще одну сторону проблемы военнопленных. Осенью 1955 года количество запросов относительно судьбы того или иного германского подданного резко возросло. Среди множества писем в советские инстанции были такие, в которых содержалась просьба сообщить сведения о состоянии могилы близкого человека – сына, мужа, брата. Именно это безобидное и хорошо понятное каждому желание серьезно озаботило Тюремное управление МВД. На соответствующий запрос Министерства иностранных дел заместитель начальника пенитенциарного ведомства полковник Ф. Я. Евсенин в январе 1956 года сообщил, что просьба отца умершего в плену Ганца Бонже в принципе может быть исполнена: труп скончавшегося погребен на кладбище военнопленных в городе Орске (кв. № 1, могила № 5, порядковый номер в кладбищенской книге –

350). Однако далее в послании полковника Евсенина говорилось о нецелесообразности информировать отца покойного о состоянии могилы сына, так как это может создать нежелательный прецедент – “с подобными запросами в советские инстанции начнут обращаться другие иностранные граждане”³⁵.

27 июля 1956 года президент Красного Креста ФРГ Генрих Вайц сообщил председателю обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Г. А. Митереву о многочисленных просьбах вывезти из Советского Союза на родину останки убитых и умерших солдат немецкой армии. Далее в послании говорилось о том, что эти обращения родственников погибших германское общество похоронного дела довело до сведения господина посла В. А. Зорина, но последний порекомендовал обратиться по существу дела в советский Красный Крест. В надежде получить положительный ответ Вайц сослался на позицию государств, уже давших согласие на эксгумацию могил и транспортировку трупов в Германию³⁶.

Как и следовало ожидать, Митерев, не будучи уполномоченным решать данный вопрос, обратился за консультацией в МВД и МИД. Первая из упомянутых инстанций предложила отклонить просьбу западногерманской стороны под предлогом того, что ее исполнение связано “с опасностью заражения населения трупным ядом”, “с возможностью возникновения различного рода острозаразных болезней”³⁷. После повторного напоминания на письмо председателя советского Красного Креста соизволил откликнуться департамент внешней политики, а точнее – В. А. Зорин, пересевший из кресла посла в кресло заместителя министра иностранных дел. Многоопытный дипломат не стал искать малоубедительных доводов для отказа на просьбу немцев. В декабре 1956 года Митерев получил короткую и четкую инструкцию: “По нашему мнению, в ответе западногерманскому Красному Кресту можно было бы ограничиться сообщением, что компетентные советские органы не считают возможным организовать эксгумацию и перевозку в

ФРГ трупов немецких военнослужащих, убитых во время вторжения гитлеровских армий в СССР”³⁸.

Через два месяца делегация Красного Креста ФРГ вновь затронула в высшей степени деликатную проблему на переговорах в Москве. Последние совпали по времени с публичными заявлениями Н. И. Булганина и Н. С. Хрущева о необходимости укреплять и развивать советско-германское сотрудничество*. В такой обстановке с ходу отвергать инициативу Вайца и его единомышленников, видимо, было нецелесообразно. 18 марта 1957 года заместитель министра внутренних дел В. А. Холодков своим письмом за № 88с оповестил руководителей компетентных органов на местах о том, что не исключена возможность отправки на родину трупов умерших в СССР немецких граждан. Параллельно сообщалось о предстоящей Коллегии МВД, на которой планировалось рассмотреть вопрос о состоянии кладбищ военнопленных³⁹.

Информация, полученная из республик, краев и областей не внушала особого оптимизма. Из находившихся когда-то на учете ГУПВИ МВД 2088 кладбищ к 1 января 1953 г. осталось всего триста, да и те нуждались в благоустройстве⁴⁰. Видимо, в силу этих обстоятельств проблема эксгумации могил солдат и офицеров вермахта так и не была решена. Последний раз вопрос об иностранных воинских захоронениях обсуждался на рубеже пятидесятых–шестидесятых годов. Была проведена инвентаризация кладбищ военнопленных, в результате которой выяснилось, что многие из них стерты с лица земли, многие пришли в запустение. Расчеты показали, что для восстановления и обустройства мест погребения

---

* Переговоры между делегациями Красного Креста двух стран проходили с 20 февраля по 1 марта 1957 года. О необходимости улучшения советско-германского сотрудничества говорилось, в частности, в переписке председателя Совета Министров СССР Н. И. Булганина и канцлера ФРГ К. Аденауэра (письмо первого датировано 5 февраля, второго – 27 февраля 1957 года).

потребуется значительные финансовые средства. Денег на это в бюджете, как водится, не нашлось. А с прекращением финансирования о кладбищах военнопленных и вовсе забыли. Лишь через тридцать лет, в начале 90-х годов, государство повернулось лицом к общечеловеческой проблеме. Выяснением судеб погибших солдат и розыском их могил занимается созданная при Президенте Российской Федерации Комиссия по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Большую работу по благоустройству иностранных воинских захоронений проводит Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества "Военные мемориалы". И тем не менее во многом от осознания самыми широкими слоями общества гуманистического значения существующей проблемы зависит, обретут ли последнее пристанище и вечный покой на российской земле давно отвоевавшиеся солдаты второй мировой войны.

НАВСТРЕЧУ ПРИМИРЕНИЮ

18 октября 1991 г. был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». После его принятия честное имя было возвращено 400 тысячам наших соотечественников, выжившие получили скромную материальную компенсацию, социально-бытовые льготы. Новая, критическая оценка истории советского государства, осуждение тоталитарного режима вызвали неподдельный интерес за рубежом, особенно в Германии. В Генеральную прокуратуру Российской Федерации стали поступать многочисленные запросы о реабилитации, авторами которых были бывшие военнопленные, интернированные немцы, граждане Восточной Германии, осужденные военными трибуналами. В этой связи последовало обращение Генпрокуратуры в законодательные органы с предложением распространить действие упомянутого Закона и на иностранных подданных. Положительному решению вопроса способствовало совместное заявление Президента России Б. Н. Ельцина и Федерального канцлера Германии Г. Коля о необходимости реабилитации безвинно пострадавших немецких граждан, сделанное 16 декабря 1992 года.

Статистические данные свидетельствуют, что советскими правоохранительными органами репрессировано в период войны и послевоенное время в судебном и административном порядке свыше 200 тысяч иностранных подданных воевавших с СССР стран. Среди них большинство составляют немцы. В настоящее время реабилитировано свыше 6700 германских граждан. Примерно 1800 немцам в реабилитации отказано. Среди последних прежде всего лица, в делах которых имеются веские доказательства вины в совершении военных пре-

ступлений, преступлений против мира и человечности и т. д. Работа по восстановлению исторической справедливости продолжается, что, бесспорно, улучшает политический климат российско-германских отношений. Достаточно сказать, что по инициативе бундестага нашим соотечественникам, пострадавшим от нацистских преследований, было выделено 400 млн. марок в качестве материальной компенсации. Проявлением внимания и уважения к праху погибших, актом гуманизма по отношению к их родным и близким стало подписание 16 декабря 1992 г. соглашения "Об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии". Такого рода инициативы на официальном уровне несомненно способствуют примирению, взаимопониманию и сотрудничеству.

В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя еще на одну грань проблемы. С точки зрения российско-германских отношений, немаловажное значение имеет следующий вопрос: какой идеологический, интеллектуальный, духовный и нравственный багаж «увезли» с собой из СССР на родину немецкие военнопленные. Анализ исторического развития двух германских государств дает возможность лишь частично ответить на этот вопрос. Можно говорить о заметном влиянии на правительственный курс ГДР идеологии и практики социалистического строительства в Советском Союзе (стахановское движение, ленинское соревнование, ударничество и т. п.), о том, что пропаганда этих весьма спорных достижений не проходила бесследно, она капля за каплей входила в плоть и кровь граждан Восточной Германии. В ФРГ же, не без участия вернувшихся из плена, насаждались прямо противоположные настроения: развенчивались и высмеивались коммунистические идеалы, культивировался образ врага — русского Ивана, готового поработить немцев и весь мир.

Тем временем в той и другой Германии подспудно шел процесс привнесения на немецкую почву зерен русской культуры и ментальности. Нередко бывшие военнопленные наи-

зусь цитировали А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, со знанием дела рассуждали о творчестве Л. Н. Толстого и А. М. Горького, с удовольствием напевали в семейном кругу русские народные песни. А еще вспоминали русского охранника, разрешившего «доходяге» забраться в сани, русскую крестьянку, поделившуюся с солдатом вражеской армии последним куском хлеба, русского бригадира, «ошибочно» записавшего на лицевой счет прикорнувшего «фрица» сто-процентную норму выработки, русского майора, где-то «потерявшего» донос о неуважительном отношении «господина немца» к «другу и учителю тов. Сталину».

Не менее важным представляется вопрос о том, какой след в материальной и духовной культуре России оставили за время пребывания в этом государстве сотни тысяч немецких военнопленных. Пока еще макро- и микрочастицы этого влияния можно отыскать во многих уголках страны. Неповторим облик промышленных и жилых зданий, спроектированных и воздвигнутых подневольными архитекторами и строителями. Инженерные находки и талант немецких мастеров воплотились в комплексе столичного стадиона «Динамо», «поющих» фонтанах курортов Крыма, инкрустированной мебели кабинетов начальников различного уровня. В репертуаре музыкальных коллективов пятидесятих годов нередко звучала «чужая», тоскующая мелодия, автора которой сегодня никто уже не припомнит.

Однако реконструировать картину прошлого еще не поздно, еще живы очевидцы событий, сохранились архивные документы, способные раскрыть многие тайны человеческого бытия. Процесс взаимного обогащения двух культур достоин глубокого и всестороннего изучения не только с познавательной точки зрения. Обращение к названной теме — одновременно дань исторической справедливости. Руководители тоталитарных государств хотели, чтобы их народы смотрели друг на друга сквозь прорези автоматных прицелов, позднее между ними были воздвигнуты идеологические ба-

рьеры. И все же, вопреки пропаганде ненависти, призывам к скорой гибели коммунизма, с одной стороны, и империализма — с другой, рядовые советские граждане и военнопленные немцы шли навстречу примирению, взаимопониманию и сотрудничеству. Они делали это в условиях несвободы — реальной и духовной, под дамокловым мечом расправы за проявление чувства уважения друг к другу. И сегодня профессиональный и нравственный долг историка состоит в том, чтобы нащупать и засвидетельствовать эти нити дружбы между двумя великими народами, протянувшиеся из прошлого в настоящее, из настоящего в будущее.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ
К НЕМЕЦКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ**

Таблица 1

**Информация с открытых судебных процессов,
прошедших в декабре 1945 — январе 1946 гг.**

Место прове- дения	Дата проведения	Приговорено к смертной казни		Приговорено к каторжным работам		Общее кол-во осуж- денных
		Всего	в т. ч. гене- ралов	Всего	в т. ч. гене- ралов	
Смоленск	16-19 дек. 1945 г.	7	-	3	-	10
Брянск	25- 30 дек. 1945 г.	3	2	1	-	4
Ленинград	29 дек. 1945 г. 5 янв. 1946 г.	8	1	3	-	11
Николаев	12 - 17 янв. 1946 г.	7	1	2	-	9
Минск	15 - 29 янв. 1946 г.	14	3	4	-	18
Киев	17 - 29 янв. 1946 г.	12	3	3	-	15
Великие Луки	26 - 31 янв. 1946 г.	8	1	3	-	11
Рига	28 янв. - 3 февр. 1946 г.	8	7	-	-	8
Итого:		67	18	19	-	86

Источник: Материалы советской прессы; Утевский Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории СССР. — М.: Изд-во Министерства юстиции, 1946, с. 5—6, 66.

Таблица 2

**Информация с открытых судебных процессов,
прошедших в октябре — декабре 1947 г.**

Место проведения	Дата проведения	Количество осужденных на срок от 10 до 25 лет	
		Всего	в т. ч. гене- ралов
Сталино	25 — 30 октября	12	1
Вобруйск	28 октября — 4 ноября	21	4
Севастополь	12 — 24 ноября	12	1
Чернигов	14 — 25 ноября	16	—
Полтава	23—29 ноября	22	2
Витебск	1—3 декабря	7	3
Кишинев	10 — 15 декабря	11	1
Новгород	12—18 декабря	19	2
Гомель	15 — 22 декабря	16	3
Итого:		136	17

Примечание: из 136 военных преступников 117 являлись военно-служащими германской армии.

Источник: Материалы советской прессы; ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 199, л. 33—37.

Таблица 3

**Количество военнопленных, запланированных к осуждению
на закрытых судебных процессах по состоянию
на 22 октября 1947 года**

Республика	Количество возбужденных уголовных дел	Предполагается осудить
По областям УССР:		
Киевская	73	85
Житомирская	5	6
Винницкая	17	21
Днепропетровская	16	44
Ворошиловградская	73	73
Полтавская	30	30
Сталинская	59	68
Николаевская	24	37
Дрогобычская	3	5
Львовская	2	2
Харьковская	43	55
Сумская	11	15
Одесская	7	12
Итого по УССР:	366	456
По областям РСФСР:		
Крымская	18	35
Горьковская	11	26
Калининградская	11	26
Псковская	4	5
Итого по РСФСР:	44	92
Общий итог:	410	548

Источник: ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 59—60.

Таблица 4

**Сведения о привлечении немецких военнопленных
к уголовной ответственности в ноябре—декабре 1949 г.**

№ п/п	Осуждено или находится под следствием	Кол-во
1	Осуждено военным трибуналом и ОСО	13603
2	Находится под следствием	7112
3	Общее количество осужденных и находящихся под следствием	20715
4	Из них привлечено:	
	а) за зверства против мирного населения, пленных красноармейцев и шпионаж против СССР и стран народной демократии	13677
	б) за принадлежность к войскам СС, органам разведки и контрразведки, полицейским формированиям	7038

Источник: ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 270, л. 38—39; ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 4, л. 26—31.

Таблица 5

**Сведения о количестве немецких военнопленных,
подлежащих суду по решениям Межведомственной
комиссии, принятым в январе 1950 года**

№ п/п	Наименование республики	Кол-во военнопленных, подлежащих суду
1	РСФСР	1183
2	Грузинская ССР	167
3	Белорусская ССР	161
4	Украинская ССР	117
5	Латвийская ССР	21
6	Эстонская ССР	4
7	Казахская ССР	3
Итого:		1656

Источник: ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 22е, д. 50, л. 1.

Таблица 8

**Данные о количестве немецких граждан, осужденных
по Указу от 19.04 1943 г. и 58 статье УК РСФСР,
по состоянию на 20 февраля 1955 г.**

	Количество осужденных по:					Всего
	ст. 58-6*	ст. 58-8**	ст. 58-9***	др. пунктам ст. 58	по ст. 1 УПВС СССР	
Военно- пленные	423	21	11	172	5830	6457
Гражданс- кие лица	2287	64	35	356	308	3050
Итого:	9507					

Источник: данные исследователя В. П. Галицкого; ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 23а, д. 1.

* Ст. 58-6 УК РСФСР предусматривала ответственность за шпионаж — “передачу, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам”.

** Ст. 58-8 УК РСФСР предусматривала ответственность за “совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных, рабочих и крестьянских организаций и участия в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации”.

*** Ст. 58-9 УК РСФСР предусматривала ответственность за “разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств наружной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества”.

Документ № 1

СООБЩЕНИЕ ОТДЕЛА ПЕЧАТИ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГДР ОТ 13 ОКТЯБРЯ 1953 ГОДА
О РЕПАТРИАЦИИ ИЗ СССР БЫВШИХ
НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Во исполнение обязательств в соответствии с соглашением между правительством СССР и правительством Германской Демократической Республики от 22 августа 1953 года правительством СССР в период с 25 сентября по 8 октября 1953 года был разрешен выезд в Германию 5374 осужденным бывшим немецким военнопленным, которые были освобождены от дальнейшего отбывания наказания. Среди них находятся 11 бывших генералов.

Государственные органы правительства Германской Демократической Республики безукоризненно в кратчайший срок выполнили связанные с транспортировкой необходимые организационно-технические задачи. В короткий срок и с требующимися документами об освобождении репатриированные были препровождены в их родные места. Их пребывание на сборном пункте перед поездкой дальше продолжалось лишь несколько часов. Равным образом в короткий срок была осуществлена доставка их в Эйзенах, где и состоялась передача лиц, родина которых находится в Западной Германии. В Западную Германию были препровождены 4057 человек. Принятые от советских властей амнистированные бывшие немецкие военнопленные находились в весьма хорошем физическом состоянии. Репатриированные единодушно рассказывали о гуманном обращении со стороны советских властей во время отбывания ими наказания. Труд их был соответствующим образом оплачен, и перед своим отъездом из Советского Союза они смогли купить товары высшего качества и взять их с собой в Германию.

Предоставление жилищ и соответствующей работы репатриированным контролируется центральными государственными органами.

Пресса уже публиковала официальные списки репатриированных; публикация будет продолжена.

Источник: Отношения СССР с ГДР. 1949—1955 гг. Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1974, с. 321—322.

Документ № 2

СООБЩЕНИЕ АДН ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1954 ГОДА

Верховный комиссар СССР в Германии Г. М. Пушкин проинформировал правительство ГДР о том, что соответствующие советские органы приняли решение передать в распоряжение властей ГДР всех немецких граждан, осужденных в разное время за преступления, совершенные против советских войск в Германии и отбывающих наказание на территории ГДР.

Источник: Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 287—288.

Документ № 3

ПИСЬМО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС Н. С. ХРУЩЕВА РУКОВОДИТЕЛЯМ ГДР В. УЛЬБРИХТУ И О. ГРОТЕВОЛЮ ОТ 14 ИЮЛЯ 1955 г.

Дорогие товарищи,

Мы считаем своевременным решить вопрос о немецких военнопленных и гражданских лицах, отбывающих наказание в Советском Союзе, имея в виду, что это будет способствовать дальнейшему укреплению дружественных отношений между нашими народами.

При этом мы учитываем, что вопрос о военнопленных будет, несомненно, поднят во время переговоров с Аденауэром об установлении дипломатических отношений между СССР и ГФР*. Поэто-

---

* ГФР — Германская Федеральная Республика. Так именовалось в советских документах и прессе до 1956 года западногерманское государство.

му мы хотели бы обсудить этот вопрос с Вами до переговоров с Аденауэром.

По нашему мнению, было бы целесообразно передать отбывающих наказание в СССР немецких военнопленных и гражданских лиц, имеющих местожительство в ГДР — властям ГДР, а военнопленных и гражданских лиц, имеющих местожительство в Западной Германии — властям ГФР.

В связи с этим мы наметили следующее:

1. Во время предстоящих переговоров с канцлером Аденауэром об установлении дипломатических отношений между СССР и ГФР заявить, что вопрос о бывших военнопленных, отбывающих наказание за совершенные ими преступления против советского народа, рассматривается соответствующими советскими инстанциями и что ожидается благоприятное решение этого вопроса.

2. После успешного завершения переговоров с правительством ГФР мы намерены освободить от дальнейшего отбывания наказания 5.614 немецких граждан, из них: 3.708 военнопленных, 1.906 гражданских лиц и 180 генералов бывшей гитлеровской армии и репатриировать их, в зависимости от местожительства, в ГДР или в Западную Германию.

3. Мы считаем необходимым 3.917 человек (2.728 военнопленных, 1.189 гражданских лиц), ввиду особой тяжести совершенных ими на территории СССР преступлений, передать соответственно их местожительству властям ГДР или Западной Германии как военных преступников.

4. В качестве заключительного акта предполагается опубликовать Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении и репатриации в Германию немецких военнопленных и гражданских лиц, отбывавших наказание в СССР, отметив в нем, что освобождение произведено в связи с соответствующей просьбой правительства ГДР и правительства ГФР.

Просьба сообщить Ваше мнение о намеченных нами мероприятиях в отношении немецких военнопленных и гражданских лиц, отбывающих наказание в СССР.

С коммунистическим приветом Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев.

Документ № 4

УКАЗАНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА
ПОСЛУ СССР ВО ФРАНЦИИ С. А. ВИНОГРАДОВУ

Париж. Совпосол

Не позднее 3 августа 1955 г.*

Секретно

Передайте послу Германской Федеральной Республики в Париже Мальтцану направляемую Вам отдельной телеграммой ноту Советского правительства Правительству ГФР**. Укажите при этом, что Вы уполномочены на встречу с послом ГФР в Париже с целью обмена мнениями в связи с пожеланием, высказанным в ноте ГФР от 30 июня***.

При встрече выслушайте пожелания немецких представителей. Если представители ГФР будет затронут вопрос о немецких военнопленных в СССР, то скажите, что "Советское правительство готово обсудить этот вопрос во время официальных переговоров в Москве и рассчитывает на то, что по этому вопросу удастся достигнуть необходимой договоренности".

В том случае, если Вам будут заданы вопросы, выходящие за рамки наших нот Правительству Германской Федеральной Республики, то, не делая связывающих заявлений, скажите, что Вы доложите о таких вопросах Правительству.

Вам следует иметь в виду, что Аденауэр и его правительство могут попытаться затянуть переговоры в Париже путем выдвижения некоторых предварительных условий, например, освобождения немецких военнопленных до поездки Аденауэра в Москву. Для

---

* Датируется по содержанию

** Речь идет о ноте советского правительства от 3 августа 1955 года, в которой выражалось согласие на предварительный обмен мнениями "с целью уточнения вопросов, которые должны будут явиться предметом обсуждения и изучения в Москве". Полный текст ноты см.: Правда, 1955, 6 августа

*** В этой ноте правительство ФРГ выразило свое согласие "обсудить вопрос об установлении дипломатических торговых и культурных отношений между обеими странами". Одновременно делалось предложение провести переговоры между посольствами СССР и ФРГ в Париже, которые будут "служить выяснению этих вопросов". Полный текст ноты см.: Правда, 1955, 6 августа.

нас это является неприемлемым и мы должны добиваться того, чтобы поездка Аденауэра в Москву не связывалась с какими-либо предварительными условиями. Именно эту цель и преследует наша нота.

Получение подтвердите.

Источник: АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 13, д. 124, л. 54.

Документ № 5

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1955 г. «О ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ГРАЖДАН, ОСУЖДЕННЫХ СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ СССР ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ВОЙНЫ»

Принимая во внимание ходатайство Президента и Правительства Германской Демократической Республики от 27 июля с. г. и ходатайство Правительства Германской Федеральной Республики о досрочном освобождении и возвращении на родину германских граждан, отбывающих наказание за преступления, совершенные ими против народов Советского Союза в период войны, учитывая, что со времени окончания войны прошло более десяти лет и военные преступники, осужденные за свои преступления, уже отбыли значительную часть срока наказания,

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить досрочно от отбывания наказания 8877 германских граждан и репатриировать их в зависимости от местожительства в Германскую Демократическую Республику и в Германскую Федеральную Республику.

2. Передать 749 германских граждан как военных преступников соответственно в распоряжение Правительства Германской Демократической Республики и Правительства Германской Федеративной Республики, в зависимости от местожительства этих граждан, поскольку Президиум Верховного Совета СССР не счел возможным досрочно освободить указанных лиц от дальнейшего отбывания наказания ввиду особой тяжести совершенных ими преступлений против советского народа.

Источник: Ведомости Верховного Совета СССР, 1955, № 17, ст. 351.

Документ № 6

**ПИСЬМО ПОСЛА СССР В ФРГ В. А. ЗОРИНА
ОТ 21 ОКТЯБРЯ 1955 г. И ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК
КПСС ПО ВОПРОСУ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ
О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ**

По данным немецких друзей, в Западной Германии намечается проведение широкой кампании по “реабилитации” военных преступников, репатрируемых из СССР в Западную Германию (телеграмма из Берлина от 7 октября). В связи с этим т. Ульбрихт просит передать ЦК СЕПГ материалы на 20—30 военных преступников, направляемых в Западную Германию, с тем, чтобы использовать эти материалы для контрпропаганды.

МВД и МИД СССР считают целесообразным удовлетворить просьбу т. Ульбрихта.

Проект постановления прилагается. Просим рассмотреть.

С. Круглов

В. Зорин

* * *

Проект

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

В связи с просьбой т. Ульбрихта поручить Прокуратуре СССР, Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерству внутренних дел СССР в недельный срок подготовить, а Министерству иностранных дел СССР передать ЦК СЕПГ материалы, характеризующие состав преступлений 20—30 бывших немецких военнопленных, направляемых в Западную Германию как военных преступников.

Источник: ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 466, л. 296—297.

Документ № 7

7 января 1956 г.
222/п

Секретно

ЦК КПСС

МВД СССР докладывает, что производимая в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года репатриация из СССР германских граждан заканчивается.

Сегодня со ст. Хромпик, Свердловской ж. д. отправлен последний эшелон с репатрируемыми немцами в количестве 541 человека.

Подробная информация о выполнении Указа о репатриации германских граждан будет представлена после передачи властям ГДР и ГФР находящихся в пути эшелонов с репатрируемыми немцами.

Заместитель министра внутренних дел СССР

С. Переверткин

Источник: ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 478, л. 77.

Документ № 8

Секретно

ЦК КПСС

В Совет Министров Союза ССР

18 января 1956 г.

№ 572/п

ОБ ОКОНЧАНИИ РЕПАТРИАЦИИ ГЕРМАНСКИХ ГРАЖДАН, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРОТИВ НАРОДОВ СССР ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В соответствии с Постановлением Президиума ЦК КПСС от 26 сентября и указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 сентября 1955 года подлежало досрочному освобождению от дальнейшего отбывания наказания и репатриации из СССР в Германию 8877 германских граждан, осужденных за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны. Кроме того, в распоряжение правительств Германской Демократической Республики и Германской Федеральной Республики подлежали передаче как военные преступники 749 германских граждан, которых Президиум Верховного Совета СССР не считал возможным досрочно освободить от отбывания наказания ввиду особой тяжести совершенных ими преступлений против советского народа.

МВД СССР докладывает, что во исполнение этих решений из мест заключения СССР досрочно освобождены и в три этапа (с 29 сентября по 15 октября, с 6 по 10 декабря 1955 года и с 5 по 16 января 1956 года) репатриированы с Германию всего 9536 германских граждан, из которых переданы представителям властей ГДР 3104 человека и представителям властей ГФР — 6432 человека.

Из этого количества переданы как военные преступники в распоряжение Правительства ГДР 273 человека и в распоряжение Правительства ГФР 471 человек.

В числе 9536 германских граждан репатриировано 177 генералов и адмиралов быв. германской армии, которые, в зависимости от их местожительства, отправлены: в ГДР — 5 человек и в ГФР — 172 человека.

С указанной группой генералов и адмиралов отправлен в ГФР плененный в 1943 году под Сталинградом бывший командир 51 армейского корпуса быв. германской армии генерал артиллерии фон-Зайдлиц Вальтер Александр, возглавлявший в 1943—1944 годах организованные в СССР из числа военнопленных союз немецких офицеров и национальный комитет “Свободная Германия”.

Среди переданных в распоряжение Правительства ГФР преступников находились генерал-лейтенант Пикенброк Ганс, бывший начальник германской разведки “АБВЕР”-1, и генерал-майор быв. германской армии Панцингер Фриц, бывший оберфюрер войск “СС”, начальник отдела “А” гестапо.

В ГФР репатриирован также племянник известного промышленника Крушна — старший лейтенант бывшей германской армии фон Боллен унд Гальбах Гаральд Густав, 1916 года рождения, служивший до пленения адъютантом начальника артиллерийского отдела военной миссии Германии в Бухаресте.

Из общего количества 9626 (8877+749) человек, подлежавших репатриации германских граждан, временно задержаны: по просьбе Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР 28 человек; 4 человека (Кляйн, Диппель, Гербер и Дюмлер) в связи с возбужденным ими ходатайством об оставлении на жительство в СССР и приеме в советское гражданство, о чем МВД СССР доложено ЦК КПСС письмом от 16 января с. г. № 498/п.

Немец Сабельфельд Фридрих Карл, 1915 года рождения, уроженец гор. Маркса Саратовской области, как установлено последующей проверкой, является гражданином СССР, в связи с чем от репатриации отстранен.

Германский гражданин Кириш Эвальд Иоган, 1924 года рождения, от репатриации в Германию отказался и изъявил желание репатриироваться в Польшу, где проживают его родственники. По просьбе польских властей и по согласованию с МИД СССР Кириш 15 декабря 1955 года репатриирован в Польшу. 4

Немец Нахтман Ярослав, 1915 года рождения, уроженец села Грочегланы, близ гор. Глазно (Чехословакия), от выезда в Германию отказался, считая себя гражданином Чехословакии. Нахтман ходатайствует о восстановлении его в чехословацком гражданстве, а также о разрешении зарегистрировать брак с гражданкой СССР Литвиновой Марией Ивановной, 1919 года рождения, и об оставлении на жительство в Советском Союзе. Нахтман освобожден из-под стражи и временно, до окончательного решения вопроса о нем, устроен на жительство в гор. Тайшете Иркутской области.

29 германских граждан из 9626 подлежащих репатриации, находясь в местах заключения, умерли. 26 подлежащих репатриации немцев в связи с тяжелым заболеванием находятся в специальных психиатрических больницах и будут отправлены в ГДР отдельно.

Списки задержанных по просьбе КГБ, умерших и находящихся в психиатрических больницах, направлены ЦК и в Совет Министров СССР при письме МВД СССР от 11 января с. г. № 346/п.

Отправка и передача всех репатриированных 9536 германских граждан проведена организованно. Предварительно они были сконцентрированы в пяти лагерях МВД: в лагере № 476 Свердловской области, лагере № 48 Ивановской области, Унженском ИТЛ Горьковской области, Дубравном ИТЛ Мордовской АССР и Красноярском ИТЛ Красноярского края.

Со всеми репатриантами перед отправкой на родину были произведены полные денежные расчеты за работу в лагерях, выданы на руки все их личные вещи и ценности.

Всем репатриантам перед отправкой на родину выдавалось новое обмундирование и обувь по сезону, по одной паре запасного нательного белья и по одному полотенцу, а бывшим генералам и адмиралам приобретены хорошие гражданские костюмы, пальто, шляпы, ботинки, сорочки и белье.

Каждому из репатрируемых была предоставлена возможность приобрести по желанию промышленные и продовольственные товары в организованных для этой цели на сборных пунктах ларьках и магазинах. Так, например, только репатриированные из лагеря № 476 Свердловской области закупили различных товаров на сумму свыше 400 тысяч рублей, в том числе: более 900 кг колбасных изделий, около 300 кг сливочного масла и маргарина, около тонны сахара, 300 кг сыра, 1500 бутылок шампанского и других вин, а

также 350 наручных и карманных часов, 150 чемоданов, 50 дамских сумок, 10 фотоаппаратов и другие товары.

Кроме того, в целях реализации оставшихся у репатриантов советских денег, на месте перегруза в Бресте была развернута торговля продуктами питания, промтоварами, ювелирными изделиями, парфюмерией, книгами и газетами. Здесь же работал пункт отделения связи, которым принимались телеграммы, продавались открытки, конверты и т. п.

Торговой сетью гор. Бреста было продано репатриантам товаров на сумму свыше 300 тысяч рублей.

На сборных пунктах для репатриантов были организованы просмотры кинофильмов, концерты художественной самодеятельности, игры в футбол, волейбол. Среди них также проводились лекции, доклады и беседы, в которых разъяснялась миролюбивая политика Советского правительства.

Отправка репатрируемых осуществлялась по графику специальными эшелонами и отдельными пассажирскими вагонами. Эшелоны на ст. Брест перегружались в оборудованные вагоны европейской колеи. Все репатрируемые от пунктов погрузки и до пунктов сдачи были обеспечены постельными принадлежностями. В пути следования им было организовано двухразовое горячее питание. Кроме того, каждому репатрианту был выдан на руки сухой паек на путь следования по территории Польши и ГДР.

Эшелоны сопровождалась медперсоналом и были обеспечены достаточным количеством необходимых медикаментов.

На железнодорожных станциях по пути следования эшелонов были приняты необходимые меры сохранения общественного порядка. Никаких инцидентов и недоразумений в пути не было.

Официальная передача отправленных в ГДР происходила в гор. Франкфурте-на-Одере, а отправленных в ГФР — на ст. Херлесхаузен (ГФР), близ города Айзенах (ГДР).

Все репатрированные германские граждане переданы представителям властей ГДР и ГФР по актам и именованным спискам. При передаче как со стороны репатрированных, так и со стороны принимавших их представителей властей ГДР и ГФР никаких претензий не поступало.

Заместитель министра внутренних дел СССР

С. Переверткин

Источник: ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 478, л. 152-156.

Примечания

Глава 1. Историография вопроса о репрессивной политике Советского государства по отношению к немецким военнопленным

¹Толстой А. Лицо гитлеровской армии //Правда, 1941, 31 августа; Тихонов Н. О немецком садизме //Красная Звезда, 1942, 3 октября; Муровский А. Изверги //Правда, 1941, 5 сентября; Павловский И. Двуногие звери //Правда, 1941, 23 сентября и другие.

²Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7 т. — М.: Госюриздат, 1957—1961; Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии. — М.: Госполитиздат, 1963; Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрнберге 28 октября 1948 г. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1964; СС в действии. Документы о преступлениях СС. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1969. Ромашкин П. С. Военные преступления империализма. — М.: Госюриздат, 1953; Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. — М.: Международные отношения, 1968; он же. Злодеяние и возмездие. — М.: Юридическая литература, 1986; Минаян М. С. Международные преступления третьего рейха. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977. Все перечисленные книги принадлежат перу юристов. Как исключение можно назвать изданную в СССР работу по данной проблематике польского историка Ш. Датнера. См.: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. Пер. с польского. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

³Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1944, с. 167.

⁴Там же, с. 234.

⁵Правда, 1942, 15 октября.

⁶Правда, 1943, 2 ноября.

⁷Конасов В. Б., Терещук А. В. Узники войны (К истории иностранных военнопленных в России и СССР) //Новый Часовой, 1994, № 1, с. 35.

⁸Трайнин А. Бесчеловечный гуманизм //Война и рабочий класс, 1944, № 9, с. 18.

⁹Трайнин А. Н. Кто должен нести уголовную ответственность за фашистские злодеяния // *Война и рабочий класс*, 1943, № 6, с. 13—16; он же: Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // *Война и рабочий класс*, 1944, № 1, с. 19—21.

¹⁰Левин Д. Б. Об уголовной ответственности военнопленных // *Вопросы уголовного права*. — М.: Юриздат, 1945, с. 90—95.

¹¹Полянский Н. Н. Международное правосудие и преступники войны. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945, с. 46.

¹²Глебов Б. Военные преступники перед Советским судом // *Советское государство и право*, 1946, № 2, с. 57.

¹³«Меморандум» обнаружил в Гамбургском архиве германский историк М. Мессершмидт. Подробнее об этом и в целом о проблеме ответственности вермахта за преступления в СССР см.: Борозняк А. И. «Так разрушается легенда о чистом вермахте...». Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза // *Отечественная история*, 1997, № 3, с. 107—119; Augstein R. Anschlag auf die «Ehre» des deutschen Soldaten? // *Der Spiegel*, 1997, № 11, S. 92—99.

¹⁴В обоснование своей позиции обвинители от СССР ссылались на статью 21 Устава Международного Военного Трибунала, которая гласит: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций». (Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными военными немецкими преступниками. Т. 1. — М.: Госюриздат, 1957, с. 71). Тем не менее в целом ряде случаев американский, английский и французский судьи поддерживали и доводы защиты, обращая внимание обвинителей от СССР на необходимость правильного толкования статьи 21 Устава МВТ. Из ее содержания вовсе не вытекает, что факты, изложенные в актах Чрезвычайной государственной комиссии, не могут быть перепроверены путем подачи дополнительных запросов, свидетельских показаний и т. п. См. подробнее: Абаринюв В. К. Катынский лабиринт. — М.: Изд-во «Новости», 1991, с. 146—148, 203.

¹⁵Цит. по: Латерзнер Г. Вторая мировая война и право // *Итоги второй мировой войны. Сборник статей. Пер. с нем.* — М.: Изд-во иностранной литературы, 1957, с. 549.

¹⁶Маньковский Б. С. Вопросы материального уголовного права в законодательстве Контрольного Совета в Германии // *Советское государство и право*, 1946, № 9, с. 53—55.

¹⁷Еще до войны А. Я. Вышинский, будучи Прокурором СССР, высказал мысль о том, что нет никакой необходимости доказывать

индивидуальную вину подсудимого, достаточно получить его признание о согласии войти в преступную организацию — и тогда он несет полную ответственность за противоправные действия остальных членов этой организации. Более образно и витиевато эту же мысль Вышинский изложил в обвинительной речи на процессе по делу так называемого «Антисоветского Право-троцкистского блока» в марте 1938 года: «Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и так далее в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений». Цит. по: Судебный отчет по делу «Антисоветского Право-троцкистского блока». — М.: Юриздат, 1938, с. 612.

Позднее идея Вышинского получила дальнейшее развитие и обоснование в капитальном труде, посвященном этой проблеме. См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. — М.: Юриздат, 1943.

¹⁸Утевский Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории СССР. — М.: Изд-во Министерства юстиции, 1946, с. 66.

¹⁹Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских войск на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига, 1946; Прибалтийский военный округ. Военный трибунал. Обвинительное заключение и приговор по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Эстонской и Литовской ССР. — Вильнюс: Госполитиздат, 1946.

²⁰Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Стеногр. отчет. — Минск: Белгиз, 1947.

²¹Цит. по: Трайнин А. Н. Уголовная ответственность за пропаганду агрессии. — М.: Издание РИО ВЮА, 1947, с. 32.

²²Проэктор Д. Размышления о холодной войне //Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1945 гг.). — М.: Гей, 1995, с. 410.

²³Ромашкин П. С. Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. Предисл. подгот. Трайнин А. Н. — М.: Военно-юридическая академия, 1949.

²⁴Цит. по: Борозняк А. И. «Так разрушается легенда о чистом вермахте...». Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза», с. 108.

²⁵Maurach R. Die Kriegsverbrecherprozesse deutscher Gefangenen in der Sowjetunion. — Hamburg, 1950.

²⁶Ibid, S. 75—87.

¹⁷Ibid, S. 70. Что касается статьи 17 УК РСФСР, то в ней говорится следующее: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление — исполнителей, так и их соучастников — подстрекателей и пособников. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются лица, содействующие выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же сокрытию преступника или следов преступления». Цит. по: Уголовный кодекс РСФСР. — М.: Госюриадат, 1957, с. 8.

¹⁸Frey G. Das Strafverfahren gegen deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Zur formalrechtlichen Seite der Verurteilungen. In: Osteuropa Recht, 1995, № 1, H. 1, S. 31-37. Помимо перечисленных, в ходе судебного разбирательства уголовных дел немецких военнопленных, по замечанию Г. Фрея, нарушался еще целый ряд статей УПК РСФСР. В частности, ст. 284 (о необходимости производить допрос свидетелей порознь друг от друга), ст. 309 (о предоставлении подсудимому последнего слова).

¹⁹Bahrens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion. In: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. — Bd. 5/1. — München, 1965, S. 150.

²⁰Ibid, Bd. 5/2. — München, 1965, S. 198—199.

²¹Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986, S. 28—37.

²²Ibid, S. 28, 135.

²³Ibid, S. 36.

²⁴Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. — Herford, 1981, S. 20.

²⁵Ibid, S. 45—48. Статистические данные из монографии М. Ланга приводит в одной из своих статей военный историк Г. М. Иваницкий. См.: Иваницкий Г. М. Германская историография Великой Отечественной войны (вторая половина 80-х — первая половина 90-х годов) // Великая Отечественная война (историография). Сборник обзоров. — М.: РАН, 1995, с. 136—137.

²⁶Ibid, S. 81, 107.

²⁷Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Вологда, 1995, с. 3—13.

²⁸Там же, с. 11.

³⁹О необходимости пересмотра традиционной точки зрения на эту проблему также см.: *Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Dokumentation und Analyse* (Hg. Wagenlehner G.). — Bonn, 1993, S. 39.

⁴⁰Крупенников А. А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947—1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // *Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства*. — Екатеринбург, 1992, с. 83—85; он же: О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х годов // *Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Трагедия плена»*. — Красногорск, 1996, с. 177—183; он же: О некоторых судебных процессах против военных преступников // *Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2*. — Вологда, 1997, с. 101—118.

⁴¹Крупенников А. А. О некоторых судебных процессах против военных преступников // *Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2*. — Вологда, 1997, с. 111.

⁴²Там же, с. 114.

⁴³Цит. по: *Правда*, 1955, 12 сентября.

⁴⁴Епифанов А. Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военнопленных вермахта на родину (1948—1949 гг.) // *Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2*. — Вологда, 1997, с. 118—123.

⁴⁵Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). — Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997.

⁴⁶Там же, с. 133—136.

⁴⁷Епифанов А. Е. Организация и деятельность сталинградской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // *Сталинградская битва. Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения*. — Волгоград, 1994, с. 266—269.

⁴⁸Там же, с. 269.

⁴⁹См.: Зоря Ю. «Катынская карта» в Нюрнберге // *Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: Судьба интернированных польских военнослужащих*. — М.: Политиздат, 1991, с. 159—169.

⁵⁰Becker E. *Das Rätsel des Ukas 43 und eine Erkundung des Archipel Gulag*. — Hamburg, 1991.

⁵¹Wagenlehner G. Die Willkürjustiz der Stalin — Ära — der Ukas 43 // Der Heimkehrer. — Bonn, 1992, 15. Mai.

⁵²Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. — Dresden, 1996, S. 52—54.

⁵³Золотарев В. А. Военная безопасность отечества (историко-правовое исследование). — М.: ИПО "Автор", 1996, с. 196—198.

⁵⁴Wagenlehner G. Die Verurteilung der deutschen Kriegsgefangenen durch sowjetische Militärtribunale 1941—1953 // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997, с. 96.

⁵⁵Петров Н. В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941—1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997, с. 92.

⁵⁶Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР., с. 27—30.

⁵⁷Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins. Gerichtsprozesse gegen Kriegsgefangene der deutschen Armee in der UdSSR 1943—1952 // «Gefangen in Rußland». Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 (Hg. Karner S.). — Graz-Wien, 1995, S. 176—219.

⁵⁸Ibid, S. 180.

⁵⁹Ibid, S. 185—192.

⁶⁰Ibid, S. 216—217.

⁶¹Петров Н. В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941—1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997, с. 77—94.

⁶²Смыкалин А. С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории, 1997, № 4, с. 147—150; он же: Колонии и тюрьмы в Советской России. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997, с. 152—165.

⁶³См.: Конасов В. Б., Подольский В. М., Терещук А. В. Неизвестные страницы истории. Немецкие военнопленные в СССР. — М.: Парог, 1991, с. 41—46. Соответствующий раздел брошюры называется «Оперативно-розыскная работа и осведомительная сеть в лагере для военнопленных».

⁶⁴Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России., с. 290—303.

⁶⁵Denkschrift des Ministeriums für innere Angelegenheiten der UdSSR zu den Sonderlagern in der ehemaligen SBZ. In: Neues Deutschland, 27. Juli, 1990.

⁶⁶Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. — М.: Российская энциклопедия, 1995, с. 155—180. Соответствующая глава называется «Порядок есть порядок» и как его поддерживали органы НКВД».

⁶⁷Там же, с. 180.

⁶⁸Суржикова Н. В. Военные преступники на Среднем Урале в 1949—1956 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997, с. 234—236.

⁶⁹Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen. Dokumentation und Analyse (Hg. Wagenlehner G.). — Bonn, 1993.

⁷⁰«Gefangen in Rußland». Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995 (Hg. Karner S.). — Graz-Wien, 1995.

⁷¹Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowietunion 1941—1956. — Wien—München, 1995.

⁷²Ibid, S. 170—178.

⁷³Ueberschar G. Deutsche Gefangene vor Stalins Tribunalen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR 1943—1950. In: Kriegsgefangene im Zweiten Weltkrieg. Hrsg. v. Günter Bischof, Rüdiger Overmans und Rolf Steiniger. — Frankfurt-Main, 1996.

⁷⁴Messerschmidt M. Der Minsker Prozeß 1946. Gedanken zu einem sowjetischen Kriegsverbrechertribunal. In: Heer, Hannes/Naumann, Klaus (Hg.): Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941—1944. — Hamburg, 1995, S. 551—568.

⁷⁵Петер Э., Лутц П. Советские лагеря интернирования в советской зоне оккупации Германии/ГДР в 1945—1950 гг. // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Межвузовский сборник научных трудов. — Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997, с. 58—73.

⁷⁶Одним из первых подверг критике систему лагерей для интернированных в советской оккупационной зоне Ойген Когон — бывший узник концлагеря Бухенвальд. См.: Kogon E. The theory and practice of hell. — New York, 1958, p. 319—326. См. также: Noebe W. Wie es wirklich war. Siebeneinhalb Jahre politischer Gefangener des NKWD in Ostdeutschland und Sibirien. — Berlin, 1959; Roeder B. Der Katorgan. Traktat über die moderne Sklaverei. — Köln—Berlin, 1959.

⁷⁷Петер Э., Лутц П. Советские лагеря интернирования в советской зоне оккупации Германии/ГДР в 1945—1950 гг., с. 71—72.

⁷⁸Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen., — S. 84.

⁷⁹Ibid, S. 49—50.

⁸⁰Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion., S. 128—139.

⁸¹Ibid, S. 138—139.

⁸²Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. — Herford, 1981.

⁸³Ibid, S. 115—116.

⁸⁴Smith A. Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. — Stuttgart, 1985.

⁸⁵Smith A. Die «vermißte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangener nach dem Zweiten Weltkrieg. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Bd. 65. R. Oldenbourg Verlag GmbH. — München, 1991, S. 135—136.

⁸⁶Ihme-Tuchel B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955. In: Deutschland Archiv, 1994, № 27, H. 5, S. 490—503.

⁸⁷Цит. по: Петер Э., Лутц П. Советские лагеря интернирования в советской зоне оккупации Германии/ГДР в 1945—1950 гг., с. 66.

⁸⁸Ihme-Tuchel B. Die SED und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion zwischen 1949 und 1955., S. 494.

⁸⁹Stalins Willkürjustiz gegen die deutschen Kriegsgefangenen., S. 17.

⁹⁰Брандт В. Воспоминания — М.: Новости, 1991, с. 47.

⁹¹Klessmann Ch. Adenauers Deutschland und Ostpolitik, 1955—1963. In: Adenauer und die Deutsche Frage. — Göttingen, 1988, S. 64.

⁹²Якобсен Г.-А. Некоторые аспекты германо-советских отношений. Конфликты и сотрудничество // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1945 гг.). — М.: Гей, 1995, с. 469—470.

⁹³Schwarz H.-P. Adenauer. Der Staatsmann: 1952—1967. — Stuttgart, 1991, S. 207.

⁹⁴См.: Филитов А. М. Германский вопрос от раскола к объединению. Новое прочтение. — М.: Международные отношения, 1993, с. 165.

⁹⁵См.: Von Stalin zum Faustpfand gemacht. Das Schicksal der in der Sowjetunion verurteilten Deutschen kann nun geklärt werden / Von Markus Wehner // Frankfurter Allgemeine, 1996, 5 November.

⁹⁶Правда, 1955, 28 июля.

✓⁹⁷Герст В. Федеральная Республика под властью Аденауэра. Пер. с нем. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958, с. 465.

⁹⁸См., напр.: Borchard M. Zwischen den Fronten des Kalten Krieges. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949—1955. In: Kriegsgefangene — Военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion (Hg. vom Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland). — Düsseldorf, 1955, S. 90.

⁹⁹Ihme-Tuchel B. Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KPdSU. Dokumentation. In: Militargeschichtliche Mitteilungen, 1994, № 53, S. 449—465.

¹⁰⁰Reschin L. General zwischen der Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943—1955. — Berlin, 1995, S. 312—313.

¹⁰¹Кампхаузен Г. Переговоры о возвращении немецких военнопленных из СССР в 1952—1953 гг.//Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Красногорск, 1996, с. 113.

¹⁰²См.: Niemöller J. Erkundung genen den Strom. 1952: Martin Niemoller reist nach Moskau. Eine Dokumentation. Im Radius — Verlag, 1994; Riesenberger D. (Hg.). Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Dokumentation und Kommentar. — Bremen, 1994.

¹⁰³Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению., с. 166—167.

¹⁰⁴Иваницкий Г. М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза//Трагедия плена., с. 121.

¹⁰⁵Текст оговорки к статье 85-й Женевской конвенции см.: Красная звезда, 1949, 14 декабря.

¹⁰⁶См., напр.: Geve D. (Hg.) Sowjetunion. Aussenpolitik 1917—1955 (Osteuropa — Handbuch). Bd1. — Köln-Wien, 1971; Geve D. (Hg.) Sowjetunion. Aussenpolitik 1955—1973 (Osteuropa — Handbuch). Bd. 2. — Köln-Wien, 1976; Wetting G. The relations of the USSR with Federal Republic of Germany. — Köln, 1982.

¹⁰⁷Moskau — Bonn. Die Beziehungen zwischen der Sowjetunion und der Bundesrepublik Deutschland 1955—1973. Dokumentation (Hg. und eingeleitet von B. Meissner). — Köln, 1975.

¹⁰⁸Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях//Отечественная история, 1996, № 3, с. 115—128.

¹⁰⁹Adenauer K. Erinnerungen 1953—1955. — Stuttgart, 1996, S. 514.

¹¹⁰Die Protokolle des COU — Bundesvorstands 1953—1957 (beagb. von Günter Buchstab). — Düsseldorf, 1990, S. 583—651.

¹¹¹Ibid.

¹¹²Adenauer K. Erinnerungen 1953—1955., S. 504.

¹¹³Ридель М. Это политическое диалога // СССР — ФРГ: навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества. — М.: Международные отношения, 1990, с. 184.

¹¹⁴Foschepoth J. Adenauers Moskaureise // Aus Politik und Zeitgeschichte, 1986, 3 Mai. В нашем случае версия западногерманского исследователя дается в изложении российского историка. См.: Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению., с. 165—167.

¹¹⁵Факт отказа советской делегации рассматривать вопрос о военных преступниках известен из выступления Н. И. Булганина. См.: Правда, 1955, 12 сентября. Что касается сценария переговоров, то он нашел воплощение в так называемых "Указаниях к переговорам с правительственной делегацией Германской Федеральной Республики". Текст этого документа опубликован. См.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР., с. 246—247.

¹¹⁶Николаев П. А. Политика Советского Союза в германском вопросе 1945—1964. — М.: Наука, 1964; Белецкий В. Н. За столом переговоров: Обсуждение германских дел на послевоенных и международных совещаниях и встречах. — М.: Политиздат, 1979; Алексеев Р. Ф. СССР — ФРГ: прошлое и настоящее. Советско-западногерманские отношения 1955—1980 гг. — М.: Политиздат, 1980.

¹¹⁷См.: История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. — М.: Изд-во политической литературы, 1974, с. 428, 430.

¹¹⁸Наумов П. А. Бонн — сила и бессилие (Записки журналиста). — М.: Мысль, 1965, с. 257—258, 261—262.

¹¹⁹Алексеев Р. Ф. СССР — ФРГ: прошлое и настоящее., с. 30.

¹²⁰АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 207, л. 23.

¹²¹История дипломатии., с. 430.

¹²²АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 206, л. 92—93.

¹²³Цит. по: История дипломатии., с. 431.

¹²⁴Конасов В. Б. Вопрос об освобождении немецких военнопленных на переговорах в Москве осенью 1955 года: историографический аспект проблемы // Источник. — Вологда: Институт повышения квалификации педагогических кадров, 1997, № 1, с. 95—99; он же. Репатриация последних немецких военнопленных (По материалам российских архивов) // Вестник архивиста, 1997, № 5, с. 72—84; он же. Переговоры в Москве осенью 1955 г. и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы, 1998, № 1, с. 61—66; он же. Судьбы немецких военнопленных в СССР., с. 171—174, 246—256.

¹²⁵Новик Ф. И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Отечественная история, 1996, № 6, с. 106—119; Nowik

F. Konrad Adenauers Besuch in Moskau. Die Aufnahme diplomatischer Beziehungen zwischen der UdSSR und der Bundesrepublik Deutschland 1955. In: Kriegsgefangene — Военнопленные., S. 92—99.

Глава 2. Судебные процессы.

Политический и правовой аспекты проблемы

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В ПЕРИОД 1945-1947 гг.

¹Цит. по: Тегеран—Ялта—Потсдам. Сборник документов. — М.: Международные отношения, 1967, с. 130—131.

²АВП РФ, ф. 162, оп. 17е, п. 123а, д. 2, л. 164—166.

³Амброз С. Солдат и президент. Пер. с англ. — М.: Издательство «Книга, лтд», 1993, с. 185.

⁴ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 417.

⁵Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins. Gerichtsprozesse gegen Kriegsgefangene der deutschen Armee in der UdSSR 1943—1952 // «Gefangen in Rußland». Die Beiträge des Symposions auf der Schallaburg 1995 (Hg. Karner S.). — Graz-Wien, 1995, S. 194—195.

⁶Елифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). — Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997, с. 43—44.

⁷Цит. по: Крупенников А. А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х годов // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. — Вологда, 1997, с. 103.

⁸Сомнения в справедливости обвинений, предъявленных полковнику Эдуарду Георгу фон Зассу на судебном процессе в Ленинграде, в частности, высказывает профессор А. Леманн. См.: Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986, S. 31.

⁹Davidson B. Germany: What now? Potsdam to partition. — London, 1950, p. 188.

¹⁰Правда, 1947, 13 марта.

¹¹См.: Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. — М.: Международные отношения, 1993, с. 91.

¹²Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins., S. 198.

¹³ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 170, л. 23.

¹⁴Там же, л. 406—407.

¹⁵Там же, д. 199, л. 33—37.

¹⁶Елифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР., с. 43—44.

¹⁷Там же.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД НЕМЕЦКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ НА РУБЕЖЕ 40—50-х гг.

¹ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 16е, д. 50, л. 8.

²Besymenski L. Kriegsverbrecher oder Kriegsgefangene? //Sowjetunion heute, 1990, № 10, S. 39.

³Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins., S. 203.

⁴Костенецкий А. В. Восннопленные в СССР: связь с родиной и возвращение домой (по материалам ГА РФ) //Проблемы военного плена: история и современность., с. 146.

⁵Архив УВД ВО, ф. 10, оп. 1, д. 527.

⁶ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 253, л. 37—41.

⁷ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 82—83.

⁸ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 270, л. 38—41.

⁹Архив УВД ВО, ф. 10, оп. 1, д. 542.

¹⁰Там же, д. 543.

¹¹ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 37а, д. 1, л. 257—259.

¹²ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 227.

¹³ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 15а, д. 381, л. 68—69.

¹⁴Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins., S. 207.

¹⁵Ibid, S. 207—208. Русский текст «Распоряжения» цитируется по архивному источнику.

¹⁶Елифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР., с. 59.

¹⁷АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 93, л. 136—138.

¹⁸Елифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников., с. 55.

¹⁹Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. — Екатеринбург: Изд-во УргЮА, 1997, с. 157.

²⁰Архив УВД ВО, ф. 10, оп. 1, д. 544.

²¹ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 270, л. 38—41.

²²ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 22е, д. 50, л. 1, 9—21.

²³Елифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР., с. 175—204, 204—205.

²⁴Цит. по: Крупенников А. А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х годов //Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Красногорск, 1996, с. 177.

²⁵Там же, с. 182.

²⁶См. подробнее: Reschin L. Der Mockauer Prozeß gegen General von Seydlitz im Spiegel russischer Dokumente //Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und der Bund Deutscher Offiziere. — Frankfurt am Main, 1995, S. 251—263. Русский вариант статьи и подборки документов в сокращенном виде см.: Решин Л. Е. Московский процесс над генералом фон Зайдлицем в зеркале российских документов //Национальный Комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. — Красногорск, 1996, с. 236—246.

²⁷Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР., с. 60.

²⁸ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 270, л. 2—4.

²⁹Там же, л. 42—53.

³⁰См.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. — Вологда, 1996, с. 229.

³¹ЦХИДК, ф. 1/п. оп. 21а, д. 4, л. 32.

³²Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins., S. 214—215.

³³Архив УВД ВО, ф. 10, оп. 1, д. 562.

³⁴ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 441, л. 5—6; ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 97, л. 27—32.

³⁵ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 4, л. 64—65.

³⁶Там же, л. 66—73.

³⁷Цит. по: Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР., с. 67—68.

³⁸ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 210—214.

³⁹Там же.

⁴⁰ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 269, л. 119—121.

⁴¹ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 34а, д. 9, л. 1—4.

⁴²ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 89—90.

⁴³Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins., S. 213.

⁴⁴Ibid, S. 213—214. Цитируется по первоисточнику.

⁴⁵ЦХИДК, ф. 463/п, д. 443, л. 234.

⁴⁶Мирецкий С. Преступники в фельдмаршальских мундирах // Невозвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Воениздат, 1973, с. 253—270.

⁴⁷ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654, л. 12—13.

⁴⁸Подробнее о судьбе генерала Гельмута Вейдлинга см.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР., с. 285—297.

⁴⁹ЦХИДК, ф. 463/п, д. 443, л. 234, л. 12—13.

⁵⁰Там же, д. 445, л. 42.

⁵¹Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der justiz Stalins., S. 214—215.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА 40-х — НАЧАЛА 50-х гг.

¹ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 269, л. 36—46.

²Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы., с. 166.

³Цит. по: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945—1949. Сборник документов. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1994, с. 133.

⁴Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952 Kenntnisstand und Forschungsprobleme. — Dresden, 1996, S. 13.

⁵Lang M. Stalins Straffjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. — Herford, 1981, S. 77—88.

⁶Требование о постановке на учет руководителей организаций "Скрещенные стрелы" и "Железная гвардия" нашло отражение в директиве НКВД СССР № 138сс от 18 августа 1945 года. См.: Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 472.

⁷ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 60, л. 208—210.

⁸Красная звезда, 1949, 14 декабря.

⁹Согласно справке Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры РФ от 2 февраля 1998 г. на сегодняшний день реабилитировано свыше 6700 германских подданных, отказано в реабилитации около 1800 немцам.

¹⁰Streit Chr. Keine Kameraden// Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. (Phil. Diss.). — Stuttgart, 1978. Трагической судьбе советских военнопленных посвящены также многочисленные статьи автора. См., напр.: Streit Chr. Sowjetische Kriegsgefangene —

Massendeportationen — Zwangsarbeiter // Der Zweite Weltkrieg. Analysen — Grundzüge — Forschungsbilanz. — München, 1989, S. 747—760; Streit Chr. Die Sowjetischen Kriegsgefangenen in der Hand der Wehrmacht // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. — Вологда, 1997, с. 19—30.

Глава 3. Проблема немецких военнопленных в контексте внешней политики СССР (1950—1956 гг.)

РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДЕМАРШИ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ, МККК И ООН

¹См.: Smith A. Die "vermißte Million". Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangener nach dem Zweiten Weltkrieg. — München, 1992, S. 79—80. Критические комментарии к выступлению К. Аденауэра см.: Новое время, 1950, № 20, с. 27—28.

²Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943—1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. — Dresden, 1996, S. 14—15.

³Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986, S. 138—139.

⁴Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangenen in den Jahren 1949 und 1950 im historischen Sicht. — Stuttgart, 1981, S. 145.

⁵Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr., S. 190—191.

⁶Британский союзник, 1950, 28 мая, с. 1.

⁷Л. Б. Тщетные усилия // Новое время, 1950, № 20, с. 27—28.

⁸Труд, 1950, 17 мая.

⁹Обращение властей ФРГ к более реальным цифрам, характеризующим количество немецких военнопленных в СССР, было замечено советской прессой. См.: Наумов П. Под флагом комиссии ООН // Правда, 1953, 18 сентября.

¹⁰См.: Bacqué J. Der geplante Tod. Deutsche Kriegsgefangene in amerikanischen und französischen Lagern 1945—1946. — Frankfurt, 1989; Nawratil H. Die deutschen Nachkriegsverluste unter Vertriebenen, Gefangenen und Verschleppten. — München—Berlin, 1988.

¹¹Цит. по: Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen., S. 15.

¹²Правда, 1950, 3 октября.

¹³ГА РФ, ф. Р.—9401, оп. 2, д. 269, л. 333—334, оп. 4а, д. 7, л. 137—138.

¹⁴Там же, ф. 9526. Подсчитано автором. Цифры взяты из отчета Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации.

¹⁵Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941-1956. – München, 1995, S. 202.

¹⁶Статья 107 Устава ООН гласит: “Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям” (Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3, с. 433). Советская делегация интерпретировала эту статью следующим образом: послевоенное германское урегулирование является компетенцией ответственных за него четырех держав (прежде всего Совета министров иностранных дел). Поэтому рассмотрение вопроса об “узниках войны” на заседаниях ООН, равно, как и создание при ООН комиссии по военнопленным, нельзя считать законными.

¹⁷АВП РФ, ф. 082, оп. 38, п. 231, д. 53, л. 85.

¹⁸Там же, оп. 40, п. 257, д. 28, л. 3–7.

¹⁹Текст ответной ноты СССР был опубликован. См.: Правда, 1952, 25 января.

²⁰Karner S. Im Archipel GUPVI., S. 204.

²¹См.: Конасов В. Б., Терещук А. В. Люксембургцы в советском плену //Новый Часовой, 1997, № 5, с. 343–344.

²²АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, л. 103.

²³Там же, л. 70–71.

²⁴Smith A. Die “vermißte Million...”, S. 136.

²⁵Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа 1947–1956. – М.: ИЦ “Россия молодая”, 1994, с. 17.

²⁶ГА РФ, ф. 9501, оп. 5, д. 3, л. 1.

²⁷Там же, л. 3–5.

²⁸Там же, л. 90–98.

²⁹Там же, л. 135–139.

³⁰Там же, л. 185.

³¹Там же.

³²Россия — Швейцария. 1813–1955 гг. Документы и материалы. – М.: Международные отношения, 1995, с. 504.

³³Александров С. Пособники агрессоров под маской международной организации // Правда, 1952, 29 апреля.

³⁴АВП РФ, ф. 0141, оп. 34, п. 126, д. 5, л. 6-10.

³⁵Правда, 1952, 10 июля.

³⁶Николаев А. Б. Международный Красный Крест (Правовая структура и политическое лицо)//Советское государство и право, 1952, № 8, с. 43-51.

³⁷На 18-й Международной конференции Красного Креста (беседа с главой советской делегации Н. В. Славиним)//Советский Красный Крест, 1952, № 5, с. 29.

³⁸Там же, с. 30.

³⁹Riesenberger D. (Hg.) Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Documentation und Kommentar. – Bremen, 1994, S. 37.

⁴⁰Ibid, S. 102.

⁴¹АВП РФ, ф. 082, оп. 38, п. 231, д. 53, л. 21.

⁴²Цит. по: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. – Вологда, 1996, с. 234.

⁴³АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, л. 68.

⁴⁴ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 51-55.

⁴⁵Niemöller J. Erkundung genen den Strom. 1952: Martin Niemöller reist nach Moskau. Eine Dokumentation. Im Radius – Verlag, 1994, S. 50-51.

⁴⁶АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 30, л. 102, 112.

⁴⁷АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 30, л. 96-97.

⁴⁸Там же, л. 143.

⁴⁹АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 26, л. 36-39.

⁵⁰Там же, л. 66.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ ПРЕЕМНИКОВ СТАЛИНА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

¹Правда, 1953, 6 марта.

²Правда, 1953, 10 марта.

³Некрасов В. Ф. Тринадцать “железных” наркомов: художественно-документальное повествование. — М.: Версты, 1995, с. 240.

⁴Уже после ареста Л. П. Берии, 24 июля 1953 года, министр внутренних дел С. Н. Крутлов издал приказ № 0057, вводивший в действие “Инструкцию о порядке переписки осужденных иностранцев со своими родственниками и порядке получения ими посылок и денежных переводов”. См.: ГА РФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, л. 38-41.

⁵Источник. Документы русской истории, 1994, № 4, с. 108–110.

⁶Там же, с. 110–111.

⁷Цит. по: Правда, 1953, 25 апреля.

⁸Источник. Документы русской истории, 1994, № 4, с. 111–112.

⁹Решин Л. Е. События 17 июня 1953 года в зеркале московских архивов. Из рукописи неопубликованной статьи.

¹⁰Обвинения Л. П. Берии в намерении “отдать 18 миллионов немцев под господство американских империалистов” прозвучали на пленуме ЦК КПСС в июне 1953 года из уст Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и других участников этого партийного форума. См.: Стенограммы пленумов ЦК. Дело Берия //Известия ЦК КПСС, 1991, № 1, с. 143–144, 157–158, 162–164.

¹¹АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 64.

¹²Цит. по: Отношения СССР с ГДР. 1949–1955 гг. Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1974, с. 268–269.

¹³АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 59.

¹⁴Там же, л. 14–19.

¹⁵Там же, л. 60–63.

¹⁶Reschin L. General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955. — Berlin, 1995, S. 309–310.

¹⁷Там же.

¹⁸Правда, 1953, 23 августа.

¹⁹Отношения СССР с ГДР. 1949–1955 гг. Документы и материалы., с. 307–308.

²⁰Там же, с. 312.

²¹Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. — М.: Международные отношения, 1993, с. 166.

²²Цит. по: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР., с. 244.

²³Там же, с. 170.

²⁴Цит. по: Отношения СССР с ГДР. 1949–1955 гг. Документы и материалы., с. 321–322.

²⁵Там же.

²⁶Ihme-Tuchel B. Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KPdSU. Dokumentation. In: Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1994, № 53, S. 456.

²⁷Правда, 1953, 31 августа.

²⁸Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. — München, 1995, S. 203–204.

²⁹Цит. по: Ю. П. Комиссия обманщиков терпит провал //Правда, 1953, 2 октября.

³⁰См. подробнее: Конасов В. Б., Судаков В. В., Быстрицкий А. Н. ...Пока не похоронен последний солдат. — Вологда-Москва, 1997, с. 12—27.

³¹Правда, 1953, 18 и 19 сентября.

³²Там же.

³³Reschin L. General zwischen den Fronten., S. 310-311.

³⁴АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 106-118.

³⁵Одновременно 17 апреля 1954 года Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал еще три конвенции: "Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях", "Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море", "О защите гражданского населения во время войны".

³⁶ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 30а, д. 2, л. 64, 67, 79.

³⁷Решин Л. Е. События 17 июня 1953 года... Из рукописи неопубликованной статьи.

³⁸"Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики". Пер. с нем. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 287-288.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ФРГ

¹Вскоре после публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР "О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией" в адрес Москвы поступила нота правительства Нидерландов. Страна—депозитарий Гаагской конвенции интересовалась, считает ли советское правительство себя связанным упомянутым выше международным соглашением. В ответной ноте от 7 марта 1955 года правительство СССР заявило, что признает ратифицированные царской Россией Гаагские конвенции и декларации, "разумеется, в той мере, в какой эти конвенции и декларации не противоречат Уставу ООН или если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участниками которых является СССР". (См.: Правда, 1955, 8 марта). Западнотерманский историк М. Ланг усматривает в уклончивом ответе советской стороны, в котором вовсе не случайно отсутствует слово "связанность", намерение избежать воз-

можных претензий в нарушении СССР Гаагской конвенции в годы второй мировой войны. Одновременно нота Москвы, обращенная "только в настоящее и будущее", давала понять мировой общественности, что Советский Союз не собирается ставить под сомнение законность приговоров, вынесенных в прошлом военным преступникам. (См.: Lang M. *Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangenen in den Jahren 1949 und 1950 im historischen Sicht*. – Stuttgart, 1981, S. 58-61).

²Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. – М.: Международные отношения, 1993, с. 166–167.

³Дернберг С. Краткая история ГДР. Второе дополненное издание. Пер. с нем. – М.: Мысль, 1971, с. 480; Reschin L. *General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955*. – Berlin, 1995, S. 312.

⁴ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 466, л. 410–411.

⁵Кампхаузен Г. Переговоры о возвращении немецких военнопленных из СССР в 1952–1953 гг. В кн.: Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Красногорск, 1996, с. 116.

⁶Правда, 1955, 16 апреля.

⁷ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 465, л. 159–161.

⁸Там же, л. 165–166.

⁹Ihme-Tuchel B. *Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen im Herbst 1955 im Spiegel der Diskussion zwischen SED und KPdSU. Dokumentation*. In: *Militargeschichtliche Mitteilungen*, 1994, № 53, S. 460.

¹⁰Ibid, S. 461.

¹¹АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 13, д. 184, л. 54.

¹²Reschin L. *General zwischen den Fronten..*, S. 313–314.

¹³Полный текст статьи Отто Нушке см.: Ihme-Tuchel B. *Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen..*, S. 451–452.

¹⁴Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР., с. 246–247.

¹⁵АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 207, л. 1–4, 23.

¹⁶Там же.

¹⁷Полян П. М. Жертвы двух диктатур.– М.: "Ваш выбор ЦИРЗ", 1996, с. 328–332.

¹⁸Цит. по: Правда, 1955, 16 сентября.

¹⁹См., напр.: Правда, 1955, 29 сентября.

²⁰ГА РФ, ф. Р. – 9101, оп. 2, д. 466, л. 409–410.

²¹Там же, л. 411–413.

²²Там же, л. 116-121.

²³Решение ЦК КПСС 28 сентября 1955 года продублировал Указ Президиума Верховного Совета СССР "О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны". Текст Указа см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1955, № 17, ст. 351.

²⁴Цит. по: "Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики (от 22 мая 1955 г. до 30 июня 1956 г.)". Пер. с нем. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 284-285.

²⁵ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 466, л. 296-297.

²⁶ЦХИДК, ф. 451, оп. 1, д. 19, л. 265-266.

²⁷Там же, ф. 1/п, оп. 31а, д. 91, л. 88, 111.

²⁸Lang M. *Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten...*, 1981, S. 119.

²⁹Там же, с. 120.

³⁰АВП РФ, ф. 082, оп. 37, п. 134, д. 5, л. 43, 49-50.

³¹ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 478, л. 93-95.

³²Там же, л. 96.

³³См., напр.: Полян П. М. *Жертвы двух диктатур...*, с. 328-329.

³⁴Ныне названное постановление рассекречено и опубликовано. См.: Военно-исторический журнал, 1991, № 8, с. 32-34.

³⁵АВП РФ, ф. 757, оп. 1. п. 3, д. 22, л. 4-5.

³⁶Там же, л. 40-41.

³⁷Там же, л. 54.

³⁸Там же, л. 58.

³⁹ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 37а, д. 4, л. 62.

⁴⁰Там же, оп. 01е, д. 133, л. 11; д. 98, л. 23.

ОТ АВТОРА

Выражаю свою искреннюю признательность редактору издания, доктору исторических наук профессору В. А. Золотареву, сотрудникам Института военной истории МО РФ доктору исторических наук профессору В. Н. Вартанову, кандидатам наук Г. М. Иваницкому, В. Н. Шевченко и Ю. Е. Рыбалкину, которые приняли участие в обсуждении рукописи.

Сердечно благодарю зарубежных коллег — профессора Института по изучению последствий войны им. Людвига Больцмана (г. Грац, Австрия) Стефана Карнера, директора Института по изучению архивов ФРГ (г. Бонн, Германия) Гюнтера Вагенленера, Почетного доктора Мюнхенского университета (г. Эрланген, Германия) Клауса Кирхнера, предоставивших в распоряжение исследователя литературу по интересующей его проблеме.

По просьбе автора помощь статистическими материалами оказали Старший помощник Генерального прокурора РФ Г. Ф. Весновская, помощник Главного военного прокурора Генеральной прокуратуры РФ полковник Л. П. Копалин.

Своими советами и замечаниями работе над рукописью книги способствовали заслуженный работник культуры РФ профессор В. В. Судаков, доктора исторических наук А. И. Борозняк, М. Е. Ерин, А. М. Попов, кандидаты исторических наук А. В. Терещук и Б. В. Петелин.

Самые теплые слова адресует автор корректору И. А. Головиной, сотрудникам компьютерно-издательского центра Н. И. Тимоновой, М. Е. Филиной, Н. Н. Шербаковой, Н. Н. Балдесовой.

Коротко об авторе

Конасов Виктор Борисович родился в 1950 году в городе Великом Устюге. Кандидат исторических наук. Автор книг и статей по истории второй мировой войны. Особый интерес в России и за рубежом вызвала его книга "Судьбы немецких военнопленных в СССР". В настоящее время — доцент Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, член редколлегии военно-исторического журнала "Новый Часовой".

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография вопроса о репрессивной политике Советского государства по отношению к немецким военнопленным	7
Глава 2. Судебные процессы.	
Политический и правовой аспекты проблемы	40
Подготовка и проведение судебных процессов над военными преступниками в период 1945-1947 гг.	40
Судебные процессы над немецкими военнопленными на рубеже 40—50-х гг.	47
Политический характер и правовая оценка судебных процессов конца 40-х — начала 50-х гг.	71
Глава 3. Проблема немецких военнопленных в контексте внешней политики СССР (1950—1956 гг.)	76
Реакция советского руководства на дипломатические демарши западных держав, МККК и ООН	76
Новые подходы преемников Сталина к решению проблемы военных преступников	93
Освобождение последних немецких военнопленных в процессе установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ	107
Навстречу примирению	123
Приложения	127
Приложение 1. Статистические данные о репрессивной политике Советского государства по отношению к немецким военнопленным	128
Приложение 2. Межправительственные переговоры и отчеты МВД по вопросу освобождения немецких военнопленных	133
Примечания	143

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Виктор Борисович Конасов
СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР.
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

12 р.

Технический редактор *Н. И. Тимонова*

Корректор *И. А. Головина*

Компьютерная верстка *Н. Н. Щербакова*

Сдано в набор 17.11.97 г. Подписано в печать 14.04.98 г. Формат 60х84/16.

Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура Журнальная.

Объем 10,5 п. л. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет изготовлен в издательстве Вологодского института
повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.
160012, г. Вологда, ул. Коаленская, 114.

